

РИК РИОРДАН

Перси Джексон

И ПРОКЛЯТИЕ ТИТАНА

Annotation

Приключения Перси Джексона продолжаются! Правда, на этот раз, после того как юный сын Посейдона вступает в схватку с могущественным чудовищем-мантикорой, они больше похожи на злоключения. Несмотря на помощь Артемиды, богини охоты, чудовище похищает Аннабет, дочь Афины, подругу Перси, а следом за ней в беду попадает и сама Артемиды. Дельфийский оракул пророчествует, что Аннабет будет спасена, но двое из отважной пятерки, отправившейся на ее поиски, погибнут. И, похоже, обещанию оракула суждено сбыться, ведь в пути Перси Джексона и его друзей поджидают немыслимые опасности. Но самое страшное испытание ждет их на горе Отрис, охраняемой стоголовым драконом. Там, проклятый богами Олимпа, держит на своих плечах небесный свод титан Атлас, который и заманил в ловушку богиню Артемиду и Аннабет. Цикл Рика Риордана о Перси Джексоне стал одним из супербестселлеров последних лет.

- [Рик Риордан](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)

- [Глава двадцатая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Рик Риордан

«Перси Джексон и проклятие титана»

Глава первая

Моя миссия под угрозой срыва

В пятницу перед зимними каникулами мама собрала для меня рюкзак, положив туда и мое личное оружие, и повезла меня в новую школу-интернат. По дороге мы подхватили моих друзей, Аннабет и Талию.

От Нью-Йорка до Бар-Харбора, штат Мэн, восемь часов езды. По шоссе хлестал дождь, периодически переходящий в мокрый снег. Я уже несколько месяцев не виделся с Аннабет и Талией, но непогода и мысли о том, что нам предстоит, отбили всякое желание разговаривать. У всех, кроме мамы. Когда она нервничает, то начинает болтать без умолку. К тому времени, когда мы наконец добрались до Уэстовер-холла, уже стемнело и она успела пересказать Аннабет и Талии все самые пикантные истории из моего детства.

Талия протерла запотевшее стекло машины, посмотрела наружу и сказала:

— О да! Это будет весело.

Уэстовер-холл напоминал замок рыцаря-злодея. Он был целиком сложен из черного камня, с башнями, узкими бойницами и большими деревянными двойными воротами. Замок стоял на заснеженной скале, одним фасадом выходя на большой заиндевелый лес, а другим — на серый пенящийся океан.

— Вы точно не хотите, чтобы я подождала вас? — спросила мама.

— Нет, спасибо, мам, — ответил я. — Я не знаю, сколько времени это займет. С нами все будет в порядке.

— Но как вы доберетесь обратно? Я так волнуюсь, Перси.

Я надеялся, что не покраснел. Нет ничего хорошего в том, что на битву я отправляюсь в сопровождении мамы.

— Все будет в порядке, миссис Джексон, — ободряюще улыбнулась Аннабет. Ее светлые кудри были забраны под лыжную шапочку, а серые глаза цветом напоминали метель. — Мы проследим, чтобы с ним ничего не случилось.

Мама, кажется, немножко успокоилась. Она думает, что Аннабет — самая умная и сообразительная из полубогов, когда-либо доучившихся до восьмого класса. И она уверена, что Аннабет частенько спасала меня от смерти. На самом деле так оно и есть, но это еще не означает, будто я в восторге от данного факта.

— Прекрасно, дорогие мои, — сказала мама. — Вам больше ничего не нужно?

— Нет, миссис Джексон, — ответила Талия. — Спасибо, что подвезли.

— Может быть, еще пару свитеров? А номер моего сотового у вас есть?

— Мам...

— Ты не забыл нектар и амброзию, Перси? А золотую драхму, на случай если надо будет связаться с лагерем?

— Мама, ну хватит! С нами все будет в порядке. Пошли.

Я вылез из машины. Мама выглядела немного задетой, и мне было жаль ее огорчать, но я мечтал только о том, как бы поскорее выбраться из машины. Если маме вздумается рассказать еще одну историю про то, каким сообразительным я был в три года, сидя в детской ванночке, я заруюсь в сугроб и просижу там, пока не замерзну до смерти.

Аннабет и Талия последовали за мной. Дувший в лицо ветер насквозь пронзал мою куртку ледяными кинжалами.

Как только мамина машина скрылась из виду, Талия сказала:

— У тебя потрясающая мама, Перси.

— Ничего, — согласился я. — А у тебя? Ты когда-нибудь с ней встречалась?

Не успел я спросить это, как уже пожалел. Талия мастерски наловчилась прожигать людей злобными взглядами, и это качество отлично сочеталось с излюбленной ею одеждой панка: разодранная тужурка, черные кожаные брюки и цепочки, прилепленные везде, где только можно, плюс обведенные черным карандашом ярко-голубые глаза. Но взгляд, которым она удостоила меня сейчас, был не просто злым, а преисполненным ненависти.

— Если бы это хоть сколько-нибудь тебя касалось, Перси!..

— Давайте войдем внутрь, — вмешалась Аннабет. — Гроувер уже, наверное, заждался.

— Верно. — Талия взглянула на замок и поежилась. — Интересно, что он тут такого нашел, что заставило его послать сигнал бедствия.

— Ничего хорошего, — предположил я, уставясь на темные башни Уэстовер-холла.

* * *

Дубовые двери со скрипом отворились, и мы вступили в холл,

сопровожаемые снежным вихрем.

— Ух ты! — невольно вырвалось у меня.

Холл был огромный. Стены украшали боевые знамена и разного рода оружие — старинные мушкеты, боевые топоры и куча подобного рода игрушек. То есть я знал, что Уэстовер — военная школа и всякое такое, но металла на стенах было столько... вполне достаточно, чтобы истребить население целой страны. В буквальном смысле слова.

Я непроизвольно сунул руку в карман, где хранилась смертоносная шариковая ручка, готовая в любой момент превратиться в мой меч Анаклузмос. Я сразу сообразил: с этим местом что-то не так. Здесь кроется какая-то опасность. Талия терла серебряный браслет — свой любимый магический предмет. Я понял, что мы думаем об одном и том же. Назревала схватка.

— Интересно, где... — начала было Аннабет.

Двери за нами тяжело захлопнулись.

— Так-так, — пробормотал я. — Кажется, придется ненадолго здесь задержаться.

Я услышал отголоски музыки, доносившейся с противоположного конца холла. Судя по мелодии, это была танцевальная музыка.

Мы спрятали наши рюкзаки за колонной и пошли дальше, в глубь холла. Не успели мы далеко уйти, как я услышал шорох шагов по каменному полу, и из полумрака нам наперерез выступили мужчина и женщина.

Оба были седые, коротко подстриженные, в черном одеянии с красной окантовкой, похожем на военную форму. У женщины над верхней губой наметились тонкие усики, а мужчина, напротив, был чисто выбрит, что показалось мне нелепым. Оба держались неестественно прямо, будто к их спинам привязали палки.

— Ну? — спросила женщина. — Что вы здесь делаете?

— Хм... — Я понял, что не готов к такому вопросу.

Поскольку я сосредоточился исключительно на том, чтобы найти Гроувера и выяснить, в чем тут дело, то совершенно не учел, что кто-то может подвергнуть допросу трех подростков, пробравшихся ночью в школу. В машине мы вообще не говорили о том, как проникнем внутрь.

— Мэм, — ответил я, — мы просто...

— Ха! — выкрикнул мужчина так резко, что я чуть не подпрыгнул. — Посетителей не пускают на танцы! Вас следует у-у-у-да-а-а-лить!

Он говорил с акцентом, возможно французским. Во всяком случае, слегка гнусавил. Мужчина этот отличался высоким ростом и хищными,

ястребиными чертами лица. Когда он говорил, ноздри у него раздувались, отчего было трудно не смотреть на его нос, а глаза были разноцветные — один карий, другой голубой, — как у дворовой кошки.

Я представил, как он вышвыривает нас за дверь, в снег, но тут вперед выступила Талия и сделала нечто очень странное.

Она щелкнула пальцами. Звук получился резкий и громкий. Может, мне показалось, но я почувствовал, как от ее пальцев исходит дуновение ветра; оно проносится через холл, овевая нас и учителей и шевеля знамена на стенах.

— Но мы не посетители, сэр, — сказала Талия. — Мы приехали сюда учиться. Помните? Меня зовут Талия. А это Аннабет и Перси. Мы к вам в восьмой класс.

Преподаватель-мужчина сощурил свои разноцветные глаза. Не знаю, о чем думала Талия. Теперь нас, возможно, накажут за ложь и действительно вышвырнут за порог. Но мужчина, казалось, пребывал в нерешительности.

— Миссис Готтчок, вы знаете этих учеников? — Он посмотрел на свою коллегу.

Несмотря на шаткость нашего положения, мне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться. Учительница по фамилии «Съела мел»?^[1] Он, вероятно, шутит.

Женщина заморгала глазами, словно выйдя из транса.

— Да. Кажется, знаю, сэр. — Нахмурясь, она посмотрела на нас. — Аннабет. Талия. Перси. Что вы делали за пределами школы?

Прежде чем я успел ответить, послышались шаги и в холл, задыхаясь, вбежал Гроувер.

— Вы сделали это! Вы... — Увидев учителей, он тут же замолчал. — О, миссис Готтчок. Доктор Торн! Я...

— Что случилось, мистер Ундервуд? — спросил мужчина, по всей видимости доктор Торн. По тону было ясно, что Гроувер ему неприятен. — Что вы имели в виду, сказав: «Вы сделали это»? Эти ученики живут здесь.

Гроувер поборол одолевавшее его волнение.

— Да, сэр. Конечно, сэр. Я только хотел сказать: мне так приятно, что они сделали... пунш для вечеринки! Отличный пунш. И это они приготовили его!

Доктор Торн уставился на нас. Я решил, что один глаз у него, должно быть, вставной. Вот только какой? Карий? Голубой? Он смотрел так, будто хотел сбросить нас с самой высокой башни замка, но затем миссис Готтчок полусонно произнесла:

— Превосходный пунш. А теперь — уходите отсюда все. И не

вздумайте снова покидать школу!

Дважды повторять нам не пришлось. Прежде чем уйти, мы нестройно отбарабанили «да, мэ» и «да, сэ», поскольку сообразили, что здесь так принято.

Гроувер быстро повел нас через холл в направлении, откуда доносилась музыка.

Я чувствовал, как учителя смотрят нам в спину, однако поравнялся с Талией и вполголоса спросил ее:

— Как тебе удалось проделать эту штуку... ну, когда ты щелкнула пальцами?

— Ты про туман? Неужели Хирон тебе не показывал?

У меня перехватило дыхание. Хирон был нашим учителем, но он никогда не показывал мне ничего подобного. Почему же он научил этому Талию?

Гроувер, поторапливая, вел нас к двери, на стекле которой было написано «СПОРТЗАЛ». Даже при моей дислексии я смог это прочесть.

— Уже скоро! — сказал Гроувер. — Слава богам, вы подросли!

Аннабет и Талия крепко обняли его. Я показал ему поднятый вверх большой палец.

Здорово было увидеться с ним спустя столько месяцев. Он немного подрос и отпустил хиленькие бакенбарды, но в остальном выглядел как всегда, когда хотел сойти за человека: красная кепка на курчавых каштановых волосах, чтобы скрыть козлиные рожки, мешковатые джинсы и спортивные кроссовки, скрывавшие его мохнатые ноги и копыта. Наряд сатира дополняла черная футболка, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы прочесть надпись на ней: «Уэстовер-холл, пехотинец». Трудно было сказать наверняка, что это — род войск, к которому принадлежал Гроувер, или просто школьное прозвище.

— Ну и почему такая срочность? — спросил я.

— Я нашел двоих, — ответил Гроувер, набрав в грудь побольше воздуха.

— Двух полукровок? — изумилась Талия. — Здесь?

Гроувер кивнул.

Найти одного полукровку — уже считалось редкостью. В этом году Хирон перевел сатиров на режим повышенной готовности и разослал по стране для тщательной проверки всех школ — от четвертого до восьмого класса — для пополнения контингента лагеря. Настали отчаянные времена. Мы теряли обитателей лагеря одного за другим. Нам нужны были новые бойцы, где бы их ни обнаружили. Проблема состояла в том, что полубогов

осталось не так уж много.

— Брат с сестрой, — сказал Гроувер. — Ему десять, ей — двенадцать. Не знаю, кто их родители, но они обладают отменной силой. Впрочем, время на исходе. Мне нужна помощь.

— Монстры?

— Один. — Гроувер явно нервничал. — Он подозревает. Думаю, он все еще не принял окончательного решения, но сегодня последний день семестра. Уверен, что он не выпустит их из кампуса, пока не будет знать точно. Это, может быть, наш последний шанс! Всякий раз, когда я стараюсь сблизиться с ними, он тут как тут, перекрывает мне путь. Просто не знаю, что делать!

Гроувер с надеждой посмотрел на Талию. Я постарался не слишком расстраиваться из-за этого. Раньше, в поисках ответа, Гроувер всегда обращался ко мне, но теперь старшей стала Талия. И не просто потому, что отцом ее был Зевс. Талия имела больше опыта в отражении атак чудовищ в реальном мире, чем мы.

— Ладно, — произнесла она. — Так где эти полукровки — танцуют?

Гроувер кивнул.

— Вот пусть и танцуют, — сказала Талия. — А кто монстр?

— О! — сказал Гроувер, нервно оглядываясь. — Вы недавно встретили его. Заместитель директора доктор Торн.

* * *

Странное место эти военизированные школы. Когда при какой-нибудь торжественной okazji им разрешают снимать форму, ребята из таких заведений ведут себя как полные балбесы. Мне кажется, это потому, что по большей части их держат на коротком поводке и тут они пытаются получить компенсацию за все сразу.

Весь спортивный зал был завален черными и красными шарами, парнишки помладше из всех сил лупцевали друг друга чем попало, а также пытались задушить одноклассников лентами из гофрированной бумаги, развешанными по стенам. Девочки ходили вокруг в футбольных шлемах, как они это любят, с безумными слоями косметики на лице, в ярких брюках и туфлях, больше похожих на «испанский сапог».

Каждый раз, когда они, взвизгивая и хихикая, набрасывались на какого-нибудь бедного пацана, словно стая пираний, у несчастной жертвы оставались ворох лент в волосах и лицо, разрисованное помадой. Парни

постарше, вроде меня, чувствовали себя неуютно, слоняясь по углам зала и стараясь спрятаться, словно их жизни поминутно грозила опасность. Ну, мне-то точно угрожала опасность...

— Вон они. — Гроувер кивнул, указывая на пару ребят младшего возраста, споривших о чем-то на местах для зрителей. — Бьянка и Нико ди Анджело.

Голову девочки украшала зеленая шляпа с широкими свисающими полями, словно она пыталась спрятать свое лицо. У мальчика, явно ее младшего брата, была оливковая кожа и темные шелковистые волосы. Разговаривая, оба постоянно размахивали руками. Мальчик перетасовывал в руках какие-то карточки. Сестра, казалось, упрекала его в чем-то. При этом она постоянно оглядывалась, словно чувствуя неладное.

— Они в курсе? — спросила Аннабет. — То есть ты сказал им?

— Сама знаешь, как это бывает. — Гроувер покачал головой. — Это может подвергнуть их еще большей опасности. Как только они поймут, кто они на самом деле, запах станет еще сильнее.

Он посмотрел на меня, и я кивнул. Я никогда по-настоящему не понимал, что означает запах полукровок для чудовищ и сатиров, но знал, что по нему тебя могут обнаружить и убить. И чем более могущественным полубогом ты становишься, тем аппетитнее пахнешь для чудовищ.

— Так давайте сграбастаем их и уберемся отсюда подальше, — сказал я.

Я двинулся вперед, но Талия положила руку мне на плечо. Заместитель директора доктор Торн выскользнул из какого-то дверного проема рядом с местами для зрителей и встал рядом с братом и сестрой ди Анджело. Он холодно кивнул нам. Казалось, его синий глаз ярко светится.

По выражению его лица я догадался, что Талии не удалось окончательно одурачить Торна своим фокусом с туманом. Он подозревал нас и просто выжидал, чтобы увидеть, зачем мы явились.

— Не глядите на детей! — приказала Талия. — Придется ждать возможности забрать их. Надо притвориться, что они нас вовсе не интересуют. Сбить его со следа.

— Как?

— Мы — трое могущественных полукровок. Наше присутствие должно смутить его. Запутать. Держитесь естественно. Давайте потанцуем. Но не спускайте глаз с ребяташек.

— Потанцуем? — переспросила Аннабет.

Талия кивнула. Она прислушалась к музыке и скорчила гримасу.

— Фу! Кто выбрал Джесси Маккартни?^[2]

— Я выбрал, — обиженно ответил Гроувер.

— О боги, Гроувер! Это же для паралитиков. Ты мог бы поставить что-нибудь вроде «Грин дэй»?^[3]

— Какой еще Грин? — не понял сатир.

— Не бери в голову. Потанцуем.

— Но я не умею танцевать!

— Сумеешь, я поведу, — сказала Талия. — Ну же, пошли, козленочек.

Гроувер только тихонько заскулил, когда Талия схватила его за руку и поволокла на площадку для танцев.

Аннабет улыбнулась.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Просто будет хорошо, если Талия не слишком увлечется.

За последнее лето Аннабет вытянулась больше, чем я, что меня несколько смущало. Обычно она не носила никаких украшений, кроме своего ожерелья, которое ей присвоили как полукровке, но теперь в ушах у нее появились маленькие серебряные совы — символ ее матери Афины. Она сняла лыжную шапочку, и длинные светлые кудри рассыпались по ее плечам. Почему-то от этого она стала выглядеть еще чуточку старше.

— В общем... — Я попытался сообразить, что бы такое сказать.

«Держитесь естественно», — велела Талия.

О какой естественности, черт возьми, может идти речь, когда ты полукровка, выполняющий опасную миссию?

— Ну как, тебе удалось спроектировать еще что-нибудь симпатичное за последнее время?

Глаза Аннабет вспыхнули, как всякий раз, когда мы заговаривали об архитектуре.

— О Перси! В новой школе я освоила программу 3D-дизайн, и эта компьютерная программа позволяет...

Аннабет стала объяснять, какой монумент задумала воздвигнуть на Граунд-зиро^[4] на Манхэттене. Она говорила о несущих конструкциях и фасаде, о строительных материалах, а я попытался слушать. Я знал, что она хочет стать суперархитектором, когда вырастет. Ей нравились математика, история архитектуры и прочая мура. Я с трудом улавливал даже общий смысл того, что она говорила.

По правде говоря, я был несколько обескуражен, услышав, что Аннабет так нравится новая школа. Впервые она пошла в школу в Нью-Йорке. Признаться, тогда я надеялся видеть ее чаще. Но это был чисто женский интернат в Бруклине. Они с Талией обе ходили туда, школа

располагалась достаточно близко от Лагеря полукровок, и Хирон мог помочь им, если они попадут в беду. Я же посещал среднюю школу на Манхэттене и почти не виделся с ними.

— Вот здорово, — сказал я. — Значит, останешься до конца года?

Лицо Аннабет потемнело.

— Возможно, если я не...

— Эй! — окликнула нас Талия.

Она танцевала медленный танец с Гроувером, который то и дело сбивался с ритма, наступал на ноги Талии, и вид у него был мученический. Но ведь и ноги бутафорские. В отличие от меня у сатира имелся предлог проявлять подобную неуклюжесть.

— А ну-ка танцуйте, ребята! — велела Талия. — Глупо торчать здесь просто так.

Я нервно поглядел на Аннабет, затем на девчонок, стайками бродивших по залу.

— Ну? — спросила Аннабет.

— Думаю, кого же мне пригласить?

Она ткнула меня кулаком под дых.

— Меня, рыбы мозги!

— О да, конечно.

Короче, мы вышли на танцпол, и я посмотрел, как продвигаются дела у Талии с Гроувером. Потом положил одну руку на бедро Аннабет, а она вцепилась во вторую так, словно собиралась опрокинуть меня броском дзюдо.

— Не бойся, не укушу, — сказала она. — Только честно, Перси, у вас, у мальчишек, что — танцев в школе не бывает?

Я промолчал. По правде говоря, танцы у нас бывали. Но я никогда не танцевал на вечеринках, обычно присоединяясь к парням, которые играли в баскетбол.

Мы прошаркали так несколько минут, и я попытался сосредоточиться на разных мелочах вроде гофрированных бумажных лент и чаши с пуншем, то есть на всем, кроме того, что Аннабет выше меня, ладони у меня потные и я постоянно наступаю ей на ноги.

— Так о чем ты говорила? — спросил я. — Неприятности в школе или что?

— Дело не в этом. Все дело в папе. — Она поджала губы.

— Угу. — Я знал, что отношения с отцом у Аннабет непростые. — Я думал, все пошло на лад, когда вы стали жить вместе. Что, опять мачеха достает?

— Он решил переехать, — вздохнула Аннабет. — Когда я только-только начала приспособливаться к жизни в Нью-Йорке, он взялся за эту дурацкую новую работу — какие-то там исследования для книги о Первой мировой войне. Переехать в *Сан-Франциско*!

Она сказала это таким тоном, каким могла бы сказать: «Поля наказаний» или «За пазухой у Аида».

— Значит, он хочет, чтобы ты поехала с ним? — спросил я.

— На другой конец страны, — жалобно ответила Аннабет. — А полукровки не могут жить в Сан-Франциско. Ему следовало бы это знать.

— Почему не могут?

Аннабет вытаращила на меня глаза. Может, решила, что я шучу.

— Ты знаешь. *Это ведь прямо там.*

— А-а, — протянул я. Я понятия не имел, о чем она, просто мне не хотелось показаться совсем уж идиотом. — Значит... ты больше не приедешь в лагерь?

— Все гораздо серьезнее, Перси. Я... наверное, мне следует сказать тебе кое-что... — Вдруг она застыла как вкопанная. — Их нет!

— Что?

Я проследил за ее взглядом. Места для зрителей. Два полукровки, Бьянка и Нико, исчезли. Дверь рядом с местом, где они сидели, распахнута настежь. И доктора Торна тоже нигде нет.

— Надо позвать Талию и Гроувера! — Аннабет исступленно озиралась. — Куда они подевались? Пошли!

Она бросилась в толпу. Я уже собирался последовать за ней, когда у меня на пути выросла плотная группка девчонок. Я предпринял маневр, чтобы обойти их и избежать обработки бумажными лентами и помадой, но, когда я освободился, Аннабет исчезла. Я обвел взглядом зал, ища Талию или Гроувера. Вместо этого я увидел нечто, отчего кровь у меня застыла в жилах.

Примерно в пятидесяти футах от меня на полу спортивного зала лежала зеленая шляпа с широкими полями, какая была на голове у Бьянки ди Анджело. Рядом, россыпью, валялись карточки с картинками и цифрами. Затем я краем глаза заметил доктора Торна. Он поспешно продвигался к двери в противоположном конце зала, волоча брата и сестру ди Анджело за шкурку, словно котят.

Аннабет по-прежнему не было видно, однако я знал, что она бросилась в другую сторону, ища Талию и Гроувера.

Я уже почти кинулся за ней и вдруг остановился.

Я вспомнил слова Талии, сказанные мне, когда я в полном недоумении

спросил о проделанном ею фокусе: «Неужели Хирон не показал тебе этого?» Вспомнил о том, как Гроувер обратился к ней в надежде, что она поможет выгадать еще денек.

Нет, я не осуждал Талию. Она была молодчиной. Не ее вина в том, что все внимание приковано к ней и ее отцу Зевсу. И все же... мне не следовало гоняться за ней, чтобы она помогла мне разрешить проблему. Да и некогда. Ди Анджело были в опасности. К тому времени, когда я найду своих друзей, они могут оказаться далеко. Я сталкивался с монстрами. И могу справиться сам.

Выхватив из кармана Анаклузмос, я бросился вслед за доктором Торном.

* * *

Дверь вела в темный коридор. Я услышал впереди шаркающие шаги, затем кто-то заворчал — как от боли. Я снял колпачок с ручки.

Ручка стала удлиняться, пока не превратилась в бронзовый древнегреческий меч длиной примерно в три фута, с обмотанной кожей рукоятью. Клинок слабо мерцал, роняя золотистые отблески света на ряды запертых шкафчиков.

Стараясь двигаться неслышно, я пробежал в другой конец коридора, но там никого не было. Открыв дверь, я снова очутился в главном холле. Голова у меня шла кругом. Доктора Торна я так нигде и не увидел, но в противоположном конце помещения стояли брат и сестра ди Анджело. Они застыли на месте, в ужасе глядя на меня.

Я медленно двинулся вперед, опуская меч.

— Все о'кей. Я не причиню вам вреда.

Они ничего не ответили. В глазах их застыл страх. Что с ними такое? Где доктор Торн? Может, почувствовав мой меч, он решил отступить? Чудовища терпеть не могли оружие из небесной бронзы.

— Меня зовут Перси, — сказал я по возможности ровным голосом. — Я хочу забрать вас отсюда и перевезти в какое-нибудь безопасное место.

Бьянка широко раскрыла глаза. Стиснула кулаки. Но я слишком поздно понял, что значит ее взгляд. Она испугалась не меня. Она хотела меня предупредить.

Я резко развернулся в тот момент, когда что-то со свистом пронеслось в воздухе. Резкая боль обожгла плечо. Словно какая-то огромная рука с силой толкнула меня назад, пригвоздив к стене.

Я взмахнул мечом, но передо мной никого не было.

Леденящий сердце смех разнесся по холлу.

— Да, Персей Джексон, — сказал доктор Торн. Из-за его акцента «Дж» в моей фамилии прозвучало смазано. — Я знаю, кто ты.

Я постарался освободить плечо. Пальто и рубашку, пришивив меня к стене, пронзило что-то острое — какой-то метательный снаряд, похожий на кинжал, черный, около фута длиной. Пройдя сквозь одежду, он порезал мне кожу плеча, и рана жгла нестерпимо. Что-то подобное я уже чувствовал когда-то. Яд!

Я напряг всю свою волю, чтобы собраться. Нет, я не должен умереть!

Темный силуэт теперь двигался навстречу нам. Доктор Торн вступил в круг тусклого света. Он по-прежнему сохранял человеческий облик, но лицо у него было вампирское. Идеально белые зубы сверкали, в его разноцветных глазах хищника плясали отблески моего меча.

— Спасибо, что вышел из зала, — сказал он. — Терпеть не могу школьные танцульки.

Я снова постарался взмахнуть мечом, но он был вне досягаемости.

Снова тот же свистящий звук! Второй кинжал вылетел откуда-то из-за спины доктора Торна. Он при этом даже не шелохнулся. Словно кто-то невидимый прятался за ним, метая ножи.

Стоявшая рядом со мной Бьянка всхлипнула. Жало второго клинка вонзилось в стену в полудюйме от ее лица.

— Все трое пойдут со мной, — скомандовал доктор Торн. — И без фокусов. Если кто-нибудь издаст хоть малейший шум, позовет на помощь или попытается сопротивляться, я продемонстрирую, как точно я попадаю в цель.

Глава вторая

Замдиректора пуляет в нас ракетами

Не знаю, каким именно чудовищем был мистер Торн, но действовал он стремительно.

Возможно, я и смог бы защититься, если бы мне удалось привести в действие мой щит. И надо-то было всего лишь коснуться своих часов. Но защитить ребятишек ди Анджело — намного более сложное дело. Я нуждался в помощи и понял, что получить ее могу одним-единственным способом.

Я закрыл глаза.

— Что ты делаешь, Джексон? — прошипел мистер Торн. — Давай шевелись!

Открыв глаза, я потащился вперед, с трудом переставляя ноги.

— Мое плечо, — соврал я, стараясь выглядеть понесчастнее, что в данной ситуации вовсе не составляло труда. — Очень жжет.

— Ба! Мой яд, оказывается, болезненный. Ничего, ты не умрешь. Давай, пошел!

Торн гуртом выгнал нас наружу, и я попытался сосредоточиться. Представил лицо Гроувера. Сфокусировал внимание на своем ощущении опасности и страхе. Прошлым летом Гроувер обнаружил эмпатическую связь между нашими душами. Он научился посылать мне видения в снах, чтобы дать мне знать, когда он в беде. Насколько я понимал, эта связь существовала и по сей день, но раньше я сам никогда не пытался установить контакт с Гроувером. Я даже не знал, сработает ли это, пока Гроувер бодрствует.

«Эй! Ты слышишь меня? — мысленно позвал я. — Торн нас похитил! Он маньяк, мечущий отравленные шипы! На помощь!»

Торн уводил нас в лес. Мы ступили на заснеженную тропинку, тускло освещенную старомодными фонарями на столбах. Плечо мое ныло и болело. Ветер, задувавший в прорехи одежды, был таким холодным, что я почувствовал себя не Перси, а просто каким-то персиковым мороженым.

— Там, впереди, поляна, — сказал Торн. — Оттуда вы и отправитесь в путь.

— В какой путь? — со слезами в голосе спросила Бьянка. — Куда вы нас ведете?

— Молчать, несносная девчонка!

— Не смейте так разговаривать с моей сестрой! — вмешался Нико.

Голос у него дрожал, но на меня произвело впечатление то, что у него вообще хватило мужества что-то сказать.

Доктор Торн зарычал, определенно не по-человечески. У меня по всему телу аж мурашки побежали, но я заставил себя идти дальше и прикидываться примерным маленьким пленником. В то же время я как безумный проецировал в эфир свои мысли... все, что угодно, лишь бы привлечь внимание Гроувера: «Гроувер! Ну же, давай! Яблоки! Жестяные банки! Тащи сюда свою волосатую козлиную задницу и прихвати нескольких друзей с тяжелыми пушками!»

— Стойте! — скомандовал Торн.

Лес расступился. Мы подошли к скале, за которой простиралось море. По крайней мере, я чувствовал, что море там, внизу, в нескольких сотнях футов под нами. Я слышал шелест волн и чувствовал острый соленый запах, при этом не видя ничего, кроме тьмы и тумана.

Доктор Торн подтолкнул нас к самому краю. Я пошатнулся, и Бьянка поддержала меня.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Кто он? — шепнула она. — Как мы сможем его одолеть?

— Я... я как раз пытаюсь придумать.

— Мне страшно, — пробормотал Нико.

Он что-то вертел в руках, оловянного солдатика или что-то такое.

— Прекратить разговоры! — велел доктор Торн. — Лицом ко мне!

Мы повернулись.

Двухцветные глаза Торна горели голодным огнем. Он вытащил что-то из-под пальто. Сначала я подумал, что складной нож, однако это оказался всего лишь телефон. Он надавил на кнопку и произнес: «Посылка... готова к отправке».

Ответ был искаженным, и я понял, что телефон Торна работает в режиме переносной рации. Это выглядело как-то слишком по-современному и вызвало гадливость — монстр, использующий мобильную связь.

Я оглянулся, прикидывая, далеко ли обрыв.

Доктор Торн рассмеялся.

— Верно мыслишь, сын Посейдона. Прыгай! Там море. Спасай свою жизнь.

— Как он тебя назвал? — пробормотала Бьянка.

— Потом объясню.

— У тебя есть план, правда?

«Гроувер! — в отчаянии подумал я. — Где ты?»

Может, стоит прыгнуть в океан вместе с обоими ди Анджело? Если бы мы уцелели после падения, я мог бы использовать воду, чтобы защитить нас всех. Я уже проделывал подобное прежде. Если отец в хорошем расположении духа и услышит меня, он нам поможет. Может быть.

— Я убью вас раньше, чем вы доберетесь до воды, — сказал доктор Торн, словно читая мои мысли. — Вы хоть понимаете, кто я такой? Понимаете или нет?

Стремительная тень мелькнула за его спиной, и еще один снаряд пролетел так близко, что задел мое ухо. Там, за спиной доктора, что-то пружинисто распрямилось, вроде катапульты, но более подвижное... почти как хвост...

— К сожалению, — произнес Торн, — вы нужны живыми. По возможности. Иначе вы давно уже были бы покойниками.

— Кому нужны? — требовательно спросила Бьянка. — Потому что если вы рассчитываете на выкуп, то ошибаетесь. Мы сироты. Нико и я... — У нее слегка перехватило дыхание. — Кроме друг друга, у нас никого нет.

— Ррр! — Доктор Торн помотал головой. — Не волнуйтесь, маленькие разбойники. Очень скоро вы встретитесь с моим работодателем. Тогда у вас будет новая семейка.

— Лука, — догадался я. — Вы работаете на Луку.

Доктор Торн презрительно скривил рот, когда я назвал имя своего старого врага... и бывшего друга, который несколько раз пытался убить меня.

— Ты не имеешь никакого представления о том, что происходит, Персей Джексон. Я предоставляю Генералу возможность самому просветить вас. Сегодня вечером вы сослужите ему великую службу. Ему не терпится встретиться с вами.

— Генералу? — переспросил я. И только тут понял, что произнес это с французским акцентом. — Ну и... кто такой этот Генерал?

Торн посмотрел вдаль.

— Ага, вот за вами уже и едут.

Оглянувшись, я увидел вдалеке свет — прожекторы над морем. Затем услышал стрекот вертолетного винта, становившийся все ближе и громче.

— Куда вы собираетесь нас отвезти? — спросил Нико.

— Для тебя это великая честь, мой мальчик. У тебя будет возможность вступить в великую армию! Совсем не такую, как в этой глупой игре, в которую ты играешь со своими карточками и куклами.

— Это не куклы, это солдатики! А вы можете взять вашу великую

армию и...

— Сейчас, сейчас, — предупредил доктор Торн. — Ты сразу изменишь свое мнение, мой мальчик. А если нет, тогда... полукровок можно использовать по-разному. Среди нас много чудовищ, которые давно облизываются на таких, как ты. Великое Сотрясение уже не остановить.

— Великое что? — переспросил я.

Надо во что бы то ни стало заставить его говорить, пока я придумываю план.

— Чудовища сотрясут Землю, — зловеще улыбаясь, сказал доктор Торн. — А самые ужасные из них, самые могущественные — только пробуждаются. Монстры, каких не видели уже много тысяч лет. Они принесут смерть и разрушения, которые людям еще не доводилось знать. А скоро восстанет главное чудовище, которое разрушит самые основы Олимпа!

— О боже мой! — прошептала Бьянка. — Он совсем свихнулся!

— Мы должны заставить его спрыгнуть со скалы, — тихо произнес я. — В море.

— Идея — супер. По-моему, ты тоже свихнулся.

Я не успел ей возразить, потому что в этот момент в меня с силой врезалось нечто невидимое.

* * *

Теперь, вспоминая, могу сказать, что удар у Аннабет получился блестящий. Надев свою кепку-невидимку, она сбила с ног меня и ди Анджело, повалив всех троих на землю. На долю секунды доктор Торн был застигнут врасплох, поэтому первый залп его ракет со свистом пронесся над нами, не причинив никакого ущерба. Это дало возможность Талии и Гроуверу подкрасться сзади — Талия прикрывалась своим волшебным щитом Эгидой.

Если вы не видели, как Талия устремляется в битву, то вы никогда не испытывали настоящего страха. Она пользуется тяжелым копьем — оно, мгновенно распрямляясь, возникает из телескопического жестяного контейнера, который она носит в кармане. Но это не самое впечатляющее. Главное — щит. Моделью для щита Талии послужил щит ее отца Зевса, он тоже носит название Эгида. Это дар Афины. Посередине щита — голова горгоны Медузы, отлитая из бронзы, и, даже если точно знать, что она не обратит вас в камень, вид горгоны настолько ужасен, что большинство

впадает в панику при одном взгляде на нее.

Даже доктор Торн, увидев щит, вздрогнул и зарычал.

Талия двинулась вперед, подняв копье:

— За Зевса!

Я решил, что с доктором Торном покончено. Талия ударила, метя ему в голову, но он с грозным ревом отбил копье. Его рука обратилась в оранжевую лапу с огромными когтями, искры так и посыпались, когда они вонзились в щит Талии. Если бы не Эгида, они покрошили бы Талию на ломтики, как буханку хлеба. Однако ей удалось сделать кувырок через спину и приземлиться на ноги.

Стрекот вертолета за моей спиной становился все громче, но я не осмеливался оглянуться.

Доктор Торн выстрелил в Талию, и в этот момент я смог рассмотреть, как он это делает. У него был хвост, похожий на хвост скорпиона, кожистый, ошетилившийся колючками. Эгида отразила их, но сила удара сбила Талию с ног.

Тогда вперед выступил Гроувер. Он поднес к губам свои дудочки и начал играть — мелодия зазвучала как сумасшедшая джига на борту пиратского корабля. Сквозь снег пробилась трава. Через несколько секунд побеги толщиной с веревку обвились вокруг ног доктора Торна и рванулись вверх, опутывая его целиком.

Доктор Торн взревел, и обличье его стало меняться. Он становился все больше, пока не обрел свою подлинную форму: по-прежнему человеческое лицо и туловище крупного льва. Его кожистый колючий хвост метал смертоносные шипы во все стороны.

— Мантикора! — воскликнула ставшая видимой Аннабет.

Магическая кепка слетела с нее, когда она врезалась в нас.

— Вы кто? — спросила Бьянка ди Анджело. — И что *это* такое?

— Мантикора? — тяжело дыша, переспросил Нико. — У нее три тысячи атакующих бросков плюс... плюс пять на ход сохранения...

Не знаю, о чем он говорил, да мне и было не до этого. Мантикора когтистыми лапами разорвала волшебные растения Гроувера в клочья и, рыча оскалившись, обернулась к нам.

— Ложитесь! — Аннабет толкнула брата и сестру ди Анджело в снег.

В последний миг я вспомнил о своем щите. Я нажал кнопку на часах, и их металлическая основа, раскручиваясь по спирали, превратилась в прочный бронзовый щит. И очень вовремя. Шипы ударились о бронзу с такой силой, что оцарапали металл. Прекрасный щит, подарок моего брата, оказался самым плачевным образом искорежен. Я даже не был уверен, что

он выдержит второй залп.

С глухим звуком Гроувер шлепнулся рядом со мной в снег.

— Сдавайтесь! — прорычало чудовище.

— Ни за что! — выкрикнула Талия.

Она бросилась на монстра, и на какое-то мгновение мне показалось, что она рассечет его напополам. Но вслед за тем раздался оглушительный шум, и над нами вспыхнул яркий свет. Из тумана, паря над скалами, вынырнул вертолет. Это была обтекаемая черная машина, явно боевая модель, с пулеметами и приспособлениями по бокам, походившими на ракеты с лазерным наведением. Прожекторы ослепили Талию, и чудовище смахнуло ее хвостом. Ее щит полетел в снег, копье — куда-то назад.

— Нет! — Я бросился ей на помощь.

Я успел парировать шип, прежде чем тот вонзился ей в грудь. Потом прикрыл нас обоих своим щитом, понимая, что этого недостаточно.

— Ну что, теперь видите, что дело безнадежное? — расхохотался доктор Торн. — Просите пощады, ничтожные герои!

Мы оказались зажаты между монстром и вертолетом с полным боевым вооружением. Шансов у нас не было.

И тут я услышал резкий, пронзительный звук — зов охотничьего рога в лесу.

* * *

Мантикора застыла как вкопанная. Какое-то мгновение никто из нас не двигался. Слышалось только завывание ветра и стрекот лопастей вертолета.

— Нет, — пробормотал доктор Торн. — Этого не может быть...

Он не закончил — мимо меня промелькнуло нечто, напоминавшее полосу лунного света. В плечо доктора Торна вонзилась блестящая серебряная стрела.

Шатаясь, он повалился на спину, злобно завывая.

— Будьте вы прокляты! — выкрикнул Торн.

Он метнул свои шипы, по меньшей мере дюжину, в лес, туда, откуда вылетели стрелы, но почти так же стремительно в него полетел рой серебряных стрел. Выглядело это так, словно стрелы перехватывают шины налету, рассекая их надвое, но, должно быть, глаза меня обманывали. Никто, даже дети Аполлона из Лагеря полукровок, не стрелял с такой меткостью.

Монстр вырвал стрелу из плеча, рыча от боли. Он тяжело дышал. Я

попытался нанести ему удар мечом, но он больше притворялся раненым. Увернувшись от моего выпада, чудовище с размаху ударило сбоку по моему щиту.

Тут из леса показались лучники. Девушки, числом около дюжины. Младшей было около десяти. Старшей — примерно четырнадцать, как и мне. В серебристых парках, какие носят лыжники, и джинсах, и все они были вооружены луками. Они приближались к мантикоре с весьма конкретными намерениями.

— Охотницы! — воскликнула Аннабет.

— О, замечательно! — пробормотала лежавшая рядом со мной в снегу Талия.

У меня не было возможности спросить, что она имеет в виду.

Одна из старших лучниц выступила вперед, опустив лук. Она была высокая, изящная, кожа ее отливала медью. В отличие от других девушек ее темные волосы наверху скреплял серебряный венчик, так что она походила на персидскую принцессу.

— Дозволите его убить, госпожа?

Не могу сказать, к кому она обращалась, поскольку смотрела на мантикору.

— Это нечестно! — взвыло чудовище. — Прямое вмешательство! Это против древних законов!

— Нет, — возразила другая девочка. Она была лишь немного младше меня, лет двенадцати-тринадцати, с рыжеватыми волосами и странными глазами — серебристо-желтыми, как луна. Она была такой прекрасной, что у меня перехватило дыхание, но с суровым и даже надменным выражением лица, от нее веяло опасностью. — Охота на диких зверей — моя сфера. А ты, мерзкая тварь, и есть дикое животное. — Она посмотрела на старшую девушку с венчиком. — Зоя, разрешение дано.

— Если я не могу воспользоваться защитой закона, пока жив, то воспользуюсь ею мертвым! — прорычала мантикора.

Монстр бросился на нас с Талией, зная, что мы ослаблены и почти безоружны.

— Нет! — завопила Аннабет, в свою очередь кидаясь на него.

— Назад, полукровка! — приказала девушка с венчиком. — Отойди с линии огня!

Но Аннабет запрыгнула на спину монстра и вонзила нож в его гриву. Мантикора завyla и закрутилась на месте, яростно размахивая хвостом; Аннабет держалась на ней, изо всех сил цепляясь за гриву.

— Огонь! — скомандовала Зоя.

— Не надо! — заорал я.

Но охотницы спустили тетивы луков. Первая стрела попала мантикоре в шею. Остальные вонзились в грудь. Монстр пошатнулся и отступил.

— Это еще не конец, охотницы! — стена, выкрикнул он. — Вы за это заплатите!

И, прежде чем кто-либо успел среагировать, чудовище с Аннабет на спине прыгнуло со скалы и сгинуло во тьме.

— Аннабет! — пронзительно вскрикнул я.

Я кинулся вслед за ней, но наши враги на этом не остановились. С вертолета слышались отрывистые пулеметные очереди.

Охотницы бросились врассыпную, как только крохотные дырочки стали появляться в снегу совсем близко от них, но девушка с рыжеватыми волосами не тронулась с места, невозмутимо глядя на вертолет.

— Смертным, — громко провозгласила она, — не дозволено следить за моей охотой!

Она выбросила вперед руку, и вертолет взорвался, обратившись в пыль, — нет, даже не в пыль. Черная сталь обернулась стайей птиц — воронов, разлетевшихся в разные стороны и скрывшихся в ночи.

Охотницы приблизились к нам. Талия отряхивалась от снега.

Та, что звалась Зоей, остановилась в двух шагах, увидев ее.

— Это ты, — сказала она с неприязнью.

— Зоя Ночная Тень. — Голос Талии дрожал от гнева. — Да, время выбрано отлично, как всегда.

Зоя быстро оглядела остальных.

— Четыре полукровки и сатир, госпожа.

— Да, — сказала та девушка помладше, — насколько я вижу, обитатели лагеря Хирона.

— Аннабет! — крикнул я. — Вы должны помочь нам спасти ее!

Девушка с рыжеватыми волосами повернулась ко мне.

— Прости, Перси Джексон, но твоему другу уже нельзя помочь.

Я попытался встать на ноги, но две девушки удержали меня.

— Ты не в состоянии прыгать со скалы, — сказала девушка с рыжеватыми волосами.

— Пустите меня! — потребовал я. — Что вы о себе возомнили?

Зоя шагнула вперед так, словно собиралась вlepить мне пощечину.

— Нет, — приказала та, что явно была тут главной. — Я не чувствую дерзости в его словах. Он просто не в себе. Он не понимает.

Младшая девушка взглянула на меня, ее глаза были холоднее и ярче зимней луны.

— Я Артемида, — произнесла она. — Богиня охоты.

Глава третья

Бьянка ди Анджело делает выбор

После того как доктор Торн обратился в мантикору и камнем рухнул со скалы с Аннабет на спине, я думал, что уже ничто не способно потрясти меня. Но когда эта двенадцатилетняя девчонка заявила, что она богиня охоты Артемиды, у меня достало сил на нечто действительно умное и достойное. Ну, то есть я сказал:

— Мм... ага... — и продолжать стоять столбом.

Совсем не так повел себя Гроувер. Он засопел, поспешно упал в снег на колени и запричитал:

— Спасибо тебе, повелительница Артемиды! Ты такая... такая... Просто супер!

— Вставай, козленок! — оборвала его Талия. — У нас и без того есть о чем позаботиться. Аннабет пропала!

— Ухты! — сказала Бьянка ди Анджело. — Постойте. Подождите минуточку! — Все посмотрели на нее. Она провела пальцем, поочередно указывая на каждого из нас, словно соединяя точки, чтобы получился рисунок. — Кто вы?.. Что вы за люди?..

Выражение лица Артемиды смягчилось.

— Наверное, будет правильнее спросить — кто ты, моя дорогая? Кто твои родители?

Бьянка бросила тревожный взгляд на брата, который все еще с благоговейным почтением взирал на Артемиду.

— Наши родители умерли, — сказала Бьянка. — Мы — сироты. Есть трастовый банк, который платит за наше обучение в школе, но... — Девочка умолкла. Полагаю, по нашим лицам она догадалась, что мы ей не верим. — Что вы так смотрите? Я правду говорю!

— Ты полукровка, — сказала Зоя Ночная Тень. Происхождение ее акцента трудно было определить. Он казался старомодным, словно она не говорила, а читала слова по древней книге. — Один из твоих родителей был смертным. Другой — олимпийцем.

— Олимпийцем... спортсменом?

— Нет, — ответила Зоя. — Одним из богов Олимпа.

— Круто! — подал голос Нико.

— Нет! — Голос Бьянки дрожал. — Ничего крутого!

Нико пританцовывал, словно ему хотелось в уборную.

— Скажите, у Зевса и вправду есть жезл, которым он мечет молнии и который может причинить до шестисот повреждений? С ним можно заработать дополнительные очки?..

— Заткнись, Нико! — Бьянка закрыла лицо руками. — Это не твоя дурацкая игра в мифы и магию, понял? Никаких богов не существует!

Как бы я ни беспокоился из-за Аннабет — а мне хотелось немедленно броситься на ее поиски, — я не мог сдержать чувства жалости по отношению к брату и сестре ди Анджемо. Я вспомнил: примерно то же самое произошло со мной, когда я впервые узнал, что я полукровка.

Талия, должно быть, испытывала нечто похожее, потому что гнев в ее глазах поутих.

— Бьянка, я знаю, в это трудно поверить. Но боги по-прежнему живы. Поверь мне. Они бессмертны. И иногда у них рождаются дети от обычных людей, дети вроде нас... Поэтому наша жизнь окружена опасностями.

— Опасности... — медленно проговорила Бьянка. — Это как с той девушкой, которая упала?

Талия отвернулась. Даже Артемида, кажется, опечалилась из-за того, что произошло.

— Не отчаивайся из-за Аннабет, — сказала богиня. — Она была отважной девушкой. Если ее можно будет найти, я ее отыщу.

— Тогда почему вы не позволяете нам отправиться на ее поиски? — спросил я.

— Она пропала. Неужели ты не чувствуешь этого, сын Посейдона? Тут замешана какая-то магия. Я точно не знаю, как и почему, но твоя подруга исчезла.

Мне по-прежнему хотелось спрыгнуть со скалы и броситься на поиски, но я чувствовал, что Артемида права. Аннабет исчезла. Если бы она была там, в море, думаю, я ощутил бы ее присутствие.

— О-о-о! — Нико поднял руку. — А доктор Торн? Вы так здорово настигали его своими стрелами! Он умер?

— Он — мантикора, — сказала Артемида. — Надеюсь, до поры до времени он погиб, но чудовища в действительности никогда не умирают. Они снова и снова преобразуются, и за ними надо охотиться, как только они появляются вновь.

— Или они будут охотиться за нами, — добавила Талия.

Бьянка ди Анджемо вздрогнула.

— Тогда понятно... помнишь, Нико, тех парней, которые прошлым летом пытались напасть на нас в округе Колумбия?

— И тот водитель автобуса, — напомнил Нико. — Ну тот, с бараньими

рогами. Я же говорил, что на самом деле его видел.

— Вот почему Гроувер следил за вами, — вступил я. — Чтобы защитить вас, если вы окажетесь полукровками.

— Гроувер? — Бьянка уставилась на него. — Ты что, тоже полубог?

— Ну, скажем так... сатир.

Для доказательства Гроувер сбросил кроссовки и выставил напоказ козлиные копыта. Мне показалось, что Бьянка прямо тут же упадет в обморок.

— Гроувер, обуйся сейчас же! — велела Талия. — Ты ее пугаешь.

— Эй, у меня копыта чистые!

— Бьянка, — начал я, — мы приехали помочь тебе. Вы с Нико нуждаетесь в специальной подготовке, чтобы выжить. Доктор Торн не последний монстр, который встретится на вашем пути. Вам надо ехать в лагерь.

— В лагерь? — переспросила она.

— В Лагерь полукровок, — пояснил я. — Там полукровок обучают науке выживать. Можешь присоединиться к нам и остаться на весь год, если тебе понравится.

— Сестренка, давай поедem! — загорелся Нико.

— Погоди. — Бьянка покачала головой. — Я не...

— Есть другое решение, — сказала Зоя.

— Нет! — вмешалась Талия.

Взгляды Зои и Талии скрестились. Не знаю, о чем шла речь, но между ними явно были нелады. По какой-то неведомой мне причине они всерьез ненавидели друг друга.

— Мы и так взвалили на этих детей непосильную ношу, — заговорила Артемида. — Зоя, мы устраиваем здесь привал на несколько часов. Поставьте палатки. Позаботьтесь о раненых. Заберите вещи наших гостей из школы.

— Да, госпожа.

— Бьянка, ты пойдешь со мной. Я хочу с тобой поговорить.

— А как же я? — спросил Нико.

Артемида задумчиво посмотрела на мальчика.

— А ты пока, пожалуй, научи Гроувера играть в эту игру с карточками, которая тебе так нравится. Уверена, Гроувер будет рад немного развлечь тебя... и таким образом оказать мне услугу.

Гроувер аж подскочил на месте.

— Можете не сомневаться! Пошли, Нико!

Нико с Гроувером углубились в лес, на ходу обсуждая, как

зарабатывать очки, выбирать вооружение — словом, всю эту идиотскую муру. Артемиды повела смущенную Бьянку вдоль края скалы. Охотницы начали распаковывать свои мешки и устраивать лагерь.

Зоя еще раз зло посмотрела на Талию, после чего направилась надзирать за своими подругами.

Как только она ушла, Талия в отчаянии топнула ногой.

— Ну и нахалки же они, эти охотницы! Они думают, что они такие крутые... Рrrrr!

— Я на твоей стороне, — сказал я. — Я тоже не доверяю...

— Ах, ты на моей стороне? — в ярости обернулась ко мне Талия. — А о чем ты думал там, в зале, Перси? Решил сам расправиться с доктором Торном? Ты же знал, что он монстр!

— Я...

— Если бы мы объединились, то справились бы с ним, не вовлекая в это дело охотниц. И Аннабет могла бы быть с нами. Об этом ты подумал?

Я сжал зубы. Я подумал, что тоже мог бы кое в чем упрекнуть Талию, но потом поглядел себе под ноги и увидел в снегу что-то темно-синее. Бейсбольную кепку Аннабет с эмблемой «Янкиз».

Талия больше не сказала ни слова. Вытерла стекавшую по щеке слезу и размашистым шагом ушла, оставив меня с затоптанной в снегу кепкой.

* * *

Охотницы в считанные минуты разбили лагерь. Семь больших палаток из серебристого шелка расположились полукругом возле костра. Одна из девушек свистнула в серебряный свисток, и из леса выбежала дюжина белых волков. Они окружили лагерь, как сторожевые псы. Охотницы бродили среди волков, угощая их лакомствами, и вроде бы совершенно их не боялись, но я решил держаться поближе к палаткам. С деревьев за нами следили соколы, огоньки костра плясали в их глазах, и у меня появилось чувство, что они тоже нас охраняют. Даже погода, казалось, подчиняется воле богини. Воздух был по-прежнему морозным, но ветер стих, и снег перестал идти, так что сидеть у костра стало почти приятно.

Почти... Не считая боли в плече и чувства вины, тяжелым камнем легшего на душу. Я не мог поверить, что Аннабет исчезла. И как бы я ни сердился на Талию, нельзя было отделаться от гнетущего ощущения, что она права. Это была моя ошибка.

Что Аннабет хотела сказать мне там, в зале? «Все гораздо серьезнее»

— вот что она сказала тогда. Теперь я, пожалуй, никогда этого не узнаю. Я вспоминал, как мы протанцевали с ней полтанца, и на сердце у меня становилось еще тяжелее.

Я видел, как Талия бродит в снегу по окраине лагеря, расхаживает среди волков, ничуть их не боясь. Она остановилась и, обернувшись, посмотрела в сторону Уэстовер-холла, который, теперь весь темный, маячил за лесом на склоне холма. Интересно, о чем она думала?

Семь лет назад отец обратил Талию в сосну и таким образом спас от гибели. Она не отступила перед армией чудовищ на вершине Холма полукровок, чтобы дать своим друзьям, Луке и Аннабет, время скрыться. Она пребывала в человеческом облике всего несколько месяцев и порой замирала на месте так, что можно было подумать, будто она все еще дерево.

Наконец одна из охотниц принесла мой рюкзак. Гроувер и Нико вернулись с прогулки, и сатир помог мне зафиксировать раненую руку.

— Ничего страшного! — обрадовался Нико.

— Потерпи, — сказал мне Гроувер. — Вот, съешь немного амброзии, пока я промываю рану.

Я поморщился, когда он начал перевязывать руку, но кусочек амброзии помог. На вкус она напоминала домашнее шоколадное пирожное с орехами, и теплота от нее разливалась по всему телу. От нее и волшебного бальзама, каким пользовался Гроувер, боль в плече утихла через пару минут.

Нико рылся в своем рюкзаке, который упаковали для него охотницы, хотя как им удалось незамеченными проскользнуть в Уэстовер-холл — не знаю. Он разложил на снегу несколько игрушечных фигурок — копии греческих богов и героев. Я узнал Зевса с жезлом громовержца, Ареса с копьем, Аполлона в солнечной колеснице.

— Большая коллекция, — сказал я.

— У меня есть почти все, — похвастался Нико, — и их голограммы на карточках! Ну, кроме самых редких.

— Ты давно играешь в эту игру?

— С нынешнего года. — Он нахмурился. — С того времени как...

— Что? — спросил я.

— Забыл. Чудное что-то. — Нико смутился и попытался что-то вспомнить, но потом махнул рукой. — Слушай, можно посмотреть твой меч?

Я показал ему Анаклузмос и объяснил, что ручка превращается в меч, стоит только снять с нее колпачок.

— Здорово! А паста в ней когда-нибудь кончается?

— Хм, вообще-то я не часто пишу ею...

— Ты и вправду сын Посейдона?

— Ну да.

— Значит, ты должен быть отличным серфером, верно?

Я посмотрел на Гроувера, который из всех сил старался не расхохотаться.

— Ну ты даешь, Нико, я никогда и не пробовал!

Он продолжал задавать вопросы. Много ли я ссорился с Талией, раз уж она дочь Зевса? (На этот вопрос я отвечать не стал.) Если матерью Аннабет была Афина, богиня мудрости, то почему она не придумала ничего лучшего, как грохнуться со скалы? (Тут я с трудом удержался, чтобы не задушить Нико.) Может, Аннабет — моя подружка? (Ох, надо бы скормить этого юного наглеца волкам!)

Мне уже представилось, как он спрашивает меня, сколько хитов я набрал за это время, и я окончательно теряю самообладание, но тут к нам подошла Зоя Ночная Тень.

— Перси Джексон!

У нее были темно-карие глаза и чуть вздернутый нос. Из-за серебряного венчика в волосах и горделивого выражения лица она напоминала особу королевских кровей, так что мне с трудом удалось побороть желание вытянуться в струнку и отрапортовать: «Да, мэ». Зоя смотрела на меня изучающе и с неприязнью, словно я был мешком грязного белья, который ей велели доставить по назначению.

— Пойдем со мной, — сказала она. — Госпожа Артемида желает видеть тебя.

* * *

Зоя подвела меня к последней палатке, ничем не отличавшейся от остальных, и знаком пригласила войти. Бьянка ди Анджели сидела рядом с девушкой с рыжеватыми волосами, которую мне все еще трудно было называть Артемидой.

Внутри палатки царили тепло и уют. На покрытом серебристым ковром полу были разложены подушки. Стоявшая посередине золотая жаровня горела, казалось, без всякого топлива и дыма. Позади богини на подставке из полированного дуба красовался ее большой серебряный лук, покрытый резьбой и напоминающий рога серны. На стенах висели шкуры животных: черного медведя, тигра и какие-то еще, я толком не понял. Я

подумал, что у борцов за права диких животных при виде этих редких шкур моментально случился бы сердечный приступ, но поскольку Артемида — богиня охоты, она, вероятно, могла пополнять число отстреленных ею животных, как ей вздумается. Мне показалось, будто рядом с ней лежит еще одна шкура, и только потом я понял, что это живое животное — олень с блестящим мехом и серебряными рогами, его голова покоилась на коленях Артемиды.

— Присоединяйся к нам, Перси Джексон, — сказала богиня.

Я опустился на пол напротив нее. Богиня внимательно посмотрела на меня, отчего мне стало как-то не по себе. Для молодой девушки у нее были такие мудрые, все понимающие глаза...

— Тебя удивляет мой возраст? — спросила она.

— Мм... немного.

— Я могла бы принять облик взрослой женщины, или ослепительного пламени, или всего, что угодно, но я предпочитаю быть такой. Таков средний возраст моих охотниц и всех юных дев, покровительницей которых я являюсь, пока они не сбиваются с пути.

— Сбиваются с пути? — переспросил я.

— Вырастают. Начинают путаться с мальчишками. Становятся глупыми, озабоченными, ненадежными. Забывают себя.

— О!

Зоя села справа от Артемиды. Она смотрела на меня так, как будто все, о чем говорила богиня, — лично моя вина, словно я выдумал все это отвратительное мужское племя.

— Прости моих охотниц, если они не рады твоему появлению, — продолжала Артемида. — Мужчины бывают у нас в лагере весьма не часто. Обычно им запрещено всякое общение с охотницами. Последний мальчик, который был у нас в лагере... — Она посмотрела на Зою. — Кто же он был такой?

— Тот парень из Колорадо, — подсказала Зоя. — Вы превратили его в помесь шакала и антилопы.

— Ах да! — удовлетворенно кивнула Артемида. — Обожаю делать такие вещи. Так или иначе, Перси, я попросила тебя явиться сюда, чтобы ты рассказал мне о мантикоре. Бьянка сообщила кое-какие... мм... тревожные подробности о том, что говорил монстр. Но она могла что-то не понять. Мне хотелось бы услышать твою версию.

И я рассказал ей все как было.

Когда я закончил, Артемида задумчиво положила руку на свой лук.

— Я боялась, что ответ будет именно таким.

— Запах, госпожа? — Зоя подалась вперед.

— Да.

— Какой запах? — спросил я.

— Оживают те, на кого я не охотилась уже тысячу лет, — пробормотала Артемида. — Такая древняя добыча, что я чуть было не запамятовала о ней. — Она внимательно поглядела на меня. — Мы оказались здесь сегодня вечером, почуяв мантикору, но это было не то, что мы искали. Повтори-ка еще раз, дословно, что сказал доктор Торн.

— Мм... «терпеть не могу школьные танцульки».

— Нет-нет, потом.

— Он сказал, что явится некий Генерал, который и объяснит нам все.

Зоя побледнела. Повернувшись к Артемиде, она стала что-то говорить ей, но та подняла руку.

— Продолжай, Перси, — произнесла богиня.

— Ну, когда Торн говорил о Великом Потрясении...

— Сотрясении, — поправила Бьянка.

— Да. И тут он сказал: «Скоро восстанет главное чудовище, которое разрушит самые основы Олимпа».

Богиня стояла неподвижно, так что ее можно было принять за статую.

— Может, он врал, — предположил я.

— Нет. — Артемида покачала головой. — Он не лгал. Я слишком медленно распознавала знаки. Я должна выследить и убить это чудовище.

Зоя изо всех сил старалась не показать, что напугана, однако кивнула.

— Мы выступаем прямо сейчас, госпожа.

— Нет, Зоя. Я должна сделать это одна.

— Но, Артемида...

— Эта задача слишком опасна, даже для охотниц. Ты знаешь, откуда я должна начать поиск. Ты не можешь отправиться туда со мной.

— Как... как вам угодно, госпожа.

— Я найду эту тварь, — поклялась Артемида. — И притащу ее на Олимп к зимнему солнцестоянию. Это будет доказательство, необходимое, чтобы убедить Совет, в какой опасности мы находимся.

— Вы знаете, о каком чудовище идет речь? — спросил я.

— Будем молиться, чтобы я ошибалась. — Артемида взяла свой лук.

— Разве богини могут молиться? — спросил я, потому что действительно никогда не задумывался над этим.

На губах Артемиды мелькнула улыбка.

— Прежде чем я уйду, Перси Джексон, у меня есть для тебя небольшое задание.

— Это как-нибудь связано с превращением в помесь шакала и антилопы?

— Увы, нет. Я хочу, чтобы ты сопровождал охотниц в Лагерь полукровок. Они смогут побыть там в безопасности до моего возвращения.

— Что?! — взвилась Зоя. — Но, Артемида, мы ненавидим это место! Когда мы там были последний раз...

— Да, я знаю, — вздохнула Артемида, — но уверена, что Дионис не затаил на вас зла из-за небольшого... мм, недоразумения. Ты вправе занять восьмой домик, когда захочешь. Кроме того, я слышала, что они восстановили домики, которые вы сожгли.

Зоя пробормотала что-то об этих глупцах из лагеря.

— А теперь осталось принять последнее решение. — Богиня повернулась к Бьянке: — Ты уже сделала свой выбор, девочка?

— Я все еще думаю, — смущенно проговорила Бьянка.

— Постойте-ка, — сказал я. — О чем ты думаешь?

— Они... пригласили меня присоединиться к охоте.

— Что? Но вы не имеете права! Ты должна поехать в Лагерь полукровок, чтобы Хирон занялся твоим обучением. Это единственный способ научиться выживать.

— Для девушки это *не* единственный способ, — вмешалась Зоя.

Я просто ушам своим не верил!

— Бьянка, лагерь — это так здорово! Там есть конюшня для пегасов, и арена для фехтования, и... что ты выиграешь, присоединившись к охотницам?

— Начнем с бессмертия, — усмехнулась Зоя.

Я ошарашено посмотрел на нее, затем на Артемиду.

— Она шутит, правда?

— Зоя вообще редко шутит, — сказала богиня охоты. — Мои охотницы сопровождают меня в моих приключениях. Они мои служанки, мои компаньонки, мои сотоварищи по оружию. Как только они принесут клятву верности мне, то действительно становятся бессмертными... если только не падут в битве, что маловероятно. Или нарушат клятву.

— Какую клятву? — спросил я.

— Клятву романтической любви. Не становиться взрослыми, не выходить замуж. Никогда. Навеки оставаться девами.

— Как вы?

Богиня кивнула.

Я попытался представить себе смысл ее слов. Быть бессмертной. Вечно водиться только со школьницами средних классов. Не взрослеть.

Вообразить такое было выше моих сил.

— Значит, вы объезжаете страну, набирая полукровок...

— Не только, — прервала меня Зоя. — Госпожа Артемида не признает никакой дискриминации. Всякий, кто достоин сей чести, может присоединиться к богине. Полукровки, нимфы, простые смертные...

— Кто же тогда ты?

— А вот это, дружок, тебя не касается. — Глаза Зои полыхнули гневом. — Суть в том, что Бьянка может присоединиться к нам, если того пожелает. Это ее выбор.

— Бьянка, это просто безумие! — Я с изумлением уставился на нее. — А как же твой брат? Ведь Нико не может стать охотником.

— Конечно нет, — согласилась Артемида. — Он отправится в лагерь. К сожалению, для мальчиков это лучшая участь.

— Эй! — запротестовал я.

— Время от времени ты сможешь видеться с ним, — заверила Бьянку богиня. — Но ты снимаешь с себя всякую ответственность. В лагере есть инструкторы, которые о нем позаботятся. А у тебя будет новая семья. Мы.

— Новая семья, — мечтательно повторила Бьянка. — Никакой ответственности.

— Бьянка, ты не можешь так поступить, — сказал я. — Ты что, рехнулась?

— Это того стоит? — Она посмотрела на Зою.

— Стоит, — кивнула та.

— Что я должна делать?

— Повторяй за мной, — сказала Зоя. — «Вверяю себя покровительству богини Артемиды».

— Я... я вверяю себя покровительству богини Артемиды.

— «Отныне любое мужское общество мне безразлично, я принимаю вечный обет девственности и присоединяюсь к охоте».

Бьянка повторила вслед за Зоей слова клятвы.

— Все правильно?

Зоя кивнула.

— Если госпожа Артемида примет твою клятву, она обретет силу обязательства.

— Я принимаю клятву, — торжественно сказала Артемида.

Пламя в жаровне разгорелось ярче, озарив серебряным светом всю палатку. Бьянка никак не изменилась внешне, только сделала глубокий вдох и широко открыла глаза.

— Я чувствую себя... сильнее.

— Добро пожаловать, сестра, — улыбнулась Зоя.

— Помни о своей клятве, — сказала Артемида. — Перед тобой — новая жизнь.

Я не мог вымолвить ни слова. Я чувствовал себя чужаком, незаконно вторгшимся на запретную территорию. Полный провал. Не верилось, что я проделал такой путь и так натерпелся, только чтобы уступить Бьянку некоему вечному девичьему клубу.

— Не отчаивайся, Перси Джексон, — милостиво проговорила Артемида. — Тебе все еще предстоит показать брату и сестре ди Анджело твой лагерь. И если Нико пожелает, он сможет остаться там.

— Великолепно, — ответил я, стараясь не нагрубить богине. — И как нам туда добраться?

Артемида прикрыла глаза.

— Зоя, рассвет близко, буди лагерь. Вы должны добраться до Лонг-Айленда быстро и безопасно. Я потребую, чтобы вашей поездкой распорядился мой брат.

Зое, похоже, эта мысль пришлась не очень-то по вкусу, но она кивнула и велела Бьянке следовать за ней. Когда они уже уходили, Бьянка помедлила и остановилась передо мной.

— Прости, Перси. Но я так хочу. Правда, правда хочу.

Она ушла, и я остался наедине с двенадцатилетней богиней.

— Значит, — угрюмо произнес я, — доставку обеспечит ваш брат?

— Да, дружок. — Серебристые глаза Артемиды блеснули. — Дело в том, что не у одной Бьянки ди Анджело есть докучливый братец. Тебе пора познакомиться с моим безответственным братом-близнецом, Аполлоном.

Глава четвертая

Талия пытается спалить Новую Англию

Артемиде объявила нам, что рассвет уже близко, но меня так легко не одурачишь. Стало еще холоднее, темнее, и снег повалил с неба необыкновенно густыми хлопьями. Ни в одном из окон Уэстовер-холла не горел свет. Интересно, заметили ли уже учителя отсутствие брата и сестры ди Анджело, а также доктора Торна? Не хотелось бы быть поблизости, когда это случится. На мое счастье, единственное, что могла запомнить миссис Готтчок, — это мое имя, Перси Джексон, а значит, я всего лишь стану объектом «охоты на человека» в национальном масштабе... ну, мне не привыкать.

Охотницы свернули лагерь так же быстро, как и разбили его. Я трясся от холода под этим снегопадом, постепенно превращаясь в снеговика, но служительницы Артемиды, казалось, не чувствовали ни малейшего дискомфорта. Сама Артемиде упорно глядела на восток, словно чего-то ожидая. Бьянка сидела в стороне, разговаривая с Нико. Судя по угрюмому выражению его лица, сестра объясняла брату свое решение присоединиться к божественной охоте. Я невольно подумал о том, как же это эгоистично с ее стороны поступать таким образом, бросая брата.

Талия и Гроувер подошли ко мне, им не терпелось услышать, что произошло во время аудиенции у богини.

Услышав мой рассказ, Гроувер побледнел.

— В последний раз, когда охотницы навещали лагерь, это закончилось плохо.

— Как они вообще оказались тут? — подумал я вслух. — Появились словно из ниоткуда.

— А теперь и Бьянка с ними, — брезгливо произнесла Талия. — Это все Зоя. Гонору у нее...

— Разве можно ее осуждать? — Гроувер глубоко вздохнул. — Ей уготована вечность с Артемидой...

— У вас, сатиров, всегда одно и то же! — гневно сверкнула глазами Талия. — Все без ума от Артемиды. Неужели вам никак не вдолбить, что рассчитывать на взаимность — глупо?

— Но она такая необыкновенная... часть природы, — еле слышным эхом откликнулся Гроувер.

— Ну и дурак! — отрезала Талия.

— Ну и пусть... — мечтательно отозвался Гроувер.

* * *

Наконец небо посветлело.

— Пора бы уже, — пробормотала Артемида. — Зимой он становится таким лентяем...

— Ждете рассвета? — спросил я.

— Скорее своего брата.

Я не хотел показаться невежей. То есть я знал мифы про Аполлона — его еще иногда называют Гелиосом, — как он управляет большой солнечной колесницей, катящейся по небу. Но я знал и то, что солнце на самом деле — это звезда, которая находится от нас далеко-далеко. Я привык к тому, что часть древнегреческих мифов — правда, но все равно не понимал, как Аполлон может управлять солнцем.

— Все не совсем так, как ты думаешь, — сказала Артемида, словно читая мои мысли.

— О'кей. — Я сразу почувствовал себя раскованнее, легче. — Значит, он не катается...

Внезапно на горизонте вспыхнул свет. Повеяло теплом.

— Не смотри, — посоветовала Артемида, — пока он не припаркуется. «Припаркуется?»

Я опустил глаза и заметил, что остальные делают то же самое. Свет и тепло усиливались, пока я не почувствовал, что просто плавлюсь от жары в зимней куртке. Потом свет неожиданно погас.

Я поднял взгляд. И не поверил собственным глазам. Это была моя машина! Ну, то есть машина, которую я всегда хотел иметь. Красный «мазерати-спайдер» с откидывающимся верхом. Автомобиль был так божественно прекрасен, что даже светился. Потом я понял, что он светится потому, что металл раскален. Снег вокруг «мазерати» растаял идеальным кругом, чем объяснялся тот факт, что я стою на зеленой траве и ноги у меня промокли.

Из машины, улыбаясь, вышел водитель. На вид ему было лет семнадцать-восемнадцать, и на мгновение меня кольнуло неприятное чувство, что это Лука, мой закоренелый враг. У парня такие же рыжеватые волосы и открытое, дружелюбное лицо! Но водитель шикарного авто был немного повыше, и его лицо не украшал шрам, как у Луки. И улыбка у него оказалась совсем не такая — озорная, широкая, я бы даже сказал,

нахальная. (Лука в последние дни только хмурился и усмехался.) В одежде водитель «мазерати» предпочитал джинсы, мокасины и футболку без рукавов.

— Ух ты! — пробормотала Талия. — Горячий парень, этот Аполлон.

— Он бог солнца, — напомнил я.

— Я про другое.

— Моя маленькая сестричка! — позвал Аполлон. Будь его зубы еще хоть капельку белее, он ослепил бы нас своей улыбкой без всякой солнечной машины. — Что случилось? Ты ни разу не позвонила. Ни разу не написала. Я уже стал волноваться!

Артемиде вздохнула.

— У меня все в порядке, Аполлон. И я тебе не маленькая сестричка!

— Эй, я родился первым!

— Мы близнецы. И сколько тысяч лет можно спорить...

— Так что случилось? — прервал он. — Я вижу, с тобой девочки. Хотите немного попрактиковаться в стрельбе из лука?

Мне показалось, что Артемиде скрипнула зубами.

— Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу. Я должна поохотиться... одна. Мне нужно, чтобы ты отвез моих спутниц в Лагерь полукровок.

— Заметано, сестрица! — Потом он поднял руки, словно объявляя минуту молчания. — Чувствую, что на меня снисходит хокку.

Охотницы дружно вздохнули. Они явно уже встречались с Аполлоном.

Аполлон откашлялся, по-актерски вытянул вперед руку и продекламировал:

Трава на снегу
Сестра просит помощи
Я спокоен.

Он усмехнулся и посмотрел на нас, ожидая аплодисментов.

— В последней строчке всего четыре слога, — сказала Артемиде.

— Разве? — нахмурился Аполлон.

— Да. Может, лучше «Я такой спесивый»?

— Нет-нет, тут шесть слогов. Хм. — Он забормотал что-то себе под нос.

Зоя Ночная Тень повернулась к нам.

— Повелитель Аполлон перенял этот вид стихосложения, хокку, во время своей поездки в Японию. И это еще не самое худшее... Однажды он

посетил Лимерик... Если я еще хоть раз услышу стихотворение, начинающееся словами: «Жила-была в Спарте богиня...»

— Вот! — провозгласил Аполлон. — Я невозмутим. Ровно пять слогов! — Он поклонился с весьма самодовольным видом. — Ну а теперь, сестренка... Говоришь, тебе нужно отвезти охотниц? Что ж, отлично. Я как раз собирался прокатиться.

— И этих полубогов тоже надо подбросить, — сказала Артемида, указывая на нас. — Они из лагеря Хирона.

— Без проблем! — Аполлон взглянул на нас. — Так-так-так... Талия, верно? Наслышан.

— Привет, повелитель Аполлон. — Талия густо покраснела.

— Дочка Зевса, да? Выходит, моя кузина. Надоело быть деревом? Рад, что ты снова с нами. Терпеть не могу, когда хорошеньких девчонок обращают в деревья. Слушайте, ребята, я помню, как...

— Брат, — напомнила Артемида, — по-моему, пора ехать.

— Да-да, конечно. — Он, прищурясь, посмотрел на меня. — Перси Джексон?

— Да. То есть... да, сэр.

Странно, конечно, называть тинэйджера «сэр», но я уже научился быть поосторожнее с бессмертными. Все они были очень обидчивы и, чуть что, выходили из себя.

Аполлон пристально оглядел меня, но не сказал ни слова, что было несколько неприятно.

— Ладно! — сказал он наконец. — Давайте загружайтесь в машину. Рейс в один конец — только на запад. И если вы опоздаете — пиши пропало.

Я посмотрел на «мазерати»; в нем могло поместиться два человека, не более. А нас около двадцати.

— Машина — класс, — вмешался Нико.

— Спасибо, малыш, — ответил Аполлон.

— Но как мы все в нее влезем?

— Ну... — Казалось, Аполлон впервые обратил внимание на эту проблему. — Да, конечно. Терпеть не могу отказываться от спортивных моделей, но полагаю...

Он вытащил ключи и нажал кнопку сигнализации. Бип-бип — отозвалась машина.

На мгновение она снова ярко вспыхнула. Когда сияние погасло, мы увидели вместо «мазерати» один из тех челночных автобусов с открытым верхом, на которых нас развозили на школьные баскетбольные игры.

— Годится, — заключил Аполлон. — Прошу садиться.

Зоя велела охотницам залезать в авто. Она подняла свой мешок, и Аполлон галантно предложил:

— Сюда, милочка. Давай я помогу.

Зоя с отвращением отшатнулась. В глазах ее вспыхнул убийственный блеск.

— Брат, — укоризненно произнесла Артемида, — прошу тебя, не помогай моим охотницам. Не заглядывайся на них, поменьше разговаривай и не пытайся заигрывать. И не смей называть их милочками!

Аполлон вскинул руки.

— Прости! Забыл. Скажи-ка, сестричка, так куда же ты все-таки собралась?

— Поохотиться, — отрезала Артемида. — Не твое дело.

— Все равно узнаю. Я все вижу. Я же всеведущ.

— Просто высади их там, где надо, Аполлон, — фыркнула Артемида. — И не приставай!

— Да разве ж я когда-нибудь пристаю?!

Артемида гневно посмотрела на брата, затем обратилась к нам:

— Увидимся ближе к зимнему солнцестоянию. Зоя, назначаю тебя ответственной за отряд. Сделай все правильно. Как сделала бы я.

— Слушаюсь, госпожа. — Зоя вытянулась в струнку.

Артемида опустилась на колени и потрогала землю, словно проверяя следы. Когда она встала, вид у нее был расстроенный.

— Опаснее, чем я думала. Но зверя нужно найти.

Она стремительными шагами углубилась в лес, моментально смешавшись со снежной завесой и тенями.

Аполлон повернулся к нам и, ухмыляясь и крутя на пальце ключи, спросил:

— Ну, кто хочет порулить?

* * *

Охотницы быстро забрались в автобус. Они сгрудились в задней части, чтобы сидеть как можно дальше от Аполлона и других, в высшей степени заразных, самцов. Бьянка села там же, оставив своего младшего брата впереди, с нами. Мне казалось, что здесь холодно, но Нико, по-моему, было все равно.

— Здорово! Круто! — восклицал Нико, подпрыгивая на водительском

сиденье. — Неужели это и вправду солнце? Я думал, что боги солнца и луны — Гелиос и Селена. Как же так выходит, что иногда это они, а иногда — вы с Артемидой?

— Разжаловали, — ухмыльнулся Аполлон. — В общем, путаница началась с римлян. Им показалось накладным тратить на все эти жертвоприношения, поэтому они и перераспределили обязанности Гелиоса и Селены между мной и сестрой. Сестричке моей досталась луна. Мне — солнце. Поначалу это было страшное занудство, зато я получил роскошную машину.

— Но как же так получается? — продолжал приставать с вопросами Нико. — Я считал, что солнце — это большой огненный шар, состоящий из газов!

Аполлон фыркнул и потрепал Нико по волосам.

— Такой слушок, наверное, прошел потому, что Артемида обычно называла меня большим огненным шаром. А если серьезно, малыш, все дело в том, о чем именно ты толкуешь — об астрономии или о философии. Хочешь говорить об астрономии? Кому это интересно! Совсем другое дело — что люди думают о солнце. А они то и дело, хм... выезжают за счет солнца... ну, так говорится. Оно их греет, под его лучами растут посевы на полях, оно заставляет работать их двигатели, с ним все... как бы это выразиться — солнечнее. Эта колесница построена из человеческих грез о солнце. Это так же старо, как западная цивилизация, малыш. Каждый день солнце совершает свой путь с востока на запад, освещая эти маленькие жалкие смертные жизни. Это все, — бог небрежно махнул рукой, — мощь солнца, какой ее воспринимают смертные. Звучит логично?

— Не очень, — покачал головой Нико.

— Хорошо, тогда думай об этом как о действительно мощной, настоящему опасной солнечной машине.

— Можно, я поведу?

— Нет. Ты еще слишком мал.

— А я? А я? — поднял руку Гроувер.

— Мм, — пробормотал Аполлон. — Ты слишком мохнатый.

Он посмотрел на меня как на пустое место и перевел взгляд на Талию.

— Дочь Зевса! — воскликнул он. — Повелителя неба. Лучшего выбора и быть не может.

— Нет, только не я, — покачала головой Талия. — Нет, спасибо.

— Да брось ты! — сказал Аполлон. — Сколько тебе лет?

— Не знаю, — нерешительно ответила Талия.

Печально, но факт. Талию обратили в дерево, когда ей было

двенадцать, но с тех пор прошло уже семь лет. Так что, если считать по годам, ей исполнилось девятнадцать. Но она все еще чувствовала себя двенадцатилетней. На вид ей можно было дать не двенадцать и не девятнадцать, а где-то посерединке. По выкладкам Хирона, она выросла и будучи деревом, только медленнее, чем обычно.

— Тебе пятнадцать, почти шестнадцать. — Аполлон прижал палец к губам и таинственно улыбнулся.

— Откуда вы знаете?

— Эй, девушка, я же бог пророчеств. Я ВИЖУ суть. Тебе исполнится шестнадцать примерно через неделю.

— Точно, у меня день рождения двадцать второго декабря!

— Из чего следует, что теперь ты достаточно взрослая, чтобы управлять автомобилем с разрешения инструктора.

— Ну... — Талия нервно заерзала на сиденье.

— Знаю, знаю, что ты скажешь, — подхватил Аполлон. — Что ты недостойна управлять солнечной колесницей.

— Я совсем не то хотела сказать.

— Не заставляй подвергать себя допросу с пристрастием! От Мэна до Лонг-Айленда всего-то ничего, и забудь о том, что случилось с последним парнишкой, которому я разрешил покататься. Ты — дочь Зевса. Тебя в небесах он не тронет.

Аполлон добродушно рассмеялся. Никто его не поддержал.

Талия пыталась воспротивиться, но Аполлон не желал даже и слышать никаких отказов. Он нажал кнопку на приборной доске, и поверх лобового стекла зажегся знак. Мне пришлось прочесть надпись задом наперед (для человека, страдающего дислексией, этот процесс почти не отличается от чтения спереди назад). Я почти не сомневался, что надпись гласит: «Осторожно! За рулем — стажер».

— Не бери в голову! — сказал Аполлон Талии. — Расслабься!

* * *

Должен признать, что я умирал от зависти. Мне давно не терпелось самому водить машину. Этой осенью мама пару раз брала меня в Монтаук и, когда на шоссе никого не было, разрешала сесть за руль своей «мазды». Конечно, то была японская малолитражка, а это — солнечная колесница, но какая разница?

— Скорость зависит от жара, — предупредил Аполлон. — Поэтому

сначала поезжай потихоньку и убедись, что набрала достаточную высоту, а потом можешь гнать на полной.

Талия так вцепилась в баранку, что костяшки пальцев у нее побелели. У нее был такой вид, будто ее вот-вот стошнит.

— Что-нибудь не так? — спросил я ее.

— Н-нет, — ответила она сдавленным голосом. — Все в порядке.

Талия потянула руль на себя. Он дернулся, и автобус взмыл вверх так быстро, что меня бросило назад и я рухнул на что-то мягкое.

— Ох, — простонал Гроувер.

— Прости.

— Потихше! — предупредил Аполлон.

— Извините, — ответила Талия. — Теперь все под контролем!

Я с трудом приподнялся и, выглянув в окно, увидел дымящийся круг деревьев на поляне, с которой мы взлетели.

— Талия, — подсказал я, — не жми так сильно на газ.

— Знаю, Перси, — ответила она, скрипнув зубами.

Однако было видно, что соображает она плохо.

— Расслабься, — сказал я.

— Я и так расслабилась! — огрызнулась Талия.

Она сидела, напряженно застыв, словно палку проглотила.

— Нам надо на юг, к Лонг-Айленду, — велел Аполлон. — Поверни налево.

Талия дернула руль, и я снова повалился на Гроувера, который жалобно заскулил.

— Налево — в другую сторону, — подсказал Аполлон.

Я по глупости снова выглянул в окно. Теперь мы были на высоте самолета — так высоко, что небо стало чернеть.

— М-да... — сказал Аполлон, и у меня возникло чувство, что он вынуждает себя говорить спокойно. — Держи пониже, милочка. А то Кейп-Код^[5] под нами совсем замерзнет.

Талия снова дернула руль. Лицо у нее было белое как мел, лоб — в бусинках пота. Что-то явно шло не так. Я никогда не видел Талию в подобном состоянии.

Автобус нырнул вниз, и кто-то пронзительно завопил. Может, я сам. Теперь мы устремились прямо к Атлантике со скоростью тысяча миль в час — побережье Новой Англии осталось слева. В автобусе становилось все жарче.

Аполлона отбросило куда-то назад, но он пробирался к нам, хватаясь за сиденья.

— Возьмите руль сами! — взмолился Гроувер.

— Спокойно, — сказал Аполлон. Его самого уж никак нельзя было назвать спокойным. — Просто она пока еще учится... УХ ТЫ!

Я проследил за его взглядом. Под нами лежал какой-то городок Новой Англии, укрытый снегом. По крайней мере, в это время года он всегда был укрыт снегом. Но я видел, как снежный покров на деревьях, крышах и лужайках стремительно тает. Белый шпиль церкви стал коричневым и задымился. Над городом, то тут, то там, заструились завитки дыма, как от погашенных рождественских свечей. Деревья и крыши домов воспламенялись.

— Наверх! Поднимайся вверх! — заорал я. В глазах Талии появился безумный блеск. Она рванула руль на себя, и на сей раз я устоял на ногах. Пока мы с ревом неслись вверх, я увидел в заднее окно автобуса, что пожары в городе потухли — такой стужей повеяло с неба.

— Туда! — указал Аполлон. — Лонг-Айленд там — держи прямо. Держи руль мертвой хваткой. И давай потише, дорогая. «Мертвой хваткой» — это просто фигура речи.

Автобус мчался к северному побережью Лонг-Айленда. Я уже различал Лагерь полукровок — долину, лес, пляж. Видел трапезную, домики и амфитеатр.

— Все под контролем, — бормотала Талия. — Все под контролем.

Мы были уже в нескольких сотнях ярдов.

— Тормози, — велел Аполлон.

— Это я могу.

— ТОРМОЗИ!

Талия тяжело ударила по тормозной педали, и солнечный автобус под углом сорок пять градусов с оглушительным плеском плюхнулся в озеро Лагеря полукровок. Пар клубами встал над озером, и несколько перепуганных наяд буквально выпрыгнули из воды с наполовину сплетенными корзинами.

Автобус вынырнул на поверхность вместе с парочкой опрокинутых полуобугленных лодок.

— Что ж, — произнес Аполлон с молодецкой улыбкой. — Ты все делала правильно, моя дорогая. Все держала под контролем! А теперь пошли посмотрим — может, мы ненароком сварили заживо кого-нибудь важного?

Глава пятая

Я звоню в подводное царство

Раньше мне никогда не приходилось бывать в Лагере полукровок зимой, и теперь вид снега поразил меня.

Учтите, что климат лагеря находился под строжайшим магическим контролем. Ничто не могло проникнуть сюда извне против воли директора, мистера Д. Я не сомневался, что лагерь встретит меня теплом и солнцем, но вместо этого сегодня был разрешен легкий снегопад. Изморозь покрывала дорожку для гонок колесниц и клубничные поля. Домики украшали крохотные мерцающие огоньки, похожие на рождественские, разве что выглядели они как язычки настоящего пламени. Еще больше огоньков горело в лесу, но, что самое странное, пламя вспыхивало в чердачном окне Большого дома, где, заключенный в мумифицированном теле, обитал оракул. Я подумал, уж не занят ли Дельфийский дух изготовлением маршмеллоу?^[6]

— Ух ты! — выдохнул Нико, когда мы выбрались из автобуса. — Это стенка для скалолазов?

— Да, — ответил я.

— А почему по ней стекает лава?

— Небольшое дополнительное препятствие. Пошли. Я представлю тебя Хирону. Зоя, ты с ним встречалась?..

— Я знаю Хирона, — холодно ответила Зоя. — Скажи ему, что мы будем в восьмом домике. За мной, охотницы!

— Я покажу, как пройти, — предложил Гроувер.

— Мы знаем дорогу.

— Нет, правда, мне это не трудно. Здесь можно запросто заблудиться, если вы не... — Сатир перепрыгнул через лодку и подошел к ним, не переставая молоть на ходу всякую чушь: —...как любил повторять мой старый папаша-козел! Пошли!

Зоя вытаращила глаза, но, полагаю, поняла, что от Гроувера просто так не отделаться. Охотницы взвалили на плечи свои мешки и луки и направились к домикам. Уходя, Бьянка ди Анджело наклонилась к брату и шепнула ему что-то. Потом посмотрела на него, ожидая ответа, но Нико только бросил на нее взгляд исподлобья и отвернулся.

— Берегите себя, милочки! — крикнул Аполлон вслед охотницам. Потом подмигнул мне. — Остерегайся этих пророчеств, Перси. Скоро

увидимся.

— Что вы имеете в виду?

Вместо ответа он запрыгнул обратно в автобус.

— Я еще навещу тебя, Талия, — обратился он к девушке. — А пока — всего хорошего!

Аполлон лукаво улыбнулся ей, будто знал что-то, чего не знала она. Потом закрыл двери и включил мотор. Я отвернулся, когда солнечная колесница поднялась с места в жарком мареве. Обернувшись, я увидел, что от озера идет пар. Красный «мазерати» парил над лесом, сияя все ярче и взмывая все выше, пока не исчез в луче солнечного света.

У Нико был по-прежнему сердитый вид. Интересно, что же сказала ему сестра?

— Кто такой Хирон? — спросил он. — У меня нет его фигурки.

— Наш исполнительный директор, — сказал я. — Он... впрочем, сам увидишь.

— Если он не нравится этим девицам-охотницам, — проворчал Нико, — для меня этого вполне достаточно. Пошли.

* * *

Второе, что удивило меня в лагере, — насколько он пуст. То есть я знал, что большинство полукровок тренируются здесь только летом. Сейчас в лагере должны были находиться лишь те, кто живет здесь круглый год, — те, у кого нет дома, или те, на кого слишком часто нападали монстры. Но и их почти не было видно.

Я увидел Чарльза Бекендорфа из домика Гефеста, разводившего огонь в кузнице возле оружейных мастерских. Братья Стоулл, Тревис и Коннор, из домика Гермеса подбирали отмычки к замку нашей лавки. Несколько парней из домика Ареса играли в снежки с дриадами на окраине леса. Практически все. Даже моя старая соперница из домика Ареса, Кларисса, куда-то исчезла.

Большой дом украсили гирляндами из красных и желтых шаровых молний, которые согревали крыльцо, но не угрожали стать причиной пожара. Внутри в очаге потрескивали дрова. В воздухе чувствовался запах горячего шоколада. В гостиной сидели директор мистер Д. и Хирон, коротая время за игрой в карты. Зимой каштановая борода Хирона стала клочковатой, а волнистые волосы немного отросли. В этом году он уже не выступал в роли учителя, поэтому, как я думаю, мог держаться и выглядеть

не так официально. На нем был пушистый свитер с узором в виде отпечатков копыт, а на коленях лежало одеяло, почти полностью скрывавшее его инвалидное кресло.

Хирон улыбнулся, увидев нас.

— Перси! Талия! А это, должно быть...

— Нико ди Анджело, — сказал я. — Он и его сестра — полукровки.

— Стало быть, тебе удалось. — Хирон вздохнул с облегчением.

— Ну...

— Что-то не так? — Улыбка его поблекла. — А где Аннабет?

— Ах, дорогой, — скучающим голосом произнес мистер Д. — Одной больше, одной меньше...

Я всегда старался не обращать внимания на мистера Д., но игнорировать его было не так-то просто. Особенно учитывая то, что он вырядился в оранжевый, с леопардовыми разводами, теплый спортивный костюм и ярко-красные кроссовки. (Можно подумать, мистер Д. хоть раз за всю свою бессмертную жизнь совершил пробежку!) Золотой лавровый венок сидел набекрень на его курчавых черных волосах, это должно было означать, что последний кон он выиграл.

— Что вы имеете в виду? — спросила Талия. — Кто-то еще пропал?

В эту минуту в комнату рысцой вбежал Гроувер с безумной ухмылкой на лице. Один глаз у него был подбит, и все лицо расцарапано — кажется, ему неплохо досталось.

— Охотницы поселились в восьмой домик!

— Охотницы, говоришь? — нахмурился Хирон. — Вижу, нам есть о чем поговорить. — Он быстро взглянул на Нико. — Гроувер, может, ты отведешь нашего юного друга в учебный класс и покажешь ему установочный фильм?

— Но... о да, конечно. Да, сэр.

— Установочный фильм? — спросил Нико. — А какой он категории, Р или PG?^[7] Потому что Бьянка, она ух какая строгая...

— PG-тринадцать, — ответил Гроувер.

— Блеск! — Довольный Нико направился вслед за Гроувером.

— А теперь, — обратился Хирон ко мне и Талии, — может, вы оба сядете и расскажете мне все от начала до конца?

* * *

Когда мы закончили наш рассказ, Хирон повернулся к мистеру Д.

— Нам следует немедленно начать поиски Аннабет.

— Пойду я, — одновременно сказали мы с Талией.

— Ни в коем случае! — фыркнул мистер Д.

Мы с Талией стали наперебой возражать, но мистер Д. поднял руку. В глазах у него появился тот самый сердитый красноватый огонек, который означал, что, если мы не заткнемся, случится нечто ужасное и сверхъестественное.

— Судя по тому, что вы рассказали мне, — произнес мистер Д., — мы пустились в весьма неподобающую эскападу. Не говоря уже о прискорбной потере в лице Энни Белл...

— Аннабет, — резко оборвал я его.

Она приезжала в лагерь с семи лет, а мистер Д. все еще делал вид, что не помнит, как ее зовут.

— Да-да, — сказал он, — и вместо нее ты приволок еще одного противного мальчишку. Поэтому не вижу никакого смысла и далее рисковать полукровками, посылая их на разные нелепые поиски. К тому же более чем вероятно, что эта Энни погибла.

Мне захотелось придушить мистера Д. Было несправедливо со стороны Зевса посылать его сюда на сто лет в качестве директора, чтобы этот пьянчужка тут протрезвел. Предполагалось, что это будет наказанием за плохое поведение мистера Д. на Олимпе, но в конце концов это обернулось наказанием для всех нас.

— Возможно, Аннабет еще жива, — сказал Хирон.

Ручаюсь, что оптимистические нотки в голосе дались ему нелегко. Ведь он воспитывал Аннабет на протяжении всех лет, когда она проводила целый год в лагере, до ее второй попытки наладить жизнь с отцом и мачехой.

— У нее ясная голова. Даже если... даже если она в руках наших врагов, то постарается выиграть время. Может даже притвориться, что готова действовать с ними заодно.

— Верно, — поддержала Талия, — Луке она нужна живой.

— В таком случае, — заявил мистер Д., — боюсь, ей придется проявить все свои недюжинные способности, чтобы выкарабкаться самой.

Я встал из-за стола.

— Перси. — В голосе Хирона явно прозвучало предостережение.

В глубине души я понимал, что мистер Д. не из тех, с кем стоит связываться. Даже если ты импульсивный молодой человек с диагнозом об отклонениях в развитии, поблажки от него не дождешься. Но я настолько разозлился, что мне уже было все равно.

— Вы только радуетесь, когда кто-то из лагеря пропадает! — заявил я. — Вам, наверное, хотелось бы, чтоб мы все исчезли!

— Ну и чего ты добиваешься? — Мистер Д. подавил зевок.

— Да! — прорычал я. — То, что вас послали сюда в наказание, еще не значит, что можно корчить из себя ленивого придурка! Это и ваша цивилизация тоже. Может, попытаетесь хоть немного помочь?!

На несколько секунд в гостиной воцарилась тишина. Слышно было только, как потрескивают дрова в камине. Отражения язычков пламени зло заплясали в глазах мистера Д. Он уже открыл рот, чтобы произнести что-то — возможно, проклятие, не оставившее бы от меня и мокрого места, — но тут в комнату ворвался Нико, а за ним вошел Гроувер.

— ВОТ ЭТО КРУТО! — громко завопил Нико, протягивая руки к Хирону. — Так вы... вы кентавр?!

Хирон напряженно улыбнулся.

— Да, мистер ди Анджело, если угодно. Хотя при первой встрече предпочитаю оставаться в человеческом обличье в этой инвалидной коляске.

— А вы, ух ты! — Он с восторгом посмотрел на мистера Д. — Вы тот парень-пьяница?

Мистер Д. оторвал взгляд от меня и с отвращением уставился на Нико.

— Парень-пьяница?

— Дионис, верно? Ух ты! У меня есть ваша фигурка.

— Моя фигурка?

— В моей игре «Мифы и магия». И на голографической карточке тоже! И даже если с вашей картой на руках можно набрать всего очков пятьсот и среди богов все считают вас самой слабой картой, вы мне ужасно нравитесь!

— А-а. — Мистер Д., кажется, растерялся, что, вероятно, и спасло мне жизнь. — Что ж... я польщен.

— Перси, — скороговоркой произнес Хирон, — отправляйтесь вместе с Талией в домики. Сообщите всем обитателям лагеря, что завтра вечером мы будем играть в захват флага.

— Захват флага? — переспросил я. — Но у нас недостаточно...

— Это традиция, — ответил Хирон, — товарищеская встреча всякий раз, когда у нас в гостях охотницы.

— Да, — пробормотала Талия, — конечно... товарищеская.

Хирон дернул головой в сторону мистера Д., который по-прежнему, нахмурясь, выслушивал от Нико, сколько защитных очков имеют боги в его игре.

— Давайте сматывайтесь, — велел Хирон.

— И то правда, — сказала Талия. — Пошли, Перси.

Она вытолкала меня из Большого дома, прежде чем Дионис вспомнил, что собирался стереть меня в порошок.

* * *

— Ты уже восстановил против себя Ареса, — напомнила Талия, когда мы устало плелись к домикам. — Хочешь нажать еще одного бессмертного врага?

Она была права. В свое первое лето в лагере я вступил в схватку с Аресом, и теперь он и все его дети жаждали моей смерти.

— Прости. Просто не сдержался. Это так несправедливо!

Талия остановилась возле оружейной мастерской и устремила взгляд через долину, на верхушку Холма полукровок. Ее сосна была там, на нижней ветви блестело Золотое руно. Волшебное дерево все еще охраняло границы лагеря, но дух Талии больше не придавал ему мощи.

— В жизни все несправедливо, Перси, — пробормотала Талия. — Иногда мне хочется...

Она замолчала, но тон у нее был такой печальный, что мне стало ее жалко. С нечесаными черными волосами, в черной одежде панка и старом шерстяном пальто она походила на большого ворона, совершенно неуместного в ландшафте, где преобладало белое.

— Мы вернем Аннабет, — пообещал я. — Только пока не знаю как.

— Сначала я узнала, что пропал Лука, — сказала она. — Теперь Аннабет...

— Не думай так.

— Ты прав. — Талия выпрямилась. — Мы найдем способ.

На баскетбольной площадке несколько охотниц бросали мяч в корзину из-под кольца. Одна из них о чем-то поспорила с парнем из домика Ареса. Отпрыск Ареса взялся за рукоять меча, а у охотницы сделался такой вид, будто она в любой момент может сменить баскетбольный мяч на лук.

— Я это улажу, — сказала Талия. — А ты ходи по домикам. Скажи всем, что на завтра намечается взятие флага.

— Договорились. Ты будешь капитаном.

— Нет-нет, — отказалась она. — Ты в лагере дольше. Тебе и быть капитаном.

— Мы можем быть, ну... сокапитанами.

Похоже, эта мысль понравилась ей меньше, чем мне, но она кивнула. Когда она уже направилась к площадке, я окликнул ее:

— Эй, Талия!

— Что?

— Прости за то, что случилось в Уэстовере. Мне надо было все-таки дожждаться вас.

— Все в порядке, Перси. Я, вероятно, поступила бы так же. — Талия переминалась с ноги на ногу, словно не в силах решить, стоит ли продолжать эту тему. — Помнишь, ты спросил насчет моей мамы? Я... ну... одернула тебя, что ли. Просто... Я вернулась, чтобы найти ее через семь лет, но выяснилось, что она умерла в Лос-Анджелесе. Она, в общем... сильно пила и явно была не в форме, когда вела машину поздно ночью пару лет назад и... — Талия часто заморгала.

— Мне очень жаль.

— Ну так вот... Дело... дело не в том, что мы были очень близки. Я сбежала, когда мне было десять. Лучшие два года своей жизни я провела, странствуя с Лукой и Аннабет. Но все же...

— Так вот почему ты так переживала в машине Аполлона.

Талия настороженно посмотрела на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— То, как скованно ты держалась. Наверное, вспоминала маму, не хотелось тоже оказаться за баранкой...

И я тут же пожалел о том, что сорвалось с языка. Выражение лица Талии приобрело опасное сходство с лицом Зевса... как-то раз я видел его в гневе... словно в любую минуту ее взгляд способен разрядить в меня миллион вольт.

— Да, — пробормотала она. — Да, должно быть, ты прав.

Еле передвигая ноги, она направилась к площадке, где отпрыск Ареса и охотница пытались изувечить друг друга с помощью меча и баскетбольного мячика.

* * *

Строения в Лагере полукровок представляли собой самое странное сочетание зданий, какое только можно представить. На одном конце располагались большие сооружения с белыми колоннами, принадлежавшие Зевсу и Гере, под номерами один и два; домики пяти богов стояли слева, а домики пяти богинь — справа, в целом образуя букву «U» вокруг

центральной лужайки и очага для барбекю.

Я обошел дома, рассказывая всем о предстоящем взятии флага. Попутно разбудил кого-то из парней Ареса мирно храпящего днем, и он заорал, чтобы я убирался прочь. Когда я спросил его, где Кларисса, он ответил:

— Отправилась на поиск по поручению Хирона. Сверхсекретное задание.

— С ней все в порядке?

— Месяц о ней ничего не слыхал. Она пропустит нашу акцию! Так же как и ты, задница, если не уберешься отсюда!

Я решил дать ему вздремнуть.

Наконец я подошел к третьему домику, домику Посейдона. Это было приземистое серое здание, сложенное из морских камней с вкраплениями ископаемых ракушек и кораллов. Внутри он, как всегда, пустовал, не считая моей койки. Над подушкой на стене висел рог Минотавра.

Вытащив бейсболку Аннабет из рюкзака, я положил ее на ночной столик. Отдам Аннабет, когда найду. А я обязательно ее найду.

Сняв часы, я активировал щит. Он развернулся с резким скрежетом. Шипы доктора Торна оставили на меди примерно дюжину следов. Одна пробоина мешала щиту раскрыться целиком, поэтому он напоминал пиццу с двумя недостающими ломтиками начинки. Прекрасные картины, которые отчеканил на поверхности мой брат, покоробились. В сценке, изображавшей нашу с Аннабет схватку с Гидрой, казалось, будто в моей голове пробило кратер метеоритом. Я повесил щит на крюк рядом с рогом Минотавра, но теперь на него было больно смотреть. Может, Бекендорф из домика Гефеста починит его. Он лучший оружейник в лагере. Спрошу его за ужином.

Я по-прежнему сидел, тупо уставившись на щит, когда обратил внимание на странный звук — бульканье воды — и понял, что в комнате появилось что-то новое. В глубине домика я увидел большую раковину с водосточным желобом в виде рыбьей головы, изваянной из камня. Из рта рыбы вырывалась струйка соленой воды, стекавшей в небольшой бассейн. Вода, должно быть, была еще и горячее, поскольку в холодном зимнем воздухе над ней курился туман, как в сауне. Это согревало комнату, придавало ей летний вид и наполняло свежим запахом моря.

Я подошел к бассейну. Никакой записки и вообще ничего, но я понимал, что это может быть только даром Посейдона.

Я посмотрел на воду и сказал:

— Спасибо, папа.

По воде пробежала рябь. На дне бассейна поблескивали монеты — около дюжины золотых драхм. Тогда я понял назначение фонтана. Это был намек не отрываться от семьи. Намек мне.

Я открыл ближайшее окно, чтобы морозный воздух мог сотворить радугу в тумане. Потом выловил из горячей воды монету.

— О Ирида, богиня радуги! — воззвал я. — Прими мою жертву.

Я швырнул монету в туман, и она исчезла. Потом до меня дошло, что я не знаю, с кем связаться в первую очередь.

С мамой? Так поступил бы примерный сын, но она, должно быть, уже не волнуется обо мне так сильно. Привыкла, что время от времени я исчезаю на целый день, а то и на несколько недель.

С отцом? Слишком долго, почти два года, мы практически не общались. Да и вообще — можно ли отправить через Ириду сообщение богу? Я никогда не пробовал. Возможно, это выводит богов из себя, как визиты торговых агентов?

Я колебался. Затем все же принял решение.

— Покажи мне Тайсона, — попросил я. — В кузнице циклопов.

Туман стал мерцающим, и в нем появился образ моего единокровного брата. Тайсон стоял в огне, что вряд ли было бы возможно, не будь он циклопом. Он склонился над наковальней, молотом обрабатывая раскаленный докрасна клинок. Вокруг него летали искры и вилось пламя. За ним виднелось обрамленное мрамором окно, выходящее в темно-синюю воду — на дно океана.

— Тайсон! — завопил я.

Сначала он не услышал меня из-за грохота своего молота и рычания пламени.

— ТАЙСОН!

Он обернулся, и его единственный огромный глаз широко раскрылся. Лицо Тайсона озарила ухмылка, подсвеченная желтыми отблесками пламени.

— Перси! — Он бросил клинок и подбежал ко мне, пытаясь прижать меня к груди.

Картинка стала расплывчатой, и я инстинктивно попятился.

— Тайсон, это послание Ириды. Меня там на самом деле нет.

— Ох! — Тайсон снова появился в поле зрения, вид у него был смущенный. — Я знаю. Да.

— Ну как ты поживаешь? — спросил я. — Как работа?

Глаза его загорелись.

— Работа мне нравится! Смотри! — Он взял раскаленный клинок

голыми руками. — Это я сделал!

— Здорово!

— И написал на нем свое имя. Прямо здесь.

— Потрясающе. Слушай, ты часто разговариваешь с папой?

— Не очень. — Улыбка сбежала с лица Тайсона. — Папа занят. Все беспокоится насчет войны.

— Что ты имеешь в виду?

Тайсон вздохнул. Он выставил в окно клинок, вода вокруг него миглом вскипела. Когда Тайсон втянул его обратно, металл уже остыл.

— Старые морские духи доставляют ему много хлопот. Эгеон. Океан. Ну, вся эта компания.

Я примерно представлял, о чем он говорит. Он имел в виду бессмертных, которые правили океанами встарь, во времена титанов, прежде чем верх одержали боги Олимпа. То, что они теперь возвращались, когда их повелитель титан Кронос и его союзники набирали силу, было совсем не к добру.

— Могу я что-нибудь сделать? — спросил я.

Тайсон печально покачал головой.

— Мы вооружаем наяд. К завтрашнему дню им понадобится еще тысяча мечей. — Он посмотрел на свой клинок и вздохнул. — Старые духи защищают плохой корабль.

— «Принцессу Андромеду»? — спросил я. — Корабль Луки?

— Да. Они затрудняют его поиски. Охраняют от штормов, которые насылает папа. Иначе он давно потопил бы его.

— Это было бы неплохо.

Тайсон вскинул голову, словно ему пришла в голову какая-то другая мысль.

— А где Аннабет?

— Она, ну... — Сердце у меня налилось тяжестью, как шар для боулинга. Тайсон считал, что Аннабет — самое замечательное, что есть на свете после арахисового масла (серьезно, он просто обожал арахисовое масло). У меня не хватило мужества сказать ему, что Аннабет пропала. Он так разревется, что того и гляди погасит огонь в кузнице. — В общем, ее сейчас здесь нет.

— Передай ей привет! — Он широко улыбнулся. — Привет Аннабет!

— Ладно. — Я проглотил застрявший в горле комок. — Передам.

— И выкинь из головы плохой корабль. Он уплывает.

— Что ты имеешь в виду?

— Далеко-далеко. К Панамскому каналу.

Я нахмурился. Зачем Лука все время направляет свое дьявольское судно туда? Последний раз, когда мы с ним виделись, он курсировал вдоль Восточного побережья, набирая полукровок и обучая войско своих монстров.

— Хорошо, — не совсем уверенно произнес я. — Это... наверное, это к лучшему.

Низкий голос из глубин кузницы проревел что-то непонятное. Тайсон вздрогнул.

— Пора опять браться за работу! Иначе босс выйдет из себя. Удачи тебе, брат!

— О'кей, передай па...

Но не успел я закончить, как мерцающая радужная картинка поблекла. Я снова остался один в своем домике, еще более одинокий, чем прежде.

* * *

В тот вечер за ужином я чувствовал себя ужасно несчастным.

Еда, как обычно, была превосходная. Казалось бы, что еще человеку нужно, кроме жареного мяса, пиццы и неистощимых кубков с газировкой? Факелы и жаровни поддерживали в открытом павильоне тепло, но по заведенному порядку все сидели рядом со своими соседями по домику, что означало — я был за столом Посейдона один. Талия тоже в одиночестве поглощала пищу за столом Зевса, но сесть вместе мы не могли. Таковы правила лагеря. В домиках Гефеста, Ареса и Гермеса на зиму оставалось всего по несколько человек. Нико устроился вместе с братьями Стоулл, поскольку новых обитателей всегда подселяли в домик Гермеса, если их родитель был неизвестен. Похоже, братья Стоулл пытались убедить Нико, что покер куда интереснее «Мифов и магии». Я лишь надеялся, что у Нико нет с собой денег.

Единственный стол, за которым, казалось, царит веселье, был стол Артемиды. Охотницы пили, ели и смеялись, как одна большая счастливая семья. Зоя сидела во главе как старшая. Она не хохотала так же безудержно, как остальные, но время от времени улыбалась. Серебряный лейтенантский венчик поблескивал в темных прядях ее волос. Я подумал, что она выглядит гораздо симпатичнее, когда улыбается. Бьянка ди Анджело, казалось, чувствовала себя прекрасно. Она пыталась соревноваться в армрестлинге с той высокой девушкой, которая затеяла ссору с парнем из домика Ареса на баскетбольной площадке. Девушка каждый раз

одерживала верх, но Бьянку это, похоже, не смущало.

По окончании трапезы Хирон совершил обычное приношение богам и официально приветствовал охотниц Артемиды. Рукоплесканиям, раздавшимся в ответ, явно не хватало энтузиазма. Затем он объявил «добровольный» захват флага завтра вечером, что было встречено с гораздо большим воодушевлением.

После чего, несмотря на ранний час, мы все разошлись по своим домикам: зимой свет гасили раньше. Я настолько вымотался, что, слава богам, уснул легко и быстро. Плохо лишь то, что мне приснился кошмар, который, даже по моим меркам, был чудовищным.

* * *

Я увидел Аннабет на склоне темного холма, в пелене тумана. Это очень походило на Царство Мертвых, потому что я моментально почувствовал приступ клаустрофобии, и неба над головой тоже не было — только низко нависшая тяжелая тьма, как каменный свод пещеры.

Аннабет изо всех сил карабкалась на холм. Кругом валялись обломки древнегреческих колонн из черного мрамора, словно какой-то могучий вихрь превратил огромное древнее здание в развалины.

— Торн! — крикнула Аннабет. — Где ты? Зачем ты принес меня сюда?

Вскарабкавшись по руинам стены, она добралась до вершины холма.

Тяжело дыша, Аннабет огляделась.

Там был Лука. Раненый, страдающий.

Он, скорчившись, лежал на каменистой земле, пытаясь встать. Тьма вокруг него казалась гуще, зловеще курился туман. Одежда висела на нем лохмотьями, лицо было расцарапано и залито потом.

— Аннабет! — позвал Лука. — Помоги мне! Пожалуйста!

Она бросилась вперед.

Я попытался крикнуть: «Он предатель! Не верь ему!»

Но во сне крики мои были беззвучными.

В глазах Аннабет стояли слезы. Она протянула руку, будто хотела дотронуться до лица Луки, но в последний момент остановилась в нерешительности.

— Что случилось? — спросила она.

— Они бросили меня здесь, — простонал Лука. — Пожалуйста. Я умираю.

Я не мог различить его раны. Казалось, он борется с каким-то

незримым проклятием, а туман душит его.

— Почему я должна верить тебе? — спросила Аннабет.

В голосе ее прозвучало оскорбленное самолюбие.

— Ты не должна, — ответил Лука. — Я ужасно вел себя по отношению к тебе. Но если ты не поможешь мне, я умру.

«Дай ему умереть!» — хотел закричать я и не мог.

Лука столько раз пытался хладнокровно убить нас! Он не заслуживает помощи Аннабет.

Затем окружавшая Луку тьма стала осыпаться, как потолок пещеры при землетрясении. Сверху полетели огромные куски черного камня. Аннабет стремительно бросилась вперед, как только наверху появилась трещина. Затем весь свод рухнул. Однако она каким-то образом удержала его — многотонную толщу скал, — не давая ей обрушиться на себя и Луку, одними только руками. Это же невозможно. Она никогда не была способна на такое.

Лука задыхался, но ему удалось высвободиться.

— Спасибо, — еле вымолвил он.

— Помоги мне держать это, — простонала Аннабет.

Лука перевел дух. Лицо его было в саже и поту. Он, покачиваясь, поднялся на ноги.

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя.

Он побрел прочь, в то время как черная громада над головой Аннабет угрожающе вибрировала, норовя раздавить ее.

— ПОМОГИ МНЕ! — взмолилась она.

— Не волнуйся, — оглянулся Лука. — Помощь к тебе вот-вот подоспеет. Это все — часть плана. А пока постарайся не умирать.

Тьма тяжелым прессом продолжала прижимать Аннабет к земле.

* * *

Меня словно током пронзило, и я моментально подскочил на кровати, срывая с себя одеяла, будто это были камни накрывающей меня лавины. В домике стояла тишина, только соленая вода булькала, стекая в бассейн. Часы на ночном столике показывали ровно полночь.

Конечно, это только сон, но в двух вещах я теперь был абсолютно уверен. Аннабет угрожает страшная опасность. И ответственность за это несет Лука.

Глава шестая

Нас посещает старый знакомый — мертвец

На следующий день после завтрака я рассказал Гроуверу о своем сне. Мы сидели на лугу, наблюдая за тем, как сатиры гоняются по снегу за дриадами. Нимфы обещали каждому сатиру по поцелую, если их поймают, но, как правило, до этого не доходило. Обычно нимфа заставляла сатира набегаться так, что от него валил пар, потом превращалась в заснеженное дерево, и бедняга врезался в него головой, после чего на него с глухим шумом обрушивался целый сугроб.

Когда я рассказал Гроуверу о своем кошмаре, он принялся нервно скрести пальцами клочковатую шерсть, растущую у него на ногах.

— Так на нее обрушился потолок пещеры? — спросил он.

— Да. Что, черт возьми, это может означать?

— Не знаю, — покачал головой Гроувер. — Но после того, что приснилось Зое...

— Вот это да! Что ты хочешь сказать? Зое тоже снятся подобные сны?

— Я... я точно не знаю. Около трех ночи она явилась в Большой дом и заявила, что желает поговорить с Хироном. Вид у нее был по-настоящему напуганный...

— Постой, а ты откуда знаешь?

Гроувер вспыхнул.

— Меня вроде как поселили возле домика Артемиды.

— Зачем?

— Просто, понимаешь, чтобы быть к ним поближе.

— Тоже мне — следопыт с копытами!

— Вовсе нет! Так или иначе, я прокрался за ней к Большому дому, спрятался в кустах и видел все собственными глазами. Она всерьез расстроилась, когда Аргус не впустил ее. Крутая была сценка.

Я постарался представить себе это. Аргус возглавлял службу охраны лагеря — здоровущий блондинистый пижон с глазами по всему телу. Он редко показывался, если не происходило что-то серьезное. Пожалуй, я не стал бы заключать пари на схватку между ним и Зоей Ночная Тень.

— Что она сказала? — спросил я.

— Ну, она стала говорить по-старинному, как всегда, когда расстроена, поэтому понять ее было трудно. — Гроувер скорчил недовольную гримасу. — Но что-то насчет того, что Артемиде в беде и ей нужна помощь

охотниц. А потом обозвала Аргуса олухом и деревенщиной... По-моему, она это сделала зря. Тогда он назвал ее...

— Погоди. Как это — Артемида в беде?

— Я... ну, потом наконец вышел Хирон в пижаме, а на хвосте у него были бигуди и...

— У него бигуди?!

Гроувер потряс головой и прикрыл ладонью рот.

— Извини, — сказал я. — Рассказывай дальше.

— Ну, и Зоя сказала, что ей нужно разрешение покинуть лагерь. Хирон ей отказал. Он напомнил Зое, что они должны оставаться здесь вплоть до получения приказа от Артемиды. И тут она говорит... — Гроувер сглотнул. — Говорит: «Как же мы можем получить приказ от Артемиды, если Артемида нас покинула?»

— «Покинула» — что она хотела этим сказать? Что ей нужны новые указания?

— Нет, я думаю, она имела в виду... э-э... пропала. Похищена.

— Похищена? — У меня в голове не укладывалось, как это может быть. — Как можно похитить бессмертную богиню? Разве это вообще возможно?

— Ну да. Я хочу сказать, что так случилось с Персефоной...

— Но она вроде была богиней цветов.

— Пробуждения растений, — оскорблено посмотрел на меня Гроувер.

— Не важно. Артемида гораздо могущественнее. Кто мог похитить ее? И зачем?

— Не знаю. — Гроувер с несчастным видом помотал головой. — Кронос?

— Он не может снова достичь такого могущества. Или нет?

Последний раз, когда мы видели Кроноса, он был изрублен на мельчайшие кусочки. То есть... на самом деле мы не видели его. Тысячелетия назад, после великой войны богов с титанами, боги изрубили его на куски его же собственной косой и швырнули остатки в Тартар — бездонное мусорное ведро, предназначенное для утилизации врагов. Два года назад Кронос обманом заманил нас к самому краю ямы и едва не столкнул в нее. Затем прошлым летом на борту дьявольского корабля Луки мы видели золотой саркофаг, куда, как заявил Лука, он кусочек за кусочком призывает повелителя титанов из бездны, когда кто-нибудь присоединяется к их делу. Кронос мог влиять на людей во сне и морочить им голову, но я не понимал, как он мог физически одолеть Артемиду, оставаясь злобной кучей измельченных отбросов.

— Не знаю, — сказал Гроувер. — Сдается мне, кто-нибудь знал бы, если б Кронос преобразился. Боги бы занервничали. Чудно, однако же, что тебе приснился кошмар в ту же ночь, что и Зое. Очень похоже на то...

— ...что они связаны, — заключил я.

На замерзшем лугу сатир раскатился на скользкой дорожке на копытах, преследуя рыжекудрую дриаду. Она захихикала и выставила руки, когда он мчался к ней. Хлоп! Она превратилась в сосну, и хорошенько разогнавшийся сатир чмокнул губами ее ствол.

— Ах, любовь, — мечтательно произнес Гроувер.

Я думал о кошмарном сне Зои, посетившем ее через несколько часов после моего сна.

— Пойду поговорю с Зоей, — сказал я.

— Хм, но прежде... — Гроувер достал что-то из кармана куртки. Это был буклет, состоявший из трех частей и напоминающий брошюры для путешественников. — Помнишь, ты сказал — как это странно, что охотницы ни с того ни с сего появились в Уэстовер-холле? Я думаю, они следили за нами.

— Следили за нами? Что ты хочешь этим сказать?

Гроувер выдал мне брошюру. Книжечка повествовала об охотницах Артемиды. Она называлась «МУДРЫЙ ВЫБОР ДЛЯ ВАШЕГО БУДУЩЕГО!». Внутри содержались фотографии юных дев — охотящихся, преследующих чудовищ, стреляющих из лука. Сразу бросились в глаза заглавия разделов: «Здоровый образ жизни». «Бессмертие и что оно означает для вас!» А также: «Завтрашний день без мальчиков».

— Я нашел это в рюкзаке Аннабет, — объяснил Гроувер.

— Не понимаю, — уставился я на него.

— Ну, мне кажется... может, Аннабет подумывала присоединиться к ним?

* * *

Не скажу, чтобы это была приятная новость.

По правде говоря, мне хотелось придушить охотниц Артемиды, этих вечных девственников, всех разом. Я попытался до предела занять остаток дня, но слишком болезненно переживал из-за Аннабет. Я отправился на занятия по метанию дротиков, но обитатель домика Ареса, бывший здесь за главного, выгнал меня, после того как я метнул дротик, прежде чем он успел отойти от мишени. Я извинился за дырку, нечаянно сделанную в

его штанах, но он все равно послал меня подальше. Потом зашел в конюшни пегасов, но Силена Боргард из домика Афродиты ругалась там с кем-то из охотниц, и я решил не встречать.

После этого я долго сидел на опустевшей площадке для стоянки колесниц и дулся на весь мир. Отсюда мне был виден Хирон, который руководил полукровками, упражнявшимися в стрельбе из лука по мишеням. Я понимал, что лучшего собеседника мне не найти. Он мог бы дать мне дельный совет, однако что-то удерживало меня от разговора с ним. У меня было чувство, что старый кентавр постарается оградить меня от неприятностей, как он делал всегда. Он мог просто не рассказать мне всего, что знал.

Я посмотрел в другую сторону. На вершине Холма полукровок мистер Д. и Аргус кормили дракончика, который охранял Золотое руно.

Тут меня осенило: значит, в Большом доме сейчас никого нет. Однако там находился некто другой... некто, у кого я могу получить указания.

Кровь стучала в висках и сердце бешено колотилось, пока я мчался к дому и взбегал по лестнице. Я делал это только однажды, но меня до сих пор преследовали кошмары. Открыв люк, я шагнул на чердак.

Здесь все было в точности как я помнил: темень, пыль и беспорядочно разбросанный хлам. Щиты со следами укусов чудовищ, мечи, изогнутые в форме голов демонов, и продукция таксидермистов — чучела гарпии и ярко-оранжевого питона.

Возле окна на трехногом табурете сидела иссохшая мумия старой дамы, затянута в какое-то хипповое платье. Оракул.

Я заставил себя подойти к ней. Ждал, что изо рта мумии повалит клубами зеленый туман, как в первый раз, но ничего не случилось.

— Привет, — сказал я. — Как поживаете?

И тут же вздрогнул, сообразив, какую глупость сморозил. Как можно «поживать», когда ты покойник, которого держат на чердаке? Но я знал, что дух оракула где-то здесь. Я чувствовал в воздухе холодок присутствия, словно рядом, свернувшись кольцами, дремала змея.

— Я хочу задать вопрос, — сказал я чуть погромче. — Мне надо знать насчет Аннабет. Как я могу спасти ее?

Ответа не последовало. Косые лучи солнца падали в грязное чердачное окно, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. Я подождал еще.

Затем я разозлился. Торчу тут как идиот перед каким-то трупом.

— Ладно, — сказал я. — Прекрасно. Сам разберусь.

Резко повернувшись, я наткнулся на большой стол, заваленный всяким

хламом. Он был замусорен еще больше, чем в прошлый раз. Герои сваливали сюда все вперемешку: добытые во время поиска трофеи, которые они больше не хотели держать в своих домиках, или вещи, связанные с болезненными воспоминаниями. Я знал, что Лука положил куда-то сюда коготь дракона — тот самый, который оставил шрам на его лице. Лежал тут и сломанный эфес меча с табличкой: «Он сломался, и Лерой погиб. 1999».

Затем я заметил розовый шелковый шарф с прикрепленной к нему этикеткой. Я взял в руки ярлык и попытался прочесть его:

ШАРФ БОГИНИ АФРОДИТЫ

Обнаружен в Уотерлэнде, Денвер,

Аннабет Чейз и Перси Джексон.

Я уставился на шарф. Я совершенно о нем забыл. Два года назад Аннабет вырвала его у меня из рук и сказала что-то вроде: «О нет, нет, любовная магия не для тебя!»

Предполагалось, что она его выбросила. Однако сейчас он лежал передо мной. Значит, она хранила его все это время? И почему-то спрятала на чердаке?

Я обернулся к мумии. Она не пошевелилась, но тени, перечеркнувшие ее лицо, казалось, изобразили на нем ужасную улыбку.

Я выронил шарф и постарался отступить достойно, а не броситься опрометью к выходу.

* * *

В этот вечер после ужина я серьезно приготовился нанести сокрушительное поражение охотницам при захвате флага. Народу в игре участвовало не много. Охотницы выставили тринадцать человек, считая Бьянку ди Анджели, примерно столько же было со стороны обитателей лагеря.

Зоя выглядела ужасно расстроенной. Она все время укоризненно поглядывала на Хирона, будто не могла поверить, что он заставляет ее делать это. У остальных охотниц тоже был приунывший вид. В отличие от

вчерашнего вечера они не смеялись и не перебрасывались шутками. Они просто сгрудились в трапезной и нервно перешептывались, пока надевали доспехи. Некоторые, казалось, даже потихоньку плакали. Я подозревал, что Зоя рассказала им о своем ночном кошмаре.

В нашу команду входил Бекендорф и еще двое парней из домика Гефеста, несколько человек из домика Ареса (казалось странным, что Кларисса так и не объявилась), братья Стоулл и Нико из домика Гермеса и несколько отпрысков Афродиты. Странно было, что и представительницы домика Афродиты изъявили желание участвовать в игре. Обычно они сидели в сторонке, болтали и любовались своими отражениями в реке, но, узнав, что мы собираемся дать бой охотницам, проявили редкостное рвение.

— Я им покажу «любовь — это чепуха»! — ворчала Силена Боргард, надевая доспех. — Я их в порошок сотру!

Участвовали и мы с Талией.

— Я буду в нападении, — вызвалась Талия, — а ты в защите.

— Ммм, — нерешительно промямлил я, поскольку собирался сказать то же самое, только наоборот. — Тебе не кажется, что с твоим щитом... ну и вообще, тебе будет лучше в защите?

Талия уже надела на руку Эгиду, и даже наши товарищи по команде расступились перед ней, стараясь не дрожать от страха перед бронзовой головой Медузы.

— Я думала, что с этим больше пригожусь в нападении, — сказала Талия. — Кроме того, у тебя больше опыта в качестве защитника.

Кажется, она меня поддразнивала. У меня было несколько крайне неудачных попыток сыграть в защите при захвате флага. В первый год Аннабет отвела мне роль наживки, и меня чуть не пронзили насмерть копьями, а потом едва не загрызла адская гончая.

— Ладно. Нет проблем, — соврал я.

— Прекрасно.

Талия повернулась, чтобы помочь кому-то из домика Афродиты: ее отпрыски никак не могли застегнуть доспехи, боясь сломать ногти. А ко мне подбежал Нико ди Анджело с улыбкой до ушей.

— Перси, это так круто!

Бронзовый шлем с голубым плюмажем съезжал ему на глаза, а нагрудник был великоват размеров на шесть. Я задумался, не выглядел ли я так же нелепо пару лет назад. К несчастью, видимо, так оно и было.

— Мы перережем всю команду противника? — спросил Нико, с трудом поднимая меч.

— Вообще-то... нет.

— Но ведь охотницы бессмертны, верно?

— Если только не погибнут в битве. Кроме того...

— Круто было бы, если бы мы вроде как воскресали, как только нас убьют, и продолжали сражаться и...

— Нико, это серьезно. Мечи настоящие. Ими можно пораниться.

Он посмотрел на меня несколько разочарованно, и я понял, что говорю точь-в-точь как моя мама. Этого еще не хватало. Недобрый знак.

— Все путем. — Я легонько хлопнул Нико по плечу. — Просто не отставай от команды. И держись подальше от Зои. Зададим им жару.

Хирон громко ударил копытом о пол павильона.

— Герои! — воззвал он. — Правила вам известны! Река — пограничная линия. Синяя команда, Лагерь полукровок, займет западную часть леса. Охотницы Артемиды, красная команда, — восточную. Я буду исполнять обязанности рефери и фельдшера. Никаких преднамеренных увечий, пожалуйста! Все волшебные предметы допускаются. На позиции!

— Перси, — шепнул стоявший рядом Нико, — о каких волшебных предметах он говорит? У меня есть хоть один?

Я уже собирался брякнуть ему, что нет, когда Талия выкрикнула:

— Команда синих, за мной!

Команда разразилась одобрительными возгласами и бросилась за ней. Мне пришлось пуститься бегом, чтобы догнать их, и я чуть было не споткнулся о чей-то щит, так что на капитана я походил мало. Скорее на какого-то придурка.

* * *

Мы водрузили наш флаг на вершине Кулака Зевса. Это куча валунов посреди западного леса, которая, если посмотреть на нее под правильным углом, напоминает торчащий из земли огромный кулак. Если посмотреть на нее под другим углом, она походила на огромную кучу оленьего помета, но Хирон запретил нам называть это место кучей дерьма, особенно учитывая, что оно названо в честь Зевса, который, как известно, не отличается чувством юмора.

Так или иначе, это хорошее место для размещения флага. Верхний валун имел высоту двадцать футов, и забраться на него было трудно, так что флаг отчетливо просматривался с разных сторон, как того и требуют правила, и не важно, что стражам не позволяется стоять ближе чем в десяти

ярдах от него.

Я поставил Нико сторожить флаг вместе с Бекендорфом и братьями Стоулл, вообразив, что таким образом надежно от него отделался.

— Мы вышлем приманку, — сказала Талия команде. — Силена, будешь за главную.

— Есть!

— Возьми Лорель и Ясона. Они хорошие бегуны. Обойдите охотниц слева, по как можно более широкой дуге, и оттяните на себя столько бойцов, сколько сможете. Я с основными силами обойду их справа и захвачу врасплох.

Все согласно кивнули. Звучало неплохо, и Талия произнесла это с такой уверенностью, что невозможно было сомневаться в ее плане.

— Хочешь что-нибудь добавить, Перси? — посмотрела на меня Талия.

— Хм, да. Не забывайте про оборону. У нас четыре стражника. Не так уж много для большого леса. Я буду в дозоре. Кричите, если вам понадобится помощь.

— И не оставляйте свой пост! — сказала Талия.

— Если только не представится отличный случай, — добавил я.

— Просто не оставляйте свой пост, — нахмурилась Талия.

— Верно, если только...

— Перси!

Она дотронулась до моей руки, и меня как током дернуло. Конечно, зимой от каждого исходят разряды статического электричества, но, когда речь идет о Талии, это действительно больно. Полагаю, это потому, что папа ее — бог молний. Про нее поговаривали, что она может опалить людям брови.

— Прости, — сказала Талия, хотя тон ее трудно было назвать извиняющимся. — Теперь всем все ясно?

Все снова кивнули. Мы разбились на маленькие группы. Прозвучал рог, и игра началась. Группа Силены исчезла в лесу налево. Группа Талии выждала несколько секунд и стремглав рванулась вправо.

Я остался ждать развития событий, взобравшись на вершину Кулака Зевса, откуда отлично просматривался лес. Я вспомнил, как охотницы стремительно вырвались из леса, когда сражались с мантикорой, и готовился к чему-то вроде этого — к одной массивной атаке, которая может нас захлестнуть. Однако ничего такого не происходило.

Потом я заметил Силену и двух ее разведчиков. Они бежали по прогалине, преследуемые пятью охотницами, и уводили их в глубь леса, отвлекая от Талии. Похоже, наш план удавался. Затем я заметил другую

кучку охотниц, направлявшихся вправо с луками на изготовку. Должно быть, они заметили Талию.

— Что происходит? — спросил Нико, пытаясь вскарабкаться на мой валун.

Моя мысль лихорадочно работала. Талии несдобровать, но охотниц удалось разделить. Учитывая, что они отрядили на каждый фланг столько людей, центр их должен оставаться неприкрытым. Если я потороплюсь...

Я посмотрел на Бекендорфа.

— Смогут твои ребята продержаться?

— Ясное дело, — фыркнул Бекендорф.

— Я пошел.

Братья Стоулл и Нико разразились одобрительными возгласами, когда я помчался к границе.

Я бежал очень быстро и чувствовал себя прекрасно. Перепрыгнул через ручей и оказался на вражеской территории. Я видел впереди их серебристый флаг и только одну стражницу, которая даже не смотрела в мою сторону. Я услышал звуки боя справа и слева, где-то в лесу. У меня получилось!

Стражница обернулась в последнее мгновение. Это была Бьянка ди Анджело. Глаза ее широко раскрылись, когда я врезался в нее, и она распростерлась на снегу.

— Извини! — выкрикнул я.

Сорвал серебристый флаг с дерева и пустился наутек.

Я успел отбежать на десять ярдов, прежде чем Бьянка опомнилась и позвала на помощь. Я думал, что препятствий больше не будет.

Серебристый шнур со свистом обвился вокруг моей лодыжки, привязав меня к ближайшему дереву. Меня заарканили из лука! Не успев сообразить, что надо притормозить, я на полной скорости тяжело рухнул в снег.

— Перси! — раздался слева громкий голос Талии. — Что ты делаешь?!

Прежде чем она успела добежать до меня, прямо рядом с ней взорвалась стрела, и желтый дым клубами повалил на ее команду. Они поперхнулись и закашлялись. Я почувствовал запах газа даже на расстоянии — отвратительный запах серы.

— Так нечестно! — задыхаясь, крикнула Талия. — Газовая атака — это не по-спортивно!

Я поднялся и снова пустился бежать. Еще несколько ярдов до реки — и игра за нами. Совсем рядом просвистело еще несколько стрел. Передо мной внезапно возникла охотница — словно из-под земли выросла, — она

попыталась пырнуть меня ножом, но я отвел удар и продолжил бег.

Я услышал пронзительные крики с нашей стороны реки. Ко мне неслись Бекендорф и Нико. Я решил, что они хотят поприветствовать меня, но затем увидел, что они гонятся за кем-то — это была Зоя Ночная Тень, которая мчалась мне навстречу огромными прыжками, как гепард, без труда уворачиваясь от игроков нашей команды. И в руках у нее был наш флаг!

— Нет! — пронзительно воскликнул я и припустил еще быстрее.

Я был уже в двух футах от воды, когда Зоя перемахнула на свою сторону, не забыв от души пихнуть меня. Охотницы разразились приветственными возгласами, когда обе стороны сошлись у ручья. Из леса вышел Хирон с мрачным лицом. На спине он вез братьев Стоулл, и, похоже, у обоих были серьезные раны на голове. Две стрелы, как антенны, торчали из шлема Коннора Стоулла.

— Охотницы победили! — недовольно провозгласил Хирон. Затем пробормотал: — Пятьдесят шестой раз подряд.

— Персей Джексон! — завопила Талия, бросаясь ко мне.

От нее все еще пахло тухлыми яйцами, и она впала в такую ярость, что от ее доспехов летели голубые искры. Все съежились и попятились при виде Эгиды. Мне пришлось мобилизовать всю свою силу воли, чтобы не отступить.

— О чем, во имя богов, ты думал? — проревела Талия.

Я сжал кулаки. На меня и так обрушилось достаточно неприятностей за один день. Это было уже чересчур.

— Я захватил их флаг, Талия! — И я потряс им у нее перед носом. — Мне представился шанс, и я воспользовался им!

— Я БЫЛА НА ИХ БАЗЕ! — выкрикнула Талия. — Но флаг уже унесли. Если бы ты не влез, куда не просят, мы победили бы.

— У тебя и своих дел было по горло!

— Ах так, значит, это я виновата?

— Я этого не говорил.

Талия зарычала от ярости и ткнула меня кулаком, пропустив через мое тело такой разряд, что меня отбросило футов на десять в воду. Кое-кто из обитателей лагеря тяжело вздохнул. Парочка охотниц приглушенно хихикнули.

— Извини! — побледнев, сказала Талия. — Я не имела в виду...

В глазах у меня все помутилось от гнева. Волна, поднявшаяся из реки, тяжело ударила Талию по лицу, окатив ее с ног до головы.

Я встал.

— Да! — рявкнул я. — Я тоже не имел в виду.

Талия тяжело дышала.

— Хватит! — приказал Хирон.

— Что, нарываешься, рыбы мозги? — Талия вскинула копье.

В каком-то смысле это было не оскорбление, так окрестила меня Аннабет — по крайней мере, я к нему привык, — но слышать такое от Талии не очень-то приятно.

— Сама начала, сосновая шишка!

Я занес Анаклузмос, но, прежде чем я успел защититься, Талия взвыла, и извергнувшаяся с небес молния превратила ее копье в электрическое жало, ударившее меня в грудь.

Я тяжело опустился в снег. В воздухе стоял запах паленого, и я подозревал, что это моя одежда.

— Талия! — выкрикнул Хирон. — Хватит!

Я встал и пожелал, чтобы река вступилась за меня. Сотни галлонов воды свернулись в массивное воронкообразное облако.

— Перси! — взмолился кентавр.

Я уже собирался метнуть реку в Талию, когда заметил в лесу что-то необычное. Мой гнев и собранная в кулак воля улетучились в единый миг. Вода с плеском вернулась в речное русло. Талия была настолько поражена, что обернулась, чтобы проследить за моим взглядом. Кто-то... или что-то приближалось. Оно было спеленуто зеленой туманной дымкой, но, когда подошло поближе, обитатели лагеря и охотницы дружно вздохнули от изумления.

— Это невозможно, — сказал Хирон. Я никогда не слышал такой тревоги в его голосе. — Оно... она никогда не покидает чердака. Никогда.

И все же ссохшаяся мумия, в которую был заключен оракул, прошаркала по снегу и остановилась в центре группы. Туман вился у ее ног, придавая снегу нездоровый зеленоватый оттенок.

Никто не осмелился шевельнуться. Затем ее голос прошипел у меня в голове. Очевидно, каждый это услышал, потому что некоторые ребята зажали уши руками.

«Я — Дельфийский дух, — произнес голос. — Моими устами глаголет и пророчествует Феб Аполлон, убивший могущественного Питона».

Оракул поглядел на меня холодными, мертвыми глазами. Затем он повернулся, безошибочно устремив взор на Зою.

«Приблизься, ищущая, и спрашивай».

Зоя проглотила застрявший в горле комок.

— Что я должна сделать, чтобы помочь моей богине?

Тогда оракул отверз уста, и из них повалил зеленый туман.

Я увидел смутный образ горы и девушку, стоящую на голой вершине. Это была Артемида, но опутанная цепями, прикованная к скалам. Она стояла на коленях, воздев руки, словно чтобы отразить атаку, и вид у нее был такой, словно она ранена и страдает.

Оракул изрек:

Пятеро пойдут на запад к богине в цепях,
Один в пустыне обратится в прах,
Погибель Олимпа поведет по следу,
Жители лагеря и охотницы одолеют беды,
С проклятьем титана справится друг,
И один погибнет от отцовских рук.

Затем на наших глазах туман, свиваясь огромной зеленой змеей, втянулся в уста оракула. Он сел на обломок скалы и застыл точно так же, как там, на чердаке, словно мумия собиралась просидеть возле этого ручья не одну сотню лет.

Глава седьмая

Все ненавидят меня, кроме лошади

Вернуться на чердак самостоятельно оракул был уже решительно не в состоянии.

Отнести туда мумию доверили мне и Гроуверу. Вряд ли потому, что мы пользовались всеобщей любовью.

— Береги ее голову! — предупредил сатир, когда мы поднимались по лестнице.

Но было уже поздно.

Бац! Я с размаху долбанул мумию лицом о дверную раму, взметнулось облачко пыли.

— Вот черт! — Я опустил ее и проверил нанесенный ущерб. — Ничего не сломал?

— Трудно сказать, — уклончиво ответил Гроувер.

Подняв мумию, мы усадили ее на трехногий табурет; оба запыхались, пот тек с нас ручьем. Кто бы мог подумать, что мертвецы такие тяжелые?

Мне слабо верилось, что оракул заговорит со мной, и я оказался прав. Когда мы наконец выбрались оттуда и я захлопнул чердачную дверь, у меня словно гора с плеч свалилась.

— Да, — вздохнул сатир, — работенка та еще.

Я понимал: ради меня он старается делать вид, что ничего особенного не происходит, но все равно чувствовал себя неважнецки. Весь лагерь на меня злился, потому что из-за меня они проиграли охотницам, да к тому же оракул разродился новым пророчеством. Похоже, что Дельфийский дух намеренно изменил своим привычкам, чтобы игнорировать меня. Мумия не обратила никакого внимания на мой вопрос и прошла полмили, чтобы пообщаться с Зоей. И она ничем, даже намеком не обмолвилась об Аннабет.

— Как поступит Хирон? — спросил я Гроувера.

— Хотелось бы знать. — Он мечтательно взглянул из окна второго этажа на волнистые очертания холмов, занесенных снегом. — Хочу туда.

— На поиски Аннабет?

Гроувер с некоторым сожалением оторвался от созерцания пейзажа и сосредоточил взгляд на мне. Потом покраснел.

— Конечно. И это тоже.

— О чем ты сейчас думал? — допытывался я.

— Ну... о том, что сказала мантикора насчет Великого Сотрясения. —

Гроувер беспокойно переступил копытами. — Никак не могу отогнать одну мысль... если пробуждаются все древние силы, то, может быть... может, не все из них злые.

— Ты имеешь в виду Пана? Я почувствовал себя эгоистом, потому что начисто позабыл о главной жизненной цели Гроувера. Бог природы исчез две тысячи лет назад. Ходили слухи, что он умер, но сатиры не поверили этому. Они решили найти его. Они безуспешно искали столетиями, и Гроувер убедил себя, что именно ему суждено преуспеть. В этом году, из-за того что Хирон перевел всех сатиров на режим особого положения для поисков полукровок, Гроувер не смог продолжить самое важное дело своей жизни. Похоже, у него от этого чуть не поехала крыша.

— Я упустил след, — сказал он. — И с тех пор нет мне покоя... будто мне не хватает чего-то действительно важного. Он где-то там. Я чувствую это.

Я не знал, что сказать. Мне хотелось приободрить его, но я не знал как. Мой оптимизм во многом был затоптан в снег там, в лесу, вместе с нашими надеждами на захват флага.

Прежде чем я успел ответить, громко топая, наверх поднялась Талия. Официально она со мной теперь не разговаривала, но, посмотрев на Гроувера, сказала:

— Скажи Перси, пусть тащит свою задницу вниз.

— Зачем? — спросил я.

— Он что-то сказал? — спросила Талия у Гроувера.

— Хм... он спросил «зачем?».

— Дионис собирает совет предводителей домиков для обсуждения пророчества, — сказала Талия. — К сожалению, это касается и Перси.

* * *

Совет собрался в комнате отдыха вокруг стола для пинг-понга. Дионис зазывно махал руками и распределял закуски — сырную пасту, крекеры, а также несколько бутылок красного вина. После чего Хирон напомнил Дионису, что вино ему запрещено, а большинство из нас — несовершеннолетние. Мистер Д. вздохнул. Щелчок пальцами — и вино превратилось в диетическую колу. Никто к ней так и не прикоснулся.

Мистер Д. и Хирон в инвалидной коляске сидели на одном конце стола. Зоя и Бьянка ди Анджело (которая со временем обещала превратиться в личную помощницу Зои) — на другом. Талия, Гроувер и я

уселись по правую руку, а остальные представители, Бекендорф, Силена Боргард и братья Стоулл, — по левую. Ожидалось, что домик Ареса тоже пришлет кого-нибудь, но все они стараниями охотниц «случайно» переломали себе руки или ноги во время захвата флага и теперь прохлаждались в лазарете.

Собрание на весьма оптимистической ноте открыла Зоя.

— Все это совершенно бессмысленно.

— Пошло-поехало! — тяжело вздохнул Гроувер.

Он стал подгребать к себе крекеры и мячи для пинг-понга, по-видимому казавшиеся ему одинаково аппетитными.

— Нечего тратить время на пустые разговоры, — продолжала Зоя. — Мы нужны нашей богине. Охотницы должны выступить немедленно.

— И куда? — спросил Хирон.

— На запад! — воскликнула Бьянка.

Я поразился тому, как изменили ее всего несколько дней, проведенных с охотницами. Волосы ее заплели в косу, как у Зои, так что стало наконец видно ее лицо. Нос, покрытый россыпью веснушек, и темные глаза смутно напомнили мне кого-то знакомого, но я не мог вспомнить, кого именно. Выглядела Бьянка так, словно ей всю жизнь приходилось упорно трудиться, а кожа ее слабо светилась, как и у других охотниц, будто она принимала душ из жидкого лунного света.

— Вы сами слышали пророчество. «Пятеро пойдут на запад к богине в цепях». Мы возьмем пятерых охотниц и выступим.

— Да, — поддержала ее Зоя. — Артемиду взяли в заложницы! Мы должны найти и освободить ее.

— Ты, как обычно, кое о чем забыла, — произнесла Талия. — «Жители лагеря и охотницы одолеют беды». Иначе говоря, мы должны действовать заодно.

— Нет! — воскликнула Зоя. — Охотницы не будут иметь ничьей помощи.

— Не примут помощь, — ворчливо поправила Талия. — Так, как ты, Зоя, никто уже триста лет не говорит. Надо идти в ногу со временем.

Зоя помолчала в нерешительности, словно подбирая правильные слова.

— Ваша помощь нам без надобности.

— Забудь, — замахала на нее рукой Талия.

— Боюсь, в пророчестве говорится, что вы действительно нуждаетесь в нашей помощи, — сказал Хирон. — Обитатели лагеря и охотницы должны действовать заодно.

— В самом деле? — промурлыкал мистер Д., покачивая перед носом банку с диетической колой так, будто в ней было вино, обладающее тонким букетом. — «Один... обратится в прах... Один погибнет...» Мало приятного. А что, если вы потерпите неудачу, потому что попытаетесь действовать заодно?

— Мистер Д., — вздохнул Хирон, — при всем моем уважении к вам хотелось бы знать: на чьей вы стороне?

Дионис вскинул брови.

— Простите, дражайший кентавр. Просто пытаюсь внести свою малую лепту.

— Предполагается, что мы будем действовать сообща, — упрямо сказала Талия. — Мне это тоже не нравится, Зоя, но ты ведь знаешь пророчества. Собираешься не подчиниться ему?

Зоя скорчила гримасу, но Талия явно набрала очко.

— Затягивать нельзя, — предупредил Хирон. — Сегодня воскресенье. В эту пятницу, двадцать первого декабря, наступит зимнее солнцестояние.

— Радость-то какая, — пробормотал Дионис. — Еще одно скучное ежегодное собрание.

— Артемида должна присутствовать при солнцестоянии, — сказала Зоя. — Она одна из тех, кто наиболее красноречиво отстаивал на совете необходимость действовать против сторонников Кроноса. Если ее не будет, боги так и не придут ни к какому решению. Мы потеряем еще год военных приготовлений.

— Вы полагаете, что богам трудно действовать сообща, юная леди? — спросил Дионис.

— Да, повелитель Дионис.

— Так-так, небольшая проверка. — Мистер Д. кивнул. — Конечно, вы правы. Продолжайте.

— Я вынужден согласиться с Зоей, — сказал Хирон. — Присутствие Артемиды на зимнем совете может оказаться решающим. У нас всего неделя на то, чтобы найти ее. И, что может быть еще более важно, установить местонахождение монстра, за которым она охотилась. Теперь мы должны решить, кто отправится на эти поиски.

— Трое и двое, — сказал я.

Все посмотрели на меня. Талия даже забыла, что не должна обращать на меня внимания.

— Предполагается, что нас будет пятеро, — смущенно произнес я. — Три охотницы и двое из лагеря. Это более чем справедливо.

Талия и Зоя переглянулись.

— Что ж, — сказала Талия, — в этом есть свой смысл.

— Я предпочла бы только охотниц, — отрезала Зоя. — Нам понадобится перевес.

— Вы будете идти по следу богини, — напомнил Хирон. — И передвигаться быстро. Не вызывает сомнений, что Артемида отследила запах этого редкого чудовища, кто бы оно ни было, если шла на запад. Вам нужно будет сделать то же самое. В пророчестве ясно сказано: «Погибель Олимпа поведет по следу». Что сказала бы ваша госпожа? «Слишком много охотниц отобьют запах». Лучше всего — маленькая группа.

Зоя взяла ракетку для пинг-понга и изучающе посмотрела на нее, словно решая, кому первому вмазать по роже.

— Это чудовище — погибель Олимпа. Я многие годы охотилась бок о бок с госпожой Артемидой. И все же у меня нет ни малейшего представления, кто эта тварь.

Все посмотрели на Диониса, скорее всего, потому, что он был единственным богом среди нас, а богам положено все знать. Он листал журнал, посвященный винам, но, когда все умолкли, оторвался от него.

— Да не смотрите вы все на меня. Вспомните, я — молодой бог. Я не слежу за всеми этими древними чудовищами и занюханнкими титанами. Они годятся лишь для страшилок на какой-нибудь вечеринке.

— Хирон, — сказал я, — а ты не имеешь никаких соображений насчет этого монстра?

Хирон пожевал губами.

— Кое-какие соображения имеются, одно хуже другого. Но все они как-то не увязываются. Тифон, к примеру, подходит под описание. Он действительно был погибелью Олимпа. Или Кракен. Но если бы кто-нибудь из них ожил, мы знали бы об этом. Это океанские чудища размером с небоскреб. Твой отец Посейдон уже забил бы тревогу. Боюсь, этот монстр более неуловим. И вероятно, даже более могуществен.

— Вы столкнетесь лицом к лицу с серьезной опасностью, — начал Коннор Стоулл. (Меня позабавило, что он сказал «вы», а не «мы».) — Похоже на то, что по крайней мере двоим из пяти придется погибнуть. Могу я распоряжаться имуществом покойных?

— «Один в пустыне обратится в прах», — процитировал Бекендорф. — На вашем месте я держался бы подальше от пустынь.

Поднялся одобрителный шум.

— «С проклятьем титана справится друг», — сказала Силена. — Что бы это могло значить?

Я заметил, как Хирон и Зоя нервно переглянулись, но что было у них

на уме, они не сказали.

— «И один погибнет от отцовских рук», — прошамкал Гроувер, попеременно надкусывая крекеры и пинг-понговые мячики. — Неужели это возможно? Какой родитель поднимет руку на своего ребенка?

За столом повисла напряженная тишина.

Я бросил быстрый взгляд на Талию, и мне показалось, что мы подумали об одном и том же. Много лет назад Хирону открылось пророчество об очередном ребенке Большой Тройки — Зевса, Посейдона и Аида, — которому в тот момент исполнится шестнадцать. Предполагалось, что тогда этот ребенок должен принять решение — спасти или навсегда уничтожить богов. Поэтому после Второй мировой войны Большая Тройка дала клятву: больше не заводить детей. Однако родились мы с Талией, и скоро нам обоим должно исполниться шестнадцать.

Я вспомнил, о чем мы говорили в прошлом году с Аннабет. Я спросил: если я представляю такую потенциальную угрозу, почему бы богам не убить меня?

«Возможно, кое-кто из богов и хотел бы убить тебя, — сказала тогда Аннабет. — Но они боятся оскорбить Посейдона».

Мог ли бог-олимпиец обратиться против своего ребенка-полукровки? Не проще ли было просто позволить ему умереть? Если и были когда-нибудь полукровки, которым приходилось все время помнить об этом, то это мы с Талией. Я задумался, уж не стоило ли мне все-таки послать папочке Посейдону галстук с узором из морских ракушек к Дню отца.

— Кто-то погибнет, — решил Хирон. — Это все, что нам известно.

— Здорово! — произнес Дионис.

Все посмотрели на него. Бог с безмятежным выражением лица оторвался от журнала «Ценитель вин».

— Ну... «пино нуар»^[8] снова входит в моду. Не обращайтесь внимания.

— Перси прав, — сказала Силена Боргард. — Два человека из лагеря тоже должны пойти.

— Ага, понятно, — саркастически произнесла Зоя. — Полагаю, ты хочешь вызваться добровольно?

Силена вспыхнула.

— Я никуда не собираюсь идти вместе с охотницами. И не надо так на меня смотреть!

— Дочь Афродиты не хочет, чтобы на нее смотрели, — с издевкой вымолвила Зоя. — Что бы сказала твоя мать?

Силена попыталась встать со стула, но братья Стоулл усадили ее обратно.

— Прекратите, — сказал Бекендорф. Он был крупным парнем с басовитым голосом, соответствующим его внешности. Говорил он мало, но, когда говорил, люди обычно к нему прислушивались. — Начнем с охотниц. Кто из вас пойдет?

— Само собой, пойду я, — встала Зоя, — и возьму Фебу. Она у нас лучший следопыт.

— Это та высокая девушка, которой нравится бить людей по голове? — осторожно спросил Тревис Стоулл.

Зоя кивнула.

— Та, которая всадила две стрелы в мой шлем? — добавил Коннор.

— Да, — осадила его Зоя. — А что?

— Да нет, ничего, — сказал Тревис. — Просто мы купили ей в подарок футболку в нашей лавке. — Он поднял, предъявив на всеобщее обозрение, огромную футболку, на которой было написано: «АРТЕМИДА, БОГИНЯ ЛУНЫ, ОСЕННИЙ ОХОТНИЧИЙ ТУР ДВЕ ТЫСЯЧИ ВТОРОГО ГОДА», а внизу шел обширный перечень национальных парков и, еще ниже, добычи. — Коллекционная вещь. Она восхищалась ею. Сможешь ей передать?

Я догадывался, что братья Стоулл приготовили какой-нибудь сюрприз. Такой уж у них характер. Но полагаю, Зоя не слишком хорошо их знала. Она только вздохнула и взяла футболку.

— Как я уже сказала, я беру Фебу. И мне хотелось бы, чтобы с нами пошла Бьянка.

— Я? — ошеломленно переспросила Бьянка. — Но... я ведь еще совсем новенькая. Вряд ли от меня будет много пользы.

— Справишься, — твердо заявила Зоя. — Это лучший способ доказать, что ты достойна.

Бьянка примолкла. Мне было даже немного жаль ее. Помню свой первый поиск, когда мне было двенадцать лет. Я чувствовал себя совершенно неподготовленным. Может, чуточку польщенным, но раздавленным ответственностью и страшно напуганным. Я буквально видел, как те же чувства теснятся сейчас в душе Бьянки.

— А из обитателей лагеря? — спросил Хирон.

Он встретился со мной взглядом, но что у него на уме, я не понял.

— Я! — Гроувер вскочил так стремительно, что ударился о край стола. Он смахнул с колен крошки от крекеров и скорлупу от пинг-понговых мячей. — Я готов на все, чтобы помочь Артемиде!

— Думаю, нет, сатир. — Зоя поморщилась. — Ты даже не полукровка.

— Но он житель лагеря, — возразила Талия. — У него обостренная

чувствительность, как у всех сатиров, и он разбирается в волшебстве дикой природы. Можешь исполнить песню следопытов, Гроувер?

— Запросто!

Зоя приветственно взмахнула рукой. Не знаю, о какой песне следопытов шла речь, но Зое это явно понравилось.

— Отлично, — сказала она. — А кто второй?

— Пойду я! — Талия встала и огляделась, словно бросая вызов каждому, кто осмелится перечить.

Ладно, я не блещу математическими способностями. Но до меня вдруг дошло, что мы уже выбрали пять человек, а меня в группе нет.

— Минуточку, — сказал я. — Я тоже хочу.

Талия промолчала. Хирон по-прежнему внимательно глядел на меня, и глаза его были печальны.

— Ой, — сказал Гроувер, внезапно проникаясь сутью проблемы. — Ух ты, а я и забыл! Должен идти Перси. То есть, значит... я остаюсь. Перси пойдет вместо меня.

— Он не может! — вскинулась Зоя. — Он парень. Я не хочу, чтобы охотницы путешествовали с мужчинами.

— Но сюда-то ты приехала со мной, — напомнил я.

— Это была краткосрочная необходимость и приказ богини. Я не отправлюсь в путешествие, где придется столкнуться со многими опасностями, вместе с парнем.

— А как же Гроувер? — не сдавался я.

Зоя покачала головой.

— Он не в счет. Он сатир. В каком-то смысле он не мужчина.

— Эй, полегче! — недовольно отозвался Гроувер.

— Я должен пойти, — сказал я. — Мне нужно участвовать в этих поисках.

— Зачем? — спросила Зоя. — Из-за твоей подружки Аннабет?

Я почувствовал, что краснею. Я ненавижу их всех за то, что они на меня смотрят.

— Нет! То есть отчасти. Просто я чувствую, что не могу не пойти!

Никто не встал на мою защиту. Мистер Д. явно скучал, все еще читая статьи о виноделии. Силена, братья Стоулл и Бекендорф потупились. Бьянка поглядела на меня с жалостью.

— Нет, — ровным голосом произнесла Зоя. — Я настаиваю. Если надо, я возьму сатира, но не героя мужского пола.

Хирон вздохнул.

— Поиски касаются Артемиды. Охотницам следует разрешить

выбирать себе спутников.

Я сел, в ушах у меня звенело. Я знал, что Гроувер и еще несколько человек смотрели на меня сочувственно, но не мог встретиться с ними взглядом. Я просто тупо сидел, уставясь в пол, когда Хирон объявил о закрытии совета.

— Быть посему, — заключил он. — Талия и Гроувер отправятся вместе с Зоей, Бьянкой и Фебой. Выступаете на рассвете. И да пребудут с вами боги, — кентавр мельком взглянул на Диониса, — надеюсь, так же как и все присутствующие.

* * *

В тот вечер я не вышел к ужину, что было ошибкой, так как Хирон с Гроувером сами явились ко мне.

— Прости, Перси, мне так жаль! — сказал Гроувер, садясь рядом со мной на койку. — Я не знал, что они... что ты... Честно!

Сатир захлюпал носом, и я сообразил, что, если я как-то не утешу его, он либо разрыдается, либо станет жевать мой матрас. У Гроувера тяга поедать неодушевленные предметы, когда он расстроен.

— Все в порядке, — соврал я. — Правда. Все нормально.

— Я даже не думал... — У Гроувера задрожала нижняя губа. — Я был так сосредоточен на том, чтобы помочь Артемиде. Но обещаю, я везде буду искать Аннабет. И если смогу найти — то найду.

Я кивнул, стараясь не обращать внимания на зияющую пустоту, вдруг образовавшуюся у меня в груди.

— Гроувер, — произнес Хирон, — не дашь ли ты мне сказать словечко Перси?

— Конечно. — Он шмыгнул носом.

Хирон ждал.

— А, то есть наедине, — догадался Гроувер. — Конечно, Хирон. — Вид у него был жалкий. — Видишь? Никому не нужен бедный козленок.

И он потрусил к двери, сморкаясь в рукав.

Хирон вздохнул и присел, подогнув конские ноги.

— Не стану притворяться, Перси. Я не понимаю пророчеств.

— Да, — ответил я. — Но может, оттого, что это какая-то бессмыслица?

Хирон посмотрел на струйку соленой воды, булькающую в углу домика.

— Будь моя воля, я не отправил бы Талию на эти поиски. Она слишком запальчива. Действует необдуманно. И слишком самоуверенна.

— Значит, ты выбрал бы меня?

— Если начистоту, то нет, — вздохнул он. — Вы с Талией слишком похожи.

— Большое спасибо.

Хирон улыбнулся.

— Разница в том, что ты чуть менее самоуверен, чем Талия. Хорошо это или плохо — как посмотреть. Но одно скажу наверняка: вместе взятые, вы становитесь опасны.

— Мы могли бы уладить это.

— Как вчера вечером у ручья?

Я не ответил. Он здорово меня поддел.

— Может быть, оно и к лучшему, — вполголоса нараспев произнес Хирон. — На каникулы ты можешь съездить домой, к маме. Если понадобится, мы позвоним.

— Да, — сказал я. — Может быть.

Я вытащил из кармана свою волшебную ручку и положил на ночной столик. Она выглядела так, словно годилась исключительно для подписывания рождественских открыток.

Когда Хирон увидел ручку, лицо его исказилось.

— Полагаю, ничего удивительного, что Зоя не хочет брать тебя с собой. Во всяком случае, пока ты носишь с собой это оружие.

Я не понял, что он имеет в виду. Потом вспомнил, что кентавр сказал мне еще тогда, давно, когда впервые вручил волшебный меч: «У него долгая и трагическая история, в которую нам не следует вдаваться». Я хотел спросить его об этом, но он достал из сумы золотую драхму и бросил ее мне.

— Позвони матери, Перси. Скажи, что приедешь домой утром. А, да, вот еще что... я сам чуть было не записался добровольцем на эти поиски. И я пошел бы, если бы не последняя строчка. «И один погибнет от отцовских рук».

Не было нужды переспрашивать. Я знал, что отец Хирона — Кронос, сам повелитель злых титанов. Строка обрела бы законченный смысл, если бы Хирон отправился на поиски. Кронос не заботился ни о ком, включая собственных детей.

— Хирон, — сказал я, — ты ведь знаешь, что это за «проклятие титана», правда?

Лицо кентавра омрачилось. Он резко схватился рукой за сердце и

сделал вид, что вырывает его — древний жест, предохраняющий от зла.

— Будем надеяться, что пророчество не означает того, что я думаю. А теперь доброй ночи, Перси. Твое время придет. Не сомневаюсь в этом. Не надо торопить события.

Он сказал «твое время», как обычно говорят, имея в виду смерть. Не знаю, хотел ли Хирон намекнуть именно на это, но взгляд у него был такой, что спросить я побоялся.

* * *

Я стоял перед струйкой соленой воды, потирая монету Хирона в руке и пытаюсь сообразить, что скажу маме. По правде говоря, я был совершенно не в настроении услышать еще от одного взрослого, что ничегонеделание — самое замечательное, чем я могу сейчас заняться. Хотя в случае с мамой это все же простительно, ведь она ничего не знала о последних событиях.

Наконец я набрал полную грудь воздуха и бросил монету.

— О богиня Ирида, прими мою жертву!

Туман замерцал. Света, падавшего из ванной, едва хватило, чтобы в воздухе возникла бледная радуга.

— Покажи мне Салли Джексон, — попросил я. — Верхний Ист-Сайд, Манхэттен.

И тогда в тумане возникла сцена, которую я никак не ожидал увидеть. Мама сидела за кухонным столом... с каким-то типом. Оба весело хохотали. Между ними лежала высокая стопка учебников. Мужчине было лет около тридцати с небольшим. Слишком длинные волосы с проседью, коричневая куртка, надетая поверх черной футболки. Он походил на актера — из тех, которые в телесериалах играют копов, работающих под прикрытием.

Я был слишком ошарашен, чтобы что-то сказать, и, к счастью, мама с незнакомцем так развеселились, что не заметили моей фигуры, явленной Иридой.

— Салли, ты потрясающая, — сказал мужчина. — Хочешь еще вина?

— Пожалуй, нет. Если хочешь, можешь продолжать.

— Вообще-то я лучше воспользовался бы твоим туалетом. Можно?

— Внизу, в холле, — ответила мама, все еще пофыркивая от смеха.

Актер-пижон улыбнулся, встал и вышел.

— Мам! — позвал я.

Она так подпрыгнула, что чуть не сшибла со стола все учебники.

Наконец она сосредоточилась на мне.

— Перси! Милый! Как я рада тебя видеть! Все в порядке?

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Домашнее задание. — Она моргнула. Потом, казалось, она расшифровала выражение на моем лице. — Ах, милый, это просто Пол... хм, мистер Блофис. Он из моего писательского семинара.

— Мистер Блоуфиш?^[9]

— Блофис. Он вернется через минутку. Перси, скажи, что случилось?

Она всегда догадывалась, когда что-то случается. Я рассказал ей про Аннабет. Остальное — тоже, но в основном все сводилось к Аннабет.

На глазах у матери появились слезы. Я видел, что она изо всех сил старается крепиться ради меня.

— О Перси...

— Так вот, они сказали мне, что я ничего не могу поделать. Так что, скорее всего, я приеду домой.

Она повертела в пальцах карандаш.

— Перси, как бы мне ни хотелось, чтобы ты приехал... — Мама вздохнула, словно сердилась на себя. — Как бы я ни желала, чтобы ты был в безопасности, я хочу, чтобы ты кое-что понял. Ты можешь делать все, что считаешь нужным.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду... правда ведь, там, в самой глубине души, ты веришь, что должен спасти ее? Ты думаешь, что это правильно? Потому что я точно знаю одно, Перси. Ты всегда умел чувствовать сердцем. Прислушайся к нему.

— Ты... ты уговариваешь меня отправиться в поиск?

Мама прикусила губу.

— Я говорю про то... Знаешь, ты становишься слишком взрослым, чтобы я учила тебя, что делать. Я хочу сказать, что поддержу тебя, даже если то, на что ты решился, опасно... — Она помотала головой. — Просто самой не верится, что я такое говорю!

— Мам...

Из туалета в холле донесся звук спускаемой воды.

— У меня мало времени, — сказала мама. — Что бы ты ни решил, Перси, я люблю тебя. И я знаю, ты сделаешь все, что сможешь, ради Аннабет.

— Как ты можешь быть в этом уверена?

— Потому что она сделала бы то же самое для тебя.

Тут мама помахала мне сквозь туман, и связь прервалась, предъявив

мне напоследок маминого нового друга, мистера Блоуфиша, с улыбкой глядящего на нее.

* * *

Не помню, как я уснул, но помню, что мне приснилось.

Я вернулся в ту же голую пещеру, потолок которой тяжело и низко нависал надо мной. Аннабет стояла на коленях под грузом темной кучи валунов. У нее не осталось сил даже крикнуть. Ноги ее дрожали. Я понимал, что в любой миг она лишится сил и свод пещеры обрушится и раздавит ее.

— Как там наша смертная гостья? — прогремел мужской голос.

Это был не Кронос. Голос Кроноса — металлический и скрежещущий, как звук, издаваемый ножом, который точат о камень. Я уже много раз слышал, как он насмехался надо мной в моих снах. Этот голос был ниже и глубже, как звук басовой гитары. От его мощи дрожала земля.

Из тьмы появился Лука. Он подбежал к Аннабет, опустил на колени рядом с ней, потом оглянулся на невидимое существо.

— Она теряет сознание. Мы должны поторопиться.

Лицемер! Будто его на самом деле волнует, что с ней случится.

Низкий голос хмыкнул. Он принадлежал кому-то, прячущемуся в потемках, на самой периферии моего сна. Затем мясистая рука вышвырнула что-то в круг света, так что я мог рассмотреть. Это была Артемида, по рукам и ногам скованная цепями из небесной бронзы.

Я судорожно вздохнул. Ее серебристое платье висело лохмотьями. Лицо и руки были в порезах, из которых сочился ихор — золотая кровь богов.

— Ты слышала мальчишку, — произнес мужчина из темноты. — Решай!

Глаза Артемиды сверкнули гневом. Не знаю, почему она не порвала цепи или не исчезла сама, но, похоже, что-то ей мешало. Либо цепи, либо какое-то волшебство, царившее в этом ужасном темном месте.

Богиня посмотрела на Аннабет, и на лице ее, сменив прежнее выражение, появились озабоченность и гнев.

— Как вы посмели так истязать эту девушку?

— Она скоро умрет, — сказал Лука. — Ты можешь спасти ее.

Аннабет слабо запротестовала. Мое сердце судорожно сжалось от боли. Я хотел броситься к ней, но не мог пошевелиться.

— Освободите мне руки, — велела Артемида.

Лука вытащил свой коварный меч. Одним мастерским взмахом он разрубил наручники богини. Артемида подбежала к Аннабет и сняла тяжкий груз с ее плеч. Аннабет рухнула на землю, вся дрожа. Богиня пошатнулась, стараясь удержать вес черных скал.

Невидимый в потемках мужчина фыркнул опять.

— Твои действия легко предсказать, Артемида. Так же легко, как и победить тебя.

— Ты застал меня врасплох, — сказала богиня, напрягшись под грузом, который лег ей на плечи. — Больше этого не случится.

— Верно, не случится, — ответил мужчина. — Отныне я раз и навсегда убрал тебя с дороги! Я знал, что ты не сможешь устоять и окажешь помощь юной деве. В конце концов, такова уж твоя особенность, моя дорогая.

— Ты понятия не имеешь о милосердии, свинья, — простонала Артемида.

— Вот на том и порешим. — Судя по интонации, мужчина ухмыльнулся. — Лука, можешь убить девицу прямо сейчас.

— Нет! — воскликнула Артемида.

— Она... — нерешительно произнес Лука, — она еще может оказаться полезной. Очередная приманка.

— Ба! Ты действительно в это веришь?

— Да, Генерал. Они придут за ней. Уверен.

Мужчина помолчал, задумался.

— Тогда пусть ее охраняют драконицы. Если она не умрет от ран, ты можешь сохранять ей жизнь вплоть до зимнего солнцестояния. Затем, если наше жертвоприношение удастся, ее жизнь лишится всякого смысла. Жизни всех смертных лишатся смысла.

Лука поднял безвольное тело Аннабет и отнес его подальше от богини.

— Тебе никогда не найти чудовище, которое ты ищешь, — сказала Артемида. — Твой план обречен.

— Как же мало ты знаешь, моя юная богиня, — произнес мужчина из темноты. — Твои дорогие помощницы уже выступили на поиски. Они сами идут прямо ко мне в руки. А теперь извини, но нам придется проделать долгое путешествие. Мы должны приветствовать твоих охотниц и убедить их, что этот поиск... весьма сложная задача.

Хохот его эхом раскатился в темноте, сотрясая землю, и я уже не сомневался, что вся пещера вот-вот обрушится.

Я проснулся как от толчка. Я был уверен, что слышал громкий топот.

Потом я огляделся. За окнами было темно. Соленая струйка воды журчала в углу. Вокруг царила тишина, и в тишине этой раздавалось только уханье совы в лесу и слышался далекий шум прибоя. В лунном свете на ночном столике я заметил кепку-невидимку Аннабет с эмблемой «Янкиз». Я какое-то мгновение тупо смотрел на нее, затем в дверь оглушительно постучали.

Кто-то или что-то ломилось ко мне.

Я схватил Анаклузмос и выскочил из постели.

— Кто там? — окликнул я незваного гостя.

ТОП-ТОП.

Я подкрался к двери. Снял колпачок с ручки, обнажил Анаклузмос, резко распахнул дверь... и нос к носу столкнулся с черным пегасом.

«Привет, босс! — Голос его звучал у меня в голове, пока, топая копытами, он уворачивался от моего клинка. — Не надо делать из меня кебаб!»

Он распростер черные крылья, и поднятый ими ветер заставил меня попятиться.

— Слушай, Пират, — сказал я, испытывая облегчение пополам с раздражением, — ты хоть соображаешь, который час?

Пират обиделся.

«И вы туда же, босс. Пять утра. Какой может быть сон?»

— Сколько раз тебе повторять? Не называй меня боссом.

«Как скажете, босс. Вы крутой парень. Вы — номер один».

Я потер глаза, отогнав остатки сна, и постарался не позволить пегасу залезть в мои мысли. Вот почему трудно быть сыном Посейдона: с тех пор как он создал лошадей из морской пены, я могу понимать большинство копытных животных, но и они могут меня понимать. Некоторые, как, например, Пират, даже вроде бы держат меня за своего.

К тому же прошлым летом Пират был пленником на борту судна Луки, пока созданная нами небольшая заварушка не позволила ему сбежать. На самом деле я почти не имел к этому отношения, но Пират верил, что я его спаситель.

— Пират, — сказал я, — где тебе полагается быть? На конюшне.

«На конюшне? А вы хоть раз видели, чтобы Хирон стоял в стойле?»

— Ну... нет.

«Вот именно. Послушайте, еще один наш морской дружок нуждается в помощи».

— Опять?

«Да. Я сказал морским коням, что приведу вас».

Я застонал. Всякий раз, как я оказывался рядом с морем, морские кони просили меня помочь разрешить им какие-нибудь проблемы. А проблем у них было хоть отбавляй. Выбросившиеся на берег киты, дельфины, угодившие в рыбачьи сети, занозы, посаженные где-то русалками, — во всех этих случаях меня звали в подводное царство и просили о помощи.

— Ладно, хорошо, — вздохнул я. — Иду.

«Вы самый лучший, босс».

— И не называй меня боссом!

Пират тихонько заржал. Вероятно, засмеялся.

Я оглянулся на свою уютную постель. Бронзовый щит так и висел на стене, искореженный и непригодный к битвам. А на ночном столике лежала бейсболка Аннабет. Повинуясь какому-то внутреннему голосу, я сунул кепку в карман. Подозреваю, что уже тогда я чувствовал: теперь я долго, очень долго не вернусь сюда.

Глава восьмая

Я даю опасное обещание

Пират довез меня до места, которое находилось недалеко от берега, и это было здорово, ничего не скажешь. Сидеть верхом на летающей лошади, скользить над волнами со скоростью сто миль в час, когда ветер ерошит волосы и соленые морские брызги летят в лицо, — какие там водные лыжи!

«Здесь. — Пират замедлил ход и описал круг. — Прямо под нами».

— Спасибо.

Соскочив с него, я нырнул в ледяное море.

За последние пару лет мне приходилось делать подобные трюки и в более уютной обстановке. Однако я научился прекрасно передвигаться под водой в любых обстоятельствах, просто приказывая океанским течениям подхватывать меня и нести туда, куда нужно. Я без проблем мог дышать под водой, и одежда моя никогда не намокала, даже если мне того хотелось.

Я ринулся вниз, во тьму.

Двадцать, тридцать, сорок футов. Давление было вполне приемлемое. Я никогда не старался сознательно нагнетать его, чтобы проверить, на какую глубину могу нырнуть. Понятно, что большинство людей не могут опуститься больше чем на две сотни футов, чтобы их не смяло, как алюминиевую банку. На такой глубине, да еще ночью, я не должен был ничего видеть, но я чувствовал тепло живых форм и ощущал холод течений. Трудно это описать. Это не похоже на обычное зрение, но я мог сказать, где что находится.

Когда я добрался почти до самого дна, то увидел трех морских коней — коней с рыбьими хвостами, — которые плавали кругами около перевернутого корабля. Это было красивое зрелище. Рыбьи хвосты светились, переливаясь всеми цветами радуги. Гривы у коней были белые, и они галопом проносились сквозь воду, как испуганные лошади во время грозы. Что-то их напугало.

Подплыв поближе, я увидел, в чем проблема. Темные очертания какого-то морского животного, наполовину придавленного остовом корабля, да к тому же еще и запутавшегося в одной из тех больших сетей, какие используют на траулерах, чтобы ловить все подряд. Плохо было не только то, что они топили разного рода дельфинов, в них случайно попадались и мифологические животные. Когда сеть запутывалась, какой-нибудь ленивый рыбак попросту перерезал ее, и оказавшееся в ловушке

животное гибло.

Это несчастное существо явно плавало на большой глубине вдоль побережья Лонг-Айленда и ненароком запуталось в сетях затонувшего рыболовецкого судна. Оно попыталось высвободиться, но застряло еще более основательно, сместив судно и оказавшись под ним. Теперь обломки корпуса, покоившиеся на большой скале, раскачивались, грозя обрушиться на попавшее в ловушку животное.

Морские кони нарезали вокруг него отчаянные круги, желая помочь страдальцу, но не зная, как это сделать. Один пытался перегрызть сеть, но зубы морских лошадей неспособны перекусить веревку. Кони с рыбьими хвостами на самом деле сильные, но у них нет рук, к тому же они (тсс!) не отличаются сообразительностью.

«Освободи его, повелитель!» — воскликнул один из морских коней, завидев меня.

Остальные присоединили свои голоса к просьбе товарища.

Я подплыл поближе, чтобы взглянуть на угодившее в сети существо. Сначала я подумал, что это молодой морской конь. Мне уже случалось спасать таких прежде. Но затем я услышал у себя в голове странный звук — нечто совсем нехарактерное для подводного царства:

«МУ-У-У-У-У-У!»

То есть... я слышал о морских коровах вроде ламантинов^[10] и прочих, но это оказалась действительно корова с черным змеиным хвостом. Спереди это был теленок, еще маленький, с черной шерстью, большими печальными карими глазами и белой мордой. Задняя половина его туловища завершалась черно-коричневым змеиным хвостом с плавниками по бокам и внизу, как у огромного угря.

— Привет, малыш, — сказал я. — Откуда ты взялся?

Существо лишь печально посмотрело на меня:

«Му-у-у-у!»

Но его мысли оставались для меня непонятными. Я говорю только лошадиному.

«Мы не знаем, кто это, повелитель, — сказал один из морских коней. — Множество странного пробуждается к жизни».

— Да, — пробормотал я. — Это я слышал.

Я обнажил меч, его бронзовое лезвие блеснуло в темноте.

Корова-змея переполошилась и стала биться в сетях, в глазах ее появился ужас.

— Успокойся! — попросил я. — Я не сделаю тебе больно! Просто дай мне разрезать сеть.

Но корова-змея заметалась, все больше запутываясь с каждым движением. Суденышко стало раскачиваться, вздымая с морского дна тучи ила и угрожая обрушиться на несчастную. Морские кони в панике заржали и тоже стали метаться в воде, что мне, естественно только мешало.

— Ладно, ладно! — сказал я. Отложив меч, я стал говорить по возможности спокойно, чтобы морские кони и корова-змея прекратили нервничать. Я не знал, возможно ли в подводном царстве обратиться в паническое бегство, да и, признаюсь, выяснять это мне не хотелось. — Ну тихо, тихо. Никакого меча. Видишь? Никакого меча. Расслабься. Под морем тоже растет трава. Там пасется мама. Кушает травку. И вообще здесь все вегетарианцы.

Сомневаюсь, чтобы теленок понял, что я говорю, но он отреагировал на тон моего голоса. Морские кони все так же пугливо кружили возле меня, но, по крайней мере, уже не так быстро.

«Освободи его, повелитель», — умоляли они.

— Хорошо! — ответил я. — Все понял. Дайте мне подумать.

Но как можно было освободить теленка, когда он начинал паниковать при одном виде клинка? Похоже было на то, что он уже видел мечи и знал, какую опасность они представляют.

— Хорошо, — сказал я морским коням. — Мне нужно только, чтобы вы делали все в точности, как я говорю.

Мы начали с судна. Это было непросто, но с помощью трех лошадиных сил мы смогли изменить положение обломка, так что он уже не угрожал рухнуть на малыша. Потом я принялся за сеть, распутывая ячейку за ячейкой, убирая свинцовые грузила и рыболовные крючки, узлами стянувшие копыта теленка. Казалось, прошла целая вечность — это было хуже, чем распутывать контрольные проводки моей видеоигры. И все это время я не переставал разговаривать с морской коровой, убеждая ее, что все в порядке, пока она всхлипывала и стонала.

— Все в порядке, Бесси, — говорил я. Хоть убей, не пойму, отчего я стал называть ее так. — Хорошая корова. Красивая корова.

Наконец опутывавшая ее сеть ослабла, и корова-змея метнулась прочь, стремительно вспарывая воду и на радостях даже сделав сальто.

Морские кони приветливо заржали:

«Спасибо, повелитель!»

— Му-у-у-у-у! — Корова-змея ткнулась в меня носом и благодарно посмотрела большими карими глазами.

— Вот и ладно, — сказал я. — Красивая корова. Ну, давай... будь осторожнее.

И тут я подумал: сколько времени я уже под водой? По крайней мере час. Надо успеть вернуться в домик, прежде чем Аргус или гарпии обнаружат, что я нарушаю комендантский час.

Я стремглав вынырнул на поверхность. Пират моментально спланировал вниз, чтобы я мог обхватить его шею. Мы поднялись в воздух, и он понес меня к берегу.

«Получилось, босс?»

— Да. Мы спасли малыша от какого-то существа. Провозились целую вечность. Она там запаниковала... ну и началось...

«Добрые дела всегда опасны, босс. Помните, как вы спасли мою жалкую шкуру?»

Я не мог отогнать мысли о приснившейся мне Аннабет, безвольно поникшей и безжизненной, в руках Луки. Спасая детенышей чудовищ, я не мог спасти своего друга.

Когда Пират летел обратно к моему домику, я случайно бросил взгляд на трапезную. И увидел фигурку — мальчика, присевшего на корточки за греческой колонной, словно он прятался от кого-то.

Это был Нико. Но ведь даже еще не рассвело. Совсем не время для завтрака. Что он там делает?

Меня охватила нерешительность. Меньше всего мне хотелось, чтобы Нико снова стал морочить мне голову своей игрой в мифы и магию. Однако случилось что-то нехорошее. Я мог определить это по тому, как он съежился.

— Пират, — попросил я, — опусти меня вон там, за той колонной, ладно?

* * *

Я чуть было все не испортил.

Я крался по ступеням вслед за Нико. Он меня ни разу не заметил. Он прятался за колонной, выглядывая из-за угла, все его внимание было сосредоточено на трапезной. Я был уже в пяти футах от него и собирался во весь голос спросить: «Что ты тут делаешь?» — когда до меня дошло, что он выступает в роли Гроувера: шпионит за охотницами.

Послышались еще голоса — две девушки разговаривали за обеденным столом. Что может поднять девушку в столь ранний час? Если она не богиня зари, конечно.

Я достал из кармана кепку Аннабет и надел ее.

Никакой разницы я не почувствовал, но когда поднял руки, то не смог их увидеть. Я превратился в невидимку.

Я подполз к Нико и проскользнул мимо него. Мне не удалось отчетливо различить лица девушек в темноте. Но голоса я узнал: это были Зоя и Бьянка. Они сидели за столом и, похоже, спорили.

— Это нельзя вылечить, — говорила Зоя. — По крайней мере, быстро.

— Но как это случилось? — спросила Бьянка.

— Глупая выходка! — прорычала Зоя. — Это все братья Стоулл из домика Гермеса. Кровь кентавра — все равно, что кислота. Это всякому известно. Они sprыснули еѹ изнутри футболку с надписью «Охотничий тур Артемиды».

— Ужасно!

— Жить она будет, — сказала Зоя. — Но на несколько недель останется прикованной к постели, и ее будет мучить невыносимый зуд. Пойти в поиск она не сможет. Только пусть это останется между нами.

— Но как же пророчество? — возразила Бьянка. — Если Феба не сможет пойти, нас остается всего четверо. Надо взять кого-то еще.

— Некогда, — ответила Зоя. — Мы должны выступить на заре. То есть прямо сейчас. Кроме того, в пророчестве говорится, что мы потеряем одного человека.

— В пустыне, — напомнила Бьянка, — а не здесь.

— Почему бы и не здесь, — не очень уверенно ответила Зоя. — У лагеря — волшебные границы. Ничто, даже погода, не влияет на здешний климат без разрешения свыше. Эта земля могла бы быть безводной.

— Но...

— Послушай меня, Бьянка, — напряженно произнесла Зоя. — Я... я не могу объяснить, но у меня такое чувство, что мы не должны больше никого с собой брать. Это будет слишком опасно. Они встретят конец худший, чем Феба. Я не хочу, чтобы Хирон выбрал нашим спутником кого-то из обитателей лагеря. И... не хочу рисковать еще одной охотницей.

Бьянка помолчала.

— Тебе следует рассказать Талии, чем заканчивался твой сон.

— Нет. Это не поможет.

— Но если твои подозрения насчет этого Генерала справедливы...

— Я взяла с тебя слово никому об этом не рассказывать! — В голосе Зои звучало неподдельное страдание. — Скоро мы все узнаем. А теперь пошли. Светает.

Когда девушки сбегали по ступеням, Зоя едва не врезалась в меня. Она застыла, прищурившись. Рука ее потянулась к луку, но Бьянка сказала:

— В Большом доме уже горит свет. Скорее!
И Зоя вслед за ней выбежала из трапезной.

* * *

Я понимал, что творится в голове у Нико. Сделав глубокий вдох, он уже собирался побежать за сестрой, когда я снял кепку-невидимку и сказал:

— Эй, подожди!

Нико едва не поскользнулся на покрытых изморозью ступенях и обернулся, ища меня взглядом.

— Откуда ты взялся?

— Я был здесь все время. Невидимый.

— «Невидимый», — торжественно, чуть ли не по слогам повторил Нико. — Ух ты! Здорово!

— Откуда ты узнал, что Зоя с твоей сестрой здесь?

Нико покраснел.

— Я услышал, как они проходят мимо домика Гермеса. А я... я плохо сплю в лагере. Ну вот, я услышал их шаги и как они шепчутся. И... ну, вроде пошел за ними.

— А теперь думаешь отправиться вместе с ними в поиск? — предположил я.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что, будь это моя сестра, я тоже бы, наверное, так подумал. Но ты не можешь.

— Что, слишком маленький? — вызывающе вскинул голову Нико.

— Потому что они тебе не позволят. Поймают тебя и пришлют обратно. Ну и... потому, что слишком маленький. Помнишь мантикору? Таких там будет еще больше. И еще опаснее. Часть героев погибнет.

У Нико опустились плечи. Он переминался с ноги на ногу.

— Может, ты и прав. Но... вместо меня можешь пойти ты.

— Что ты сказал?

— Ты можешь превращаться в невидимку. Значит, можешь пойти!

— Охотницам не нравятся мальчики, — напомнил я ему. — Если они узнают...

— А ты не давай им узнать. Следуй за ними невидимо. И приглядывай за моей сестрой! Ты должен. Пожалуйста.

— Нико...

— Ты ведь собирался куда-то отправиться, разве нет?

Я хотел ответить «нет». Но он посмотрел мне в глаза, и я, сам не знаю почему, не смог ему соврать.

— Да, — сказал я. — Я должен найти Аннабет. Должен помочь им, даже если они не захотят принять меня в свою компанию.

— Я тебя не выдам, — пообещал Нико. — Но ты должен пообещать, что будешь охранять мою сестру.

— Я... трудно что-либо обещать в таком путешествии. Кроме того, рядом с ней будут Зоя, Гроувер и Талия...

— Обещай, — настойчиво повторил он.

— Сделаю все, что в моих силах. Даю слово.

— Тогда отправляйся, — сказал Нико. — Удачи тебе!

Это было какое-то безумие! Я даже не собрал сумку. У меня с собой только кепка-невидимка, меч и одежда, которая на мне.

Все думали, что сегодня утром я вернусь домой на Манхэттен.

— Скажи Хирону...

— Что-нибудь придумаю, — криво улыбнулся Нико. — На это я мастер. Давай иди!

Я бросился бежать, на ходу надевая кепку Аннабет. Когда солнце взошло, я исчез. Я достиг вершины Холма полукровок как раз в тот момент, когда микроавтобус, принадлежавший лагерю, скрылся на проселочной дороге. Вероятно, его вел Аргус, отвозя поисковую группу в город. После этого им придется рассчитывать только на себя.

Я почувствовал болезненный укол вины и раздражение от собственной глупости. Интересно, как мне теперь их догонять? Бегом?

Тут я услышал хлопанье огромных крыльев. Рядом со мной на землю опустился Пират. И как бы между прочим начал пощипывать пучки молодой травы, пробившейся сквозь лед.

«Сдается мне, босс, что вам нужна лошадка — кое-куда подбросить. Интересуетесь?»

Слова благодарности комком застряли у меня в горле, но я превозмог себя и выговорил:

— Да. Полетели.

Глава девятая

Я узнаю, откуда берутся зомби

Летать на пегасе днем опасно, потому что, если не соблюдать осторожность и тебя заметят, можно стать причиной серьезной дорожной аварии на скоростном шоссе Лонг-Айленда. Я старался держать Пирата под прикрытием облаков, которые зимой, к счастью, плыли довольно низко. Мы мчались, озирая окрестности и стараясь не потерять из виду белый микроавтобус Лагеря полукровок. В воздухе было намного холоднее, чем на земле, и ледяной дождь тонкими иголками вонзался в кожу лица и рук.

Я жалел, что не захватил из лагеря теплое нижнее белье, предназначенное для спасателей, которое продают в нашей лавке, но после истории с Фебой и кровью кентавра на футболке я не очень-то доверял их товарам.

Мы дважды теряли автобус из виду, но внутреннее чутье уверенно подсказывало мне, что сначала они отправятся на Манхэттен, поэтому было нетрудно снова отследить их.

Движение в каникулы было жуткое. Раньше часов девяти они до города не доберутся. Я приказал Пирату опуститься на верхушку Крайслербилдинга^[11] и проследил за белым автомобилем, думая, что они остановятся на кольце автобусов «грейхаунд», но они поехали дальше.

— Куда Аргус их везет? — пробормотал я.

«За рулем не Аргус, босс, — сказал Пират. — Та девушка».

— Какая девушка?

«Охотница. С какой-то штучкой на голове, похожей на серебряную корону».

— Зоя?

«Точно, она. Эй, смотрите, пончики продают. Может, воспользоваться переходом?»

Я попытался объяснить Пирату, что при появлении на переходе пегаса у любого копа, жующего свои пончики, случится сердечный приступ, но, похоже, до него не очень-то дошло. Между тем микроавтобус продолжал двигаться по направлению к туннелю Линкольна. Мне никогда не приходило в голову, что Зоя умеет водить. То есть на вид шестнадцати лет ей не было. Но учтите — она бессмертная! Я задумался, есть ли у нее нью-йоркские права, и если есть, то какая дата рождения там стоит.

— Ладно, — сказал я. — Давай держаться за ними.

Мы почти уже взлетели с Крайслер-билдинга, когда Пират тревожно заржал и едва не сбросил меня. Что-то ползло по моей ноге, извиваясь, как змея. Я потянулся за мечом, но, взглянув вниз, увидел, что никакая это не змея. Лозы — виноградные лозы — пробивались сквозь трещины в бетоне здания. Они обвились вокруг ног Пирата, опутали мои лодыжки, так что мы не могли сдвинуться с места.

— Куда-то собрались? — спросил мистер Д.

Он сидел на краю крыши в леопардовом спортивном костюме, болтая ногами в воздухе, и ветер трепал его черные кудри.

«Ну и ну! — пронзительно заржал Пират. — Это же пижон-пьяница!»

Мистер Д. раздраженно вздохнул.

— Следующего человека или коня, который назовет меня пижоном и пьяницей, я утоплю в бутылке мерло!

— Мистер Д. — спросил я, стараясь сохранять невозмутимость, несмотря на виноградные лозы, оплетававшие мне ноги, — чего вы хотите?

— Ах, чего я хочу? Возможно, ты думал, что бессмертный и всесильный директор лагеря не заметит, что ты уехал без разрешения?

— Что ж... вероятно.

— Мне следовало бы сбросить тебя с этого здания, попридержав пегаса, и посмотреть, каким героем ты выглядел бы, пока падал.

Я стиснул кулаки. Я знал, что мне следовало бы помалкивать, но мистер Д. собирался убить меня или с позором приволочь обратно в лагерь. Оба варианта меня не устраивали.

— Почему вы меня так ненавидите? Что я вам такого сделал?

Пурпурные огоньки вспыхнули в его глазах.

— Ты герой, мальчик. Других причин мне не надо.

— Я должен отправиться на эти поиски! Я обязан помочь своим друзьям. Этого вам не понять!

«Хм, босс, — нервно сказал Пират. — С учетом того, что лоза оплела нас на высоте в девятьсот футов, могли бы быть и повежливее».

Лоза еще туже стиснула меня своими кольцами. А белый автобусик под нами уезжал все дальше и дальше. Скоро он скроется из виду.

— Я никогда не рассказывал тебе об Ариадне? — спросил мистер Д. — Прекрасной юной принцессе с Крита? Ей тоже нравилось помогать своим друзьям. Ну, она и помогла юному герою, которого звали Тесей, тоже сыну Посейдона. Она дала ему клубок волшебной пряжи, с помощью которого он нашел выход из лабиринта. И знаешь, как Тесей отблагодарил ее?

Мне захотелось крикнуть в ответ: «Да меня это не колышет!»

Но не думаю, чтобы это сократило повествование мистера Д.

— Они поженились, — сказал я. — И с тех пор зажили счастливо. Конец истории.

— Не совсем, — усмехнулся мистер Д. — Тесей сказал, что женится на ней. Взял Ариадну на борт корабля и отплыл в Афины. На полпути назад, на маленьком острове под названием Наксос, он... интересно, какое слово вы, смертные, употребляете сегодня?.. Он кинул ее. И знаешь, это ведь я нашел ее там. Одинокую. С разбитым сердцем. Рыдавшую навзрыд. Она отказалась от всего, бросила все, привычное ей с детства, чтобы помочь отважному юному герою, который вышвырнул ее, как стоптанную сандалию.

— Это плохо, — согласился я. — Но это случилось тысячу лет назад. Какое это имеет отношение ко мне?

— Я влюбился в Ариадну, мальчик, — холодно посмотрел на меня мистер Д. — Я исцелил ее разбитое сердце. А когда она умерла, сделал ее своей бессмертной женой на Олимпе. Она и по сей день ждет меня. И я вернусь к ней, как только закончится это проклятое столетнее наказание в вашем дурацком лагере.

— Так вы... — Я уставился на него. — Вы женаты? Но я думал, что вы попали на землю из-за того, что приставали к лесной нимфе...

— Суть в том, что все вы, герои, одинаковы. Ты обвиняешь нас, богов, в пустословии. Лучше посмотри на себя и себе подобных. Вы берете того, кто вам нужен, используете, а потом предаете всех и вся. Так что героев я не терплю, ты уж прости. Себялюбивый, неблагодарный народец. Спроси Ариадну. Или Медею. Или, к примеру, Зою Ночную Тень.

— Что значит — спроси Зою?

Мистер Д. махнул рукой.

— Ступай. Догоняй своих глупых друзей.

Лозы спали с моих ног. Я недоверчиво заморгал.

— Вы... вы меня отпускаете? Вот просто так?

— Пророчество гласит, что по крайней мере двое из вас погибнут. Возможно, мне повезет и одним из погибших станешь ты. Но попомни мои слова, сын Посейдона, выживешь ты или погибнешь, все равно в конечном счете окажешься не лучше других героев.

С этими словами Дионис щелкнул пальцами. Облик его сложился, как бумажная рекламка. Прозвучал хлопок, и он исчез, оставив после себя слабый винный запах, который быстро развеялся на ветру.

«Они совсем близко», — сказал Пират.

Я кивнул, хотя меня больше встревожило то, что мистер Д. отпустил

меня, а не отволок в лагерь. Это значило — он действительно верил, что мы потерпим сокрушительный провал.

— Поехали, Пират, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно оптимистичнее. — Я куплю тебе пончиков в Нью-Джерси.

* * *

Однако выяснилось, что и в Нью-Джерси я не сумел купить пегасу пончиков. Зоя гнала на юг как сумасшедшая, и мы оказались в Мэриленде прежде, чем она наконец решила передохнуть и свернула к гостинице. Пират едва не падал на землю — так он устал.

«Со мной все будет в порядке, босс, — задыхаясь, сказал пегас. — Просто... просто передохну немного».

— Оставайся на месте, — сказал я ему. — Пойду разведу, что и как.

«Остаться на месте — это я сумею. Это можно».

Надев кепку-невидимку, я пошел к универмагу. Трудно было держаться спокойно и раскованно. Приходилось постоянно напоминать себе, что меня никто не видит. И уступать людям дорогу, чтобы они не врезались в меня.

Я думал, что, зайдя внутрь, немного согреюсь, возможно, выпью чашку горячего шоколада. У меня завалилось еще немного мелочи. Можно будет оставить ее на прилавке. Я раздумывал, станет ли чашка невидимой в моей руке или мне придется решать проблему горячего шоколада, плавающего в воздухе, когда весь мой план рухнул: я увидел Зою, Талию, Бьянку и Гроувера, выходявших из магазина.

— Ты уверен, Гроувер? — спросила Талия.

— Да... вполне уверен. На девяносто девять процентов. Ладно, ладно — на восемьдесят пять.

— И ты делал это с желудями? — недоверчиво спросила Бьянка.

— Это освященное временем заклятие, если хочешь кого-то выследить, — оскорблено произнес Гроувер. — То есть я вполне уверен, что сделал все правильно.

— Округ Колумбия примерно в шестидесяти милях отсюда, — сказала Бьянка. — Мы с Нико... — Она нахмурилась. — Жили там. Это... это странно. Я забыла.

— Не нравится мне это, — насупила брови Зоя. — Надо ехать прямо на запад. В пророчестве сказано «запад».

— Выходит, лучший следопыт у нас ты? — проворчала Талия, кинув неприязненный взгляд на охотницу.

— Ты сомневаешься в моих навыках, судомойка? — спросила Зоя, надвигаясь на Талию. — Откуда тебе знать, что такое охотница?

— Ах судомойка?! Это меня ты называешь судомойкой? Какого черта это означает — «судомойка»?

— Эй, вы двое! — нервно сказал Гроувер. — Прекратите! Хватит задиаться!

— Гроувер прав, — согласилась Бьянка. — Округ Колумбия — самое надежное место.

Зою ее слова не убедили, но она неохотно кивнула.

— Отлично. Поехали.

— Нас всех арестуют за то, что ты ведешь машину, — снова проворчала Талия. — На вид *мне* скорее дадут шестнадцать, чем тебе...

— Возможно, — резко оборвала ее Зоя. — Но я вожу с тех пор, как изобрели автомобили. Пошли.

* * *

Пока Пират, следуя за микроавтобусом, нес меня на юг, я задумался над тем, шутила Зоя или говорила правду. Не знаю точно, когда изобрели машины, но мне это представлялось какой-то доисторической эпохой — тогда люди смотрели черно-белые телики и охотились на динозавров.

Так сколько же лет Зое? И о чем говорил мистер Д.? Какие неприятные переживания связаны у нее с героями?

Подлетая к Вашингтону, Пират стал сбавлять ход и терять высоту. Он тяжело дышал.

— Как ты? — спросил я его.

«Отлично, босс. Я мог бы... мог бы перевезти целую армию».

— Вижу, ты что-то приуныл.

Сказав это, я неожиданно почувствовал себя виноватым: ведь я гнал пегаса полдня без остановки, стараясь держаться вровень с машиной на шоссе. Даже для летающего коня это было слишком.

«Не волнуйтесь обо мне, босс! Я парень крепкий».

Мне хотелось верить, что он прав, но попутно мне представилось, как Пират врывается в землю, не издав ни единого жалобного стоны...

К счастью, автобус сбавил ход. Переехав через Потомак, он углубился в центр Вашингтона. На ум мне пришли мысли о воздушных патрулях, ракетах и прочем. Я не имел точного представления о работе всех этих оборонных систем и сомневался, чтобы обычный военный радар когда-

нибудь засекал пегаса, но не хотелось проверять это на практике.

— Высади меня здесь, — обратился я к Пирату. — Это достаточно близко.

Пират настолько выдохся, что даже не стал протестовать. Подлетев к мемориалу Джорджа Вашингтона, он опустился на траву.

Белый микроавтобус остановился всего в нескольких кварталах от нас. Зоя припарковалась у поребрика.

Я посмотрел на пегаса.

— Возвращайся-ка ты в лагерь. Отдохни. Пощипли травки. У меня все будет путем.

«Уверены, босс?» — спросил Пират, скептически склонив голову набок.

— Ты и так достаточно потрудился, — сказал я. — За меня не беспокойся. И спасибо тебе большущее.

«Большущее-пребольшущее, такую б охапку сена сейчас... — задумчиво пробормотал Пират. — Звучит неплохо. Ладно, только берегите себя, босс. У меня такое чувство, что они приехали сюда не затем, чтобы встретиться с каким-нибудь симпатягой вроде меня».

Я пообещал беречь себя. Пират взлетел, описав двойной круг возле мемориала, прежде чем исчезнуть в облаках.

Я поглядел на белый микроавтобус. Все его пассажиры выбрались наружу. Гроувер указывал на одно из больших зданий, вытянувшихся в ряд с торговым центром. Талия кивнула, и все четверо побрели к нему, борясь с порывами холодного ветра.

Я уже было направился за ними, но вдруг застыл на месте.

В квартале от меня распахнулась дверца черного седана. Из машины вышел мужчина с проседью в волосах, стриженный по-военному. Он был в темных очках и черной шинели. Конечно, может, Вашингтон и полон таких парней, но тут меня осенило, что я пару раз видел эту же самую машину на шоссе к югу. Она преследовала микроавтобус.

Мужчина достал сотовый и что-то сказал в трубку. Затем оглянулся, словно чтобы проверить, все ли чисто, и пошел к торговому центру вслед за моими друзьями.

Хуже всего то, что, когда он обернулся в мою сторону, я узнал его. Это был доктор Торн — мантикора из Уэстовер-холла.

Надев кепку-невидимку, я на расстоянии последовал за Торном. Сердце тяжело билось в груди. Если он выжил после того падения со скалы, то должна была выжить и Аннабет. Все в моих снах правильно. Она была жива и томилась в плену.

Торн держался подальше от моих друзей, дабы оставаться незамеченным.

Наконец Гроувер остановился перед большим зданием, на котором было написано «Музей воздухоплавания и космонавтики». Смитсоновский институт! Я ходил сюда с мамой миллион лет назад, но тогда все казалось намного больше.

Талия потянула на себя дверь. Музей был открыт, но публика явно не спешила его посещать. Слишком холодно, к тому же школьные каникулы. Зоя, Талия, Бьянка и Гроувер скользнули внутрь.

Доктор Торн остановился в нерешительности. Не знаю почему, но в музей он не пошел. Повернувшись, он направился к торговому центру. В долю секунды я принял решение и пошел за ним.

Перейдя улицу, Торн стал подниматься по ступеням Музея естествознания. На двери висела большая табличка: «ЗАКРЫТО НА ПИРАТСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ». Потом я сообразил, что «ПИРАТСКОЕ» должно было означать «ПРИВАТНОЕ».

Я вошел внутрь вслед за доктором Торном, пройдя огромный зал, где стояли чучела мастодонтов и скелеты динозавров. Спереди, из-за закрытых дверей, доносились голоса. Двое привратников стояли снаружи. Они открыли двери для Торна, и мне пришлось рвануть вперед, чтобы успеть проскочить за ним.

То, что я увидел внутри, было настолько ужасно, что я едва удержался от громкого восклицания, которое, вероятно, стоило бы мне жизни.

Я попал в огромную круглую комнату с галереей, опоясывающей второй этаж. На галерее расположились по крайней мере дюжина смертных охранников и два монстра — женщины-рептилии с двойными змеиными туловищами вместо ног. Мне уже случалось их видеть. Аннабет называла их скифскими драконицами.

Но и это было не самое плохое. Между женщинами-змеями — могу поклясться, что он глядел прямо на меня! — стоял мой заклятый враг Лука. Выглядел он ужасно. Лицо у него было мертвенно-бледное, а светлые волосы казались почти седыми, словно за несколько месяцев он постарел на десять лет. В глазах Луки полыхал гнев, а по щеке в том месте, где его оцарапал дракон, тянулся шрам, но сейчас этот шрам уродливо багровел, будто свежая рана.

Рядом с ним, сидя так, что полумрак скрывал его, находился еще один человек. Я видел только костяшки его пальцев, сжимавших позолоченные подлокотники кресла, похожего на трон.

— Итак? — спросил мужчина, сидевший в кресле.

Голос его был точно таким, как в моем сне, — не отвратительным, вызывающим мурашки, как у Кроноса, а гораздо ниже и мощнее: казалось, будто говорит сама земля. Звук его заполнял всю комнату, хотя он даже не повышал голоса.

Доктор Торн снял очки. Его разноцветные глаза, карий и голубой, блестели от волнения. Он неловко поклонился и произнес со своим чудным французским акцентом:

— Они здесь, мой Генерал.

— Знаю, болван, — отозвался трубный голос. — Но где?

— В ракетном музее.

— В Музее воздухоплавания, — раздраженно поправил его Лука.

Доктор Торн сверкнул глазами на Луку.

— Как скажете, сэр.

У меня возникло чувство, что доктору Торну доставило бы куда большее удовольствие пронзить Луку своим шипом, чем называть его «сэр».

— Сколько их? — спросил Лука.

Торн притворился, что не слышит.

— *Сколько их?* — потребовал ответа Генерал.

— Четверо, Генерал, — ответил Торн. — Гроувер Ундервуд, сатир. И девушка с колючими черными волосами в... как это говорится... в панковском прикиде и с ужасным щитом.

— Талия, — сказал Лука.

— С ними еще две девушки-охотницы. На одной — серебряный венчик.

— Эту я знаю, — рыкнул Генерал.

Все присутствующие в зале зашевелились, словно испытывая некий дискомфорт.

— Позвольте мне заняться ими, — сказал Лука Генералу. — У нас достаточно...

— Терпение, — оборвал тот. — У них уже и так хлопот полон рот. Я подослал туда одного старого приятеля, который не даст им соскучиться.

— Но...

— Мы не можем рисковать тобой, мой мальчик.

— Да, мальчик, — подхватил доктор Торн с жестокой усмешкой. — Ты

еще слишком хрупок для риска. Разрешите мне покончить с ними.

— Нет. — Тот, кого называли Генералом, поднялся с кресла, и я впервые смог разглядеть его.

Он был высокий и мускулистый, со смуглой кожей и прилизанными, зачесанными назад темными волосами. Дорогой коричневый шелковый костюм, какие носят парни с Уолл-стрит, сидел на нем как влитой, но вы никогда не ошиблись бы, приняв этого пижона за брокера. У него были грубые черты лица, широкие плечи и ручищи, которыми наверняка можно, как соломинку, переломить древко флага. И каменно-тяжелый неподвижный взгляд. У меня появилось чувство, будто я гляжу на ожившую статую. Поразительно, что он вообще мог двигаться.

— Ты уже подвел меня, Торн, — прогрохотал он.

— Но, Генерал...

— Никаких оправданий!

Торн вздрогнул. Когда я впервые увидел его в черной форме в Уэстовере, то подумал, что Торн производит жуткое впечатление. Но теперь, стоя перед Генералом, Торн выглядел как глупый новобранец. Совсем другое — сам Генерал. Ему и форма была не нужна. Он родился командиром.

— За проявленную тобой нерасторопность тебя следует бросить в одну из ям Тартара, — произнес Генерал. — Ты был послан схватить ребенка одного из трех старших богов, а притащил какую-то хилую дочку Афины.

— Но вы обещали мне месть, — запротестовал Торн. — Обещали позволить командовать самому!

— Я — главнокомандующий повелителя Кроноса, — провозгласил Генерал. — И я буду выбирать таких помощников, от которых можно ожидать результатов! Только благодаря Луке мы вообще спасли наш план. А теперь — с глаз моих долой, Торн, пока я не заставил тебя прислуживать мне.

Торн побагровел от гнева. Я решил, что у него сейчас появится пена на губах или он начнет метать свои шипы. Но он только неуклюже поклонился и вышел.

— А теперь, мальчик мой, — Генерал повернулся к Луке, — первое, что нам надлежит сделать, — это изолировать полукровку Талию. Тогда чудовище, которое мы ищем, придет за ней.

— Думаю, будет непросто разделаться с охотницами, — ответил Лука. — Зоя Ночная Тень...

— Не смей произносить ее имя!

— П-простите, Генерал. — Лука поперхнулся. — Я просто...

Махнув рукой, Генерал приказал ему молчать.

— А вот теперь я покажу тебе, мой мальчик, как мы расправимся с охотницами. — Он указал пальцем на стража с первого этажа. — Ты! Ты достал зубы?

Парень, пошатываясь, выступил вперед с керамическим горшком в руках.

— Так точно, Генерал!

— Давай сажай.

Посреди комнаты располагался большой круг, покрытый слоем грунта, здесь, как я предполагал, должны были устроить выставку динозавров. Я с тревогой следил за тем, как страж вынимает из горшка острые белые зубы и втыкает их в почву. Затем он присыпал их сверху землей. Генерал следил за ним, холодная улыбка блуждала на его губах.

— Готово, Генерал! — Стражник отступил назад и вытер руки о мундир.

— Превосходно! Полей их, и мы дадим им почуять добычу.

Парень взял небольшую жестяную лейку с нарисованными на ней маргаритками. Зрелище было дикое, поскольку поливал он не водой. Из носика лейки брызнула темно-красная жидкость, и у меня возникло впечатление, что это далеко не «Гавайский пунш».^[12]

Земля стала пузыриться и вспучиваться.

— Скоро, Лука, — провозгласил Генерал, — я покажу тебе солдат, рядом с которыми армия с твоего суденышка ничего не стоит.

Лука сжал кулаки.

— Я потратил целый год, тренируя свое войско! Когда «Принцесса Андромеда» приплывет к горе, они будут лучшими...

— Ха-ха! — произнес Генерал. — Не отрицаю, что твои войска составят чудесную почетную стражу для повелителя Кроноса. И ты, конечно, сыграешь свою роль. — Мне показалось, что Лука еще больше побледнел после этих слов. — Но под моим руководством силы повелителя Кроноса увеличатся стократ. Ничто не сможет устоять перед нами. Взгляни на мои великолепные машины для убийства.

Почва зашевелилась, и оттуда прорезалось нечто. Я невольно отступил.

В каждой лунке, где был посажен зуб, из земли пробивалось какое-то существо. Первое, вылезшее наружу, произнесло:

— Мяу!

Это был котенок. Маленький, с оранжевыми полосками, как у тигра.

Затем появился еще один, потом еще, пока в грязи не образовалась целая копошащаяся дюжина зверушек.

Все растерянно воззрились на них.

— ЭТО ЧТО ТАКОЕ? — проревел Генерал. — Шустрые милашки котятта? Где ты взял эти зубы?

Стражник, принесший зубы, съежился от страха.

— С выставки, сэр! Точь-в-точь как вы сказали. Зубы саблезубого тигра...

— Да нет же, идиот! Я сказал — зубы тираннозавра! Собери это... дьявольское отродье, этих пушистых маленьких бестий и выбрось за дверь. И чтобы больше ты мне на глаза не попадался!

Стражник в ужасе уронил лейку. Собрав тигрят, он ретировался из зала.

— Ты! — Генерал указал на другого стражника. — Принеси те зубы, ЧТО НАДО. ЖИВО!

Второй стражник бросился выполнять приказ начальства.

— Дурачье, — пробормотал Генерал.

— Вот почему я не использую людей, — сказал Лука. — На них нельзя положиться.

— Они слабы умишком, продажны и склонны к насилию, — ответил Генерал. — Я люблю их.

Через минуту солдат проворно вбежал в комнату с полными пригоршнями крупных, острых зубов.

— Превосходно, — произнес Генерал.

Забравшись на перила галереи, он тяжело спрыгнул с высоты двадцати футов.

В месте приземления мраморный пол под его кожаными ботинками пошел трещинами. Генерал стоял, морщась от боли и потирая плечи.

— Будь проклят этот остеохондроз!

— Горячие припарки, сэр? — спросил стражник. — Пару таблеток тайленола?

— Нет! Само пройдет. — Генерал смахнул пыль со своего щегольского костюма, потом схватил зубы. — Я сделаю это сам.

Он поднял вверх один из зубов и улыбнулся.

— Зубы динозавра... Ха-ха! Эти глупые людишки даже не понимают, что владеют зубами дракона. И не просто дракона. Эти из самой древней Спарты! Как раз то, что нам нужно.

Он посадил их в землю — ровно двенадцать штук. Затем наполнил лейку. Побрызгал на землю красной жидкостью, отшвырнул лейку и

широко раскинул руки:

— Восстаньте!

Земля задрожала. Одна-единственная рука, похожая на руку скелета, вырвалась из-под земли, цепко хватая воздух.

Генерал взглянул наверх, на балкон.

— Быстро! У кого есть приманка?

— Есссть, повелитель, — прошипела одна из змееподобных леди и вытащила серебристую перевязь, какие носят охотницы.

— Превосходно, — ухмыльнулся Генерал. — Как только мои воины учуют запах, они будут неумолимо преследовать его хозяина. Ничто не остановит их: никакое оружие, известное полукровкам или охотницам. Они разорвут охотниц и их союзников в клочья. Бросай сюда!

Как только он сказал это, скелеты восстали из-под земли. Их было двенадцать — по числу зубов, которые посадил Генерал. Они ничуть не походили на скелеты Хеллоуина или те, что можно увидеть в дешевых фильмах. Я видел, как они облекаются плотью, превращаются в людей, в мужчин с тусклой серой кожей и желтыми глазами, в современной одежде: серых футболках, обтягивающих могучие бицепсы, камуфляжных брюках и сапогах с высокими голенищами. Если не слишком приглядываться, то можно почти поверить, что это люди, только вот плоть у них была прозрачная, и кости просвечивали сквозь нее, как на рентгеновском снимке.

Один из них в упор посмотрел на меня холодным взглядом, и я понял, что никакой кепкой-невидимкой его не одурачишь.

Леди-змея выпустила перевязь, и та, колыхаясь в воздухе, скользнула в руку Генерала. Как только он отдаст ее своим воинам, они будут преследовать Зою и охотниц до полного уничтожения.

Времени на раздумья у меня не осталось. Я ринулся вперед, прыгнул что было сил и, врезавшись в ряды воинов, схватил перевязь на лету.

— Это еще что такое? — проревел Генерал.

Я приземлился у ног зашипевшего скелета-воителя.

— Чужак! — прорычал Генерал. — Укрывшийся плащом тьмы! Закрывать двери наглухо!

— Это Перси Джексон! — пронзительно вскрикнул Лука. — Это он!

Я стремглав кинулся к выходу, но услышал треск рвущейся ткани и понял, что воин-скелет оторвал кусок моего рукава. Когда я оглянулся, он поднес ткань к носу, принюхиваясь к запаху, и затем пустил приманку по кругу. Я едва не завопил от страха. И в последний момент проскользнул в дверь, прежде чем стражник тяжело захлопнул ее за моей спиной.

Потом что есть силы помчался прочь.

Глава десятая

Я разрушаю парочку ракет

Опрометью проскочив торговый центр, я ни разу не осмелился оглянуться. Затем ринулся в Музей воздухоплавания и снял кепку-невидимку, только когда миновал контроль на входе.

Основная часть музея представляла собой единый огромный зал, с потолка которого свисали ракеты и аэропланы. Его окружало три яруса галерей, так что вы могли посмотреть на экспонаты с разной высоты. Публики было не много — всего несколько семей и пара молодежных туристических групп, возможно совершавших круизы на каникулах. Мне захотелось заорать им всем, чтобы убирались отсюда, но, быстро просчитав варианты, я решил, что ничего не добьюсь — меня арестуют, и все дела. Сначала надо было найти Талию, Гроувера и охотниц. В любую минуту те парни-скелеты могли ворваться в музей, и не думаю, что их удовлетворила бы экскурсия, записанная на пленку.

Я буквально врезался в Талию. Я несясь по пандусу на верхнюю галерею и сильно толкнул ее, сбив с ног, так что она свалилась в космическую капсулу «Аполлона».

Гроувер вскрикнул от удивления.

Прежде чем я успел восстановить равновесие, Зоя и Бьянка уже натянули тетиву, целясь мне в грудь. Луки в их руках появились словно из воздуха.

Когда Зоя поняла, кто я, она и не подумала опустить лук.

— Ты! Да как ты осмеливаешься являться сюда?

— Перси! — воскликнул Гроувер. — Слава богу!

Зоя свирепо посмотрела на него, и Гроувер вспыхнул.

— То есть я хотел сказать: тебя ведь здесь не должно быть...

— Лука, — сказал я, стараясь перевести дух. — Он здесь.

Гнев в глазах Талии моментально погас. Она положила руку на свой серебряный браслет.

— Где?

Я рассказал им о Музее естествознания, докторе Торне, Луке и Генерале.

— Так Генерал здесь? — Это известие, казалось, ошеломило Зою. — Это невозможно! Ты лжешь.

— Зачем мне врать? Послушайте, сейчас некогда препираться. Эти

скелеты...

— Что?! — спросила Талия. — Сколько их?

— Дюжина, — сказал я. — И это еще не все. Этот парень, Генерал... он сказал, что послал какого-то старого приятеля, чтобы тот развлекал вас здесь. Монстра.

Талия и Гроувер переглянулись.

— Мы шли по следу Артемиды, — сказал Гроувер. — Я был абсолютно уверен, что он ведет сюда. Сильный запах чудовища... Она, должно быть, остановилась здесь, ища таинственного монстра. Но мы пока ничего не нашли.

— Зоя, — нервно сказала Бьянка, — если это Генерал...

— Быть того не может! — отрезала Зоя. — Перси, должно быть, увидел послание Ириды или ему что примерещилось.

— Иллюзия не может разбить мраморный пол, — возразил я.

Зоя сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. Я не понимал, почему она принимает это так близко к сердцу... или откуда она знает этого Генерала, но сейчас, похоже, было не время спрашивать.

— Если Перси говорит правду о скелетах-воинах, — сказала Зоя, — то не время спорить. Это самые страшные, самые ужасные... надо немедленно отступить.

— Хорошая мысль, — произнес я.

— Я не имела в виду тебя, парень. Ты не участвуешь в нашем поиске.

— Эй, я стараюсь спасти вам жизнь!

— Тебе не следовало приходить, Перси, — мрачно проговорила Талия. — Но ты здесь. Давай полезай вместе с нами в автобус...

— Не тебе принимать решения! — прервала ее Зоя.

Талия посмотрела на нее исподлобья.

— Ты тут тоже не начальница, Зоя. И меня не волнует, сколько тебе лет! Ты так и осталась чванливой дурочкой!

— Где же твоя мудрость, когда речь заходит о мальчишках? — проворчала Зоя. — Вечно начинаешь перед ними лебезить.

У Талии сделался такой вид, будто она сейчас ударит Зою. И тут все застыли. Я услышал рев, да такой громкий, что на миг подумал, будто случайно завелась одна из ракет.

Несколько взрослых внизу под нами завопили от ужаса. А какой-то малыш в полном восторге воскликнул: «Киска!»

Что-то огромное прыжками несло вверх по пандусу. Размером оно было с грузовичок-пикап, с серебряными когтями и отливающей золотом шерстью. Я уже видел это чудовище прежде. Два года назад я мельком

заметил его из поезда. Теперь, в непосредственной близости и в натуральную величину, оно казалось еще больше.

— Немецкий лев, — прошептала Талия. — Не двигайтесь.

Лев разразился таким оглушительным ревом, что волосы у меня на голове встали дыбом. Его клыки сверкали, как нержавеющей сталь.

— Разделяемся по моему знаку! — скомандовала Зоя. — Постараемся его отвлечь.

— И долго стараться? — спросил Гроувер.

— Пока я не придумаю, как его убить. Начали!

Обнажив Анаклузмос, я отскочил влево. Стрелы со свистом летели мимо меня, а Гроувер сопровождал каждый выстрел витиеватой трелью на своих тростниковых дудках. Я увидел, как Зоя и Бьянка забираются в капсулу «Аполлона». Охотницы выпускали стрелы одна за другой, но все они отскакивали от бронированной шкуры, не причиняя льву никакого вреда. Лев с силой ударил по капсуле и повалил ее набок, так что охотницы попадали на пол. Гроувер неистово наигрывал устрашающую мелодию, и лев повернулся к нему, но на пути его встала Талия, подняв перед собой Эгиду, при виде которой лев попятился и напрягся.

— Рррр! — разнеслось по залу.

— Пошел! — скомандовала Талия. — Кыш!

Лев зарычал и забил когтистыми лапами в воздухе, но отступил, словно щит был пылающей головней.

На мгновение я подумал, что у Талии все под контролем. Но тут я увидел, как лев припал к полу и мышцы его задних лап напряглись. Мне пришлось наблюдать достаточно кошачьих драк в переулках вокруг моего дома в Нью-Йорке, и я понял, что монстр вот-вот кинется на нее.

— Эй! — громко завопил я.

Не знаю, что творилось тогда у меня в голове, но я атаковал тварь. Мне просто хотелось отогнать ее от своих друзей. Я взмахнул мечом — хороший удар сбоку, который должен был рассечь монстра пополам, — но лезвие только звякнуло о его шкуру, рассыпав сноп искр.

Лев задел меня когтями, вырвав клочок из моей куртки. Я прижался спиной к перилам. Как распрямившаяся пружина, лев, весивший, должно быть, несколько тонн, бросился на меня, и мне ничего не оставалось, как развернуться и прыгнуть.

Я приземлился на крыло старого серебристого аэроплана, оно спружинило и чуть не сбросило меня на пол с трехэтажной высоты.

Стрелы свистели над моей головой. Лев прыгнул на аэроплан, и тросы, на которых тот был подвешен, затрещали.

Следующим ударом лапы лев сшиб меня, и я свалился на другой экспонат — странный на вид воздухоплавательный аппарат с лопастями вроде вертолетных. Взглянув вверх, я увидел, как лев рычит, широко разевая пасть, так что виднелись его розовый язык и глотка.

«Пасть», — пронеслось у меня в голове.

Его шкура была совершенно неуязвимой, но если бы я мог поразить его в глотку... Единственная трудность состояла в том, что чудовище было на редкость увертливым. Я не мог подобраться ближе, не рискуя быть располосованным его когтями и клыками.

— Зоя! — выкрикнул я. — Целься ему в пасть!

Лев стремительно прыгнул на меня. Стрелы со свистом проносились в воздухе, но все мимо, и я свалился с воздухоплавательного корабля прямо на огромную модель земного шара. Съехал по России и оказался на экваторе.

Немейский лев зарычал и попытался поустойчивее закрепиться на воздухоплавательном аппарате, но слишком уж много он весил. Один из тросов лопнул. Экспонат стал раскачиваться, как маятник, и тогда лев спрыгнул на Северный полюс муляжа.

— Гроувер! — заорал я. — Освободи помещение!

Ребятишки группами носились вокруг и визжали. Гроувер старался согнать их в кучу и увести подальше от чудовища, как раз когда лопнул второй трос и экспонат рухнул на пол. Талия спрыгнула с перил второго яруса и приземлилась напротив, по другую сторону земного шара. Лев разглядывал нас обоих, решая, кого убить первым.

Зоя и Бьянка находились над нами, держа луки на изготовку, но им приходилось постоянно перемещаться, чтобы выбрать угол поудобнее.

— Чистого выстрела не получается! — выкрикнула Зоя. — Заставь его разинуть пасть пошире!

Лев ворчал, распластавшись на Северном полюсе.

Я оглянулся по сторонам. Что же еще придумать? Мне нужно было...

...попасть в сувенирную лавку. У меня сохранилось смутное воспоминание о том, как мы ходили сюда, когда я был ребенком. Я уговорил маму купить мне одну штуку, а потом долго жалел об этом. Если они все еще торгуют этим...

— Талия, — позвал я, — отвлеки его.

— Брысь! Пошел! — свирепо закричала она.

Талия прицелилась копьем, и разветвленный синий разряд электричества впился льву в хвост.

— Rrrrrr! — Лев повернулся и стремительно прыгнул вниз.

Талия успела откатиться в сторону, держа Эгиду так, чтобы не подпускать к себе монстра, а я рванул в магазин подарков.

— Не время для сувениров, парень! — крикнула мне вдогонку Зоя.

Я влетел в магазин, сбивая вешалки с футболками, перепрыгивая через столы, уставленные подсвеченными моделями планет, парящими в беспросветном мраке космического пространства. Продавщица не протестовала, она съежилась за кассой и стремилась отползти как можно дальше.

Вот! На дальней стене висели поблескивающие серебристые пакетики. Их там была целая куча. Я прихватил все разновидности, какие только сумел найти, и выбежал из магазина с целой охапкой.

Зоя и Бьянка поливали чудовище дождем стрел, но все без толку. Казалось, лев нашел себе лучшее занятие, чем широко разевать пасть. Удар когтистой лапы чуть не достал Талию. Лев даже прищурился, глаза его превратились в узкие щелки.

Талия отбила атаку и попятилась.

Лев наседал.

— Перси, — крикнула она, — что бы ты ни собрался делать...

Лев рыкнул и ударил ее, как кошка бьет лапой свою игрушку. Талия взлетела в воздух, зацепившись за титановую ракету. Ударившись головой о металл, она соскользнула на пол.

— Эй! — крикнул я льву.

Для прямого удара было слишком далеко, поэтому я рискнул, метнув меч, как нож. Он отскочил от львиного бока, но этого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание монстра. Лев повернулся ко мне и зарычал.

Подобраться поближе можно было только одним способом. Я сделал выпад и, когда лев прыгнул, чтобы перехватить меня, зашвырнул ему в пасть пакет с пищей для космонавтов — большой кус завернутой в целлофан, отборной свежзамороженной клубники.

Глаза льва расширились, и он поперхнулся пакетом, как кошка комком шерсти.

Ну что тут поделаешь! Помню, я повел себя примерно так же, когда ребенком попробовал этой космической еды. Корм, скажем прямо, омерзительный.

— Зоя, приготовьтесь! — громко предупредил я.

Сзади слышались вопли посетителей. Гроувер затащил еще одну душераздирающую песню на своих дудках.

Я бросился прочь от льва. Ему удалось проглотить пакет с космическим кормом, и в его устремленном на меня взгляде теперь

читалась жгучая ненависть.

— Пора перекусить! — крикнул я.

Это вынудило льва сделать ошибку и зарычать на меня. Тем временем я успел запустить ему в пасть сэндвич с мороженым. К счастью, я всегда был очень неплохим подающим, хотя бейсбол не в моем вкусе. Прежде чем лев перестал отхаркиваться, я успел запустить ему в глотку еще два сэндвича и обед из свежемороженных спагетти.

Лев выпучил глаза. Он разинул пасть и встал на задние лапы, пытаясь избавиться от этой гадости.

— Давай! — крикнул я.

И тут же — две, четыре, шесть стрел впились в пасть монстру. Лев дико дернулся, перевернулся и упал навзничь. Потом затих.

По всему музею были аварийные сирены. Люди сгрудились у выходов. Охваченные паникой охранники метались по залу, не понимая, что происходит.

Гроувер опустился на колени рядом с Талией, помогая ей прийти в себя. Держалась она молодцом, хотя вид у нее был наполовину оглушенный. Зоя и Бьянка прыгнули с галереи и подбежали ко мне.

— Интересная... стратегия. — Зоя глядела на меня настороженно.

— Но ведь сработало!

Она не стала спорить.

Лев усыхал на глазах, как это бывает с убитыми чудовищами, пока от него не остался один лишь блестящий мех, да и тот скоро съежился до размеров обычной львиной шкуры.

— Возьми, — сказала мне Зоя.

Я вытаращился на нее.

— Что? Львиную шкуру? Разве это не будет нарушением прав диких животных?

— Это военный трофей, — объяснила она. — И он по праву твой.

— Но ведь его убила ты.

Зоя покачала головой, с трудом сдерживая улыбку.

— Думаю, его убил сэндвич с мороженым. Так что все честь по чести, Перси Джексон. Бери шкуру.

Я поднял шкуру, оказавшуюся на удивление легкой, гладкой и мягкой. Совсем не похоже, что она может выдержать удар меча. Пока я глядел на нее, шкура изменилась, превратившись в плащ — длиннополый буро-золотой пыльник.

— Не совсем в моем стиле, — пробормотал я.

— Надо убраться отсюда, — поторопил Гроувер. — Охранники скоро

очухаются.

И тут только я заметил странную вещь — охранники вовсе не рвались арестовать нас. Они мчались кто куда, но только не в нашу сторону и, словно обезумев, искали что-то. Некоторые врезались в стены или друг в друга.

— Твоя работа? — спросил я Гроувера.

Тот немного смущенно кивнул.

— Печальная песня, вызывающая всеобщее смятение. Кое-что из Барри Манилова. Срабатывает четко. Но это состояние длится всего несколько минут.

— Охранники не самая большая проблема, — сказала Зоя. — Смотрите.

Сквозь стеклянные стены музея я увидел группу мужчин, шедших через лужайку. Серые мужчины в сером камуфляже. Они находились слишком далеко, чтобы разглядеть их глаза, но я чувствовал, что они прикованы ко мне.

— Идите, — сказал я. — Они будут охотиться за мной. Я их отвлеку.

— Нет, — покачала головой Зоя. — Мы пойдем вместе.

Я уставился на нее.

— Но ты же сказала...

— Отныне ты участник нашего поиска, — недовольно изрекла она. — Мне это не нравится, но, видно, такова судьба. Тебе суждено быть пятым участником поисков. Так что теперь все в сборе.

Глава одиннадцатая

Гроуверу достается «ламборджини»

Мы пересекали Потомак, когда заметили в небе вертолет. Это была обтекаемая черная военная модель вроде той, что мы видели в Мэне. Вертолет летел прямым курсом на нас.

— Они знают, как выглядит микроавтобус, — сказал я. — Надо его где-нибудь припрятать.

Зоя вывернула на полосу скоростного движения. Но вертолет приближался.

— Может, военные его собьют, — с надеждой произнес Гроувер.

— Военные, скорее всего, думают, что это свой, — ответил я. — Как же все-таки Генералу удастся использовать людей?

— Наемники, — горько произнесла Зоя. — Неприятно это сознавать, но многие люди будут биться за любое дело, пока им платят.

— Но разве эти люди не видят, на кого они работают? — спросил я. — Неужели не замечают всех этих монстров вокруг?

— Не знаю, насколько они способны видеть сквозь туман, — покачала головой Зоя. — Сомневаюсь, чтобы для них это имело значение, даже знай они правду. Иногда люди бывают ужаснее чудовищ.

Вертолет продолжал нагонять нас, значительно выигрывая в скорости, поскольку мы были вынуждены плестись в потоке транспорта.

Закрыв глаза, Талия вознесла мольбу Зевсу.

— Привет, папа! Жезл громовержца пришелся бы нам сейчас очень кстати. Прошу, пожалуйста!

Но небо оставалось пасмурным, и шел снег. Никаких признаков спасительной грозы.

— Вон! — указала Бьянка. — Парковка!

— Нас заманивают в ловушку, — отрезала Зоя.

— Доверься мне.

Зоя стремительно пересекла две полосы движения и свернула на парковочную площадку при торговом центре на южном берегу реки.

Мы вылезли из фургона и последовали за Бьянкой по ведущим вниз ступеням.

— Вход в метро, — пояснила Бьянка. — Можно поехать на юг. В Александрию.

— Ну да, хоть что-то, — согласилась Талия.

Купив билеты, мы прошли через вращающийся турникет, оглядываясь, нет ли преследования. Через несколько минут мы были уже в безопасности — в вагоне поезда, идущего на юг, за пределы округа Колумбия. Когда наш поезд вынырнул на поверхность, мы увидели вертолет, круживший над парковочной площадкой, но за нами он не полетел.

— Чисто сработано, Бьянка, — вздохнул Гроувер. — Здорово ты это придумала про метро.

У Бьянки был довольный вид.

— Ну вот и ладно. Я помню эту станцию еще с тех пор, когда мы с Нико приезжали сюда прошлым летом. Я, правда, удивилась, увидев ее здесь, потому что, когда мы с Нико бывали здесь раньше, ее не было.

— Новая станция? — нахмурился Гроувер. — А выглядит как старая.

— Возможно, — согласилась Бьянка. — Но поверьте, когда мы жили здесь совсем маленькими, тут вообще не было метро.

— Постой-ка. — Талия подалась вперед. — Говоришь, вообще не было метро?

Бьянка кивнула.

Надо признаться, что я ничего не знаю об округе Колумбия, но у меня в голове не укладывалось, как системе подземок здесь может быть меньше двенадцати лет. Подозреваю, что и остальные подумали то же, так как все вдруг сильно смутились.

— Бьянка, — начала Зоя, — как давно?..

Она осеклась. Вновь послышался рокот вертолета.

— Надо пересесть на другой поезд, — сказал я. — На следующей остановке.

Еще полчаса все думали только о том, как бы уцелеть. Мы пересаживались дважды. Я понятия не имел, куда мы едем, но немного погодя вертолет все-таки отстал.

К несчастью, выбравшись наконец из поезда, мы оказались на конечной станции, в промышленной зоне, где не было ничего, кроме складов и железнодорожных путей. И снега. Целые снежные завалы. Казалось, здесь намного холоднее. Я радовался, что теперь у меня новое пальто на львином меху.

Мы побродили по подъездным путям, рассчитывая найти где-нибудь другую пассажирскую ветку, но кругом виднелись только ряды грузовых платформ, большинство которых было покрыто снегом, будто они стояли так долгие годы.

Возле ведра с горящим сухим мусором грелся какой-то бездомный. Должно быть, вид у нас был очень жалкий, потому что, усмехнувшись нам

беззубым ртом, он сказал:

— Чего, погреться хотите? Валяйте!

Мы сгрудились вокруг огня. Талия стучала зубами.

— Зззздорово, — сказала она.

— У меня копыта замерзли, — пожаловался Гроувер.

— Ноги, — поправил я его, учитывая присутствие бездомного.

— Может, нам следует связаться с лагерем? — предложила Бьянка. —

Хирон...

— Нет, — сказала Зоя, — больше они не могут нам помогать. Мы должны закончить этот поиск сами.

Я обвел печальным взглядом подъездные пути. Где-то далеко на западе томилась в плену Аннабет. И скованная цепями Артемида. Чудовище, что несет гибель Олимпу, разгуливало на свободе. А мы застряли в предместьях округа Колумбия, греясь у огня вместе с каким-то бродягой.

— Знаете, — внезапно сказал бродяга, — никогда не бывает так, чтобы рядом не оказался друг. — У него была чумахая физиономия и спутанная борода, но лицо доброе. — Вам, ребята, нужен поезд на запад?

— Да, сэр, — ответил я. — Здесь не найдется такого?

Бродяга вытянул грязную руку.

Тут я заметил грузовой состав, поблескивающий краской и не засыпанный снегом. Он перевозил автомобили и был разгорожен стальной сетной, а на платформах в три яруса стояли машины. Сбоку красовалась надпись «Сан-Вест лайн».

— Годится, — сказала Талия. — Спасибо...

Она повернулась к бродяге, но тот уже ушел. Мусорное ведро перед нами стояло пустое и холодное, словно огонь он унес с собой.

* * *

Часом позже мы с грохотом катили на запад. Кто поведет машину, теперь было не важно, потому что у каждого имелось собственное роскошное авто. Зоя с Бьянкой без приглашения забрались в стоявший на верхней платформе «лексус». Гроувер изображал гонщика за рулем «ламборджини». А Талия соединила проводки радиоприемника в черном «Мерседесе SXL» и теперь даже могла ловить рок-станции округа Колумбия.

— Можно присоединиться? — спросил я ее.

Талия пожала плечами, и я забрался на сиденье.

По радио играли «Уайт страйпс».^[13] Я узнал песню, эта была та единственная на моем диске, которая нравилась маме. Она говорила, что песня напоминает ей «Лед зеппелин». При мысли о маме мне взгрустнулось: вряд ли теперь я попаду домой к Рождеству. Могу вообще не дожить.

— Красивое пальто, — заметила Талия.

Я запахнулся в золотистый плащ, благо в нем было так тепло.

— Да, но Немейский лев не то чудовище, которое мы ищем.

— Ну да, и близко не стояло. Нам предстоит еще долгий путь.

— О каком бы чудовище ни шла речь, Генерал сказал, что оно придет за тобой. Они хотели изолировать тебя от остальной группы, чтобы чудовище, когда появится, могло сразиться с тобой один на один.

— Он так сказал?

— Да, что-то вроде этого.

— Отлично. Люблю, когда меня используют как приманку.

— Нет соображений, что это может быть за чудовище?

Талия мрачно покачала головой.

— Но ты ведь знаешь, куда мы едем? В Сан-Франциско. Туда же направлялась и Артемида.

Я вспомнил, что сказала Аннабет во время танца: как ее отец поехал в Сан-Франциско, а она никак не могла отправиться туда вместе с ним. Полукровки там жить не могут.

— Почему? — спросил я. — Что там такого плохого в Сан-Франциско?

— Там очень густой туман, потому что это близко от Окаянной горы. Волшебство титанов — то, что от него осталось, — все еще там. Чудовищ тянет туда, как мух на мед.

— А что за Окаянная гора?

— Ты что, и правда не знаешь? — Талия удивленно подняла брови. — Спроси эту дурочку Зою. Она большой специалист.

Талия мрачно уставилась в лобовое стекло. Я не стал расспрашивать ее дальше, не хотелось выглядеть полным идиотом. Вообще я с трудом мирился с тем, что Талия знает намного больше меня, поэтому решил держать рот на замке.

Послеполуденное солнце светило сквозь проволочную сетку товарняка, отбрасывая тени на лицо Талии. Я вдруг подумал о том, как они не похожи — Зоя, церемонная и холодная, как принцесса, и Талия, щеголяющая в обносках и готовая завестись из-за пустяка. Но было в них и что-то общее. Обе были крутые. Вот, например, сейчас, сидя в полутьме с мрачным выражением на лице, Талия очень напоминала охотницу.

И тут совершенно неожиданно меня поразила одна мысль.

— Вот почему ты не можешь ужиться с Зоей!

— Что? — нахмурилась Талия.

— Охотницы пытались завербовать тебя, — высказал я догадку.

Глаза ее вспыхнули опасным блеском. Я решил, что сейчас она выкинет меня из «мерседеса», но Талия только вздохнула.

— Я почти присоединилась к ним, — согласилась она. — Однажды мы, Лука, Аннабет и я, встретились с ними, и Зоя пыталась убедить меня присоединиться к ним. Ей это почти удалось, но...

— Но?

Талия вцепилась в руль.

— Мне пришлось бы оставить Луку.

— О!

— Тогда-то мы и поссорились с Зоей. Она сказала, что я глупая. Сказала, что пожалеоу о своем отказе. Сказала, что однажды Лука бросит меня в беде.

Я смотрел на солнце сквозь металлическую решетку. Казалось, с каждой секундой мы едем все быстрее — тени мелькали, как в старом кинопроекторе.

— Жестоко, — сказал я. — Трудно было предположить, что Зоя окажется права.

— Она не права! Лука *никогда* не бросал меня. Никогда.

— Нам придется сражаться с ним, — напомнил я. — Другого пути нет.

Талия ничего не ответила.

— Ты не видела его в последнее время. Знаю, трудно поверить, но...

— Я сделаю то, что должна.

— Даже если тебе придется убить его?

— Сделай милость, — раздраженно сказала Талия. — Убирайся из моей машины.

Я так расстроился из-за нее, что даже спорить не стал.

Когда я уже вылез, она окликнула:

— Перси!

Обернувшись, я увидел, что глаза у нее красные, но то ли от гнева, то ли от печали — сказать было трудно.

— Аннабет тоже хотела присоединиться к охотницам. Может, тебе стоит подумать почему?

Прежде чем я успел ответить, она подняла стекла автомобиля.

Я устроился на водительском сиденье гроуверовского «ламборджини». Сатир спал сзади. Он окончательно отказался от попыток произвести впечатление на Зою и Бьянку, после того как сыграл им на своей дудке «Ядовитый плющ» и заставил это растение обвиться вокруг кондиционера их «лексуса».

Глядя на закат, я подумал об Аннабет. Уснуть я боялся. Я боялся того, что могу увидеть во сне.

— О, не надо бояться снов, — произнес чей-то голос рядом со мной.

Я обернулся, и меня почему-то совершенно не удивило, когда на одном из сидений я увидел бродягу с подъездных путей. Джинсы его были выношены чуть не до белизны. Он щеголял в драном пальто с торчащей ключьями подкладкой и был похож на плюшевого мишку, которого переехал грузовик.

— Если бы не сны, — сказал бродяга, — я не знал бы и половины всего, что знаю о будущем. Они лучше, чем газеты с Олимпа.

Прокашлявшись, он жестом драматического актера воздел руки.

Сны как марихуана,
Они глаголют истину.
Как это здорово!

— Аполлон? — догадался я.

Ну кто еще мог сложить такое несуразное хокку?

Бродяга приложил палец к губам.

— Я здесь инкогнито. Зови меня Фред.

— Бог по имени Фред?

— Ну, в общем... Зевс настаивает на определенных правилах. Политика невмешательства, когда поиск производится человеком. Даже когда что-то важное идет не так. И никто не хочет пачкать руки из-за моей младшей сестры. Никто.

— Так вы можете нам помочь?

— Тсс! Я уже помог. Ты хоть в окно смотрел?

— Поезд! С какой скоростью мы едем?

— Весьма быстро. — Аполлон фыркнул. — Но к сожалению, выбиваемся из графика. Солнце уже почти село. Но, сдастся мне, мы уже

пересекли здоровенный кусок Америки.

— Но где Артемида?

Лицо Аполлона омрачилось.

— Я многое знаю, многое вижу. Но даже мне это неизвестно. Она... словно облаком скрыта от меня. Мне это не нравится.

— А Аннабет?

— Ах, ты имеешь в виду девушку, которую потерял? — небрежно сказал Аполлон. — Хм. Не знаю.

Я с трудом сдержал возмущение. Мне было известно, что боги не воспринимают людей всерьез, даже полукровок. Жизнь у нас так коротка по сравнению с богами.

— Какое чудовище искала Артемида? — спросил я. — Хоть это вы знаете?

— Нет, — сказал Аполлон, — но есть некто, кто, может, и знает. Если вы не найдете чудовище, то, когда доберетесь до Сан-Франциско, разыщите Нерая — морского старца. У него долгая память и острый глаз. И дар знания, смысл которого порой непонятен даже моему оракулу.

— Но это же *ваши* оракул, — возразил я. — Не могли бы вы объяснить нам смысл пророчества?

Аполлон вздохнул.

— Ты мог бы с равным успехом попросить художника объяснить его искусство или поэта — его стихи. Это идет вразрез с замыслом. Смысл становится ясен, только если его упорно искать.

— Иначе говоря, вы не знаете.

Аполлон посмотрел на часы.

— Уже так поздно! Мне надо бежать. Сомневаюсь, что смогу рискнуть помочь тебе снова, Перси, но запомни мои слова! Поспи немного! А когда вернешься, надеюсь, ты сочинишь хорошее хокку о своем путешествии.

Я хотел было возразить, что не устал и никогда в жизни не сочинял хокку, но Аполлон щелкнул пальцами, и глаза мои закрылись.

* * *

Во сне я превратился в кого-то другого. На мне была надета старинная греческая туника, в которой здесь, внизу, было немного прохладно, и кожаные сандалии с высокой шнуровкой. Шкура Немейского льва висела на моих плечах наподобие плаща, и я куда-то бежал: какая-то девушка тянула меня за собой, схватив за руку.

— Быстрее! — торопила она. — Иначе он поймает нас!

Стояла ночь. Мириады звезд ярко сияли с небосвода. Было слишком темно, чтобы ясно видеть лицо девушки, но я понимал, что ей страшно. Мы бежали сквозь высокую траву, и запах тысячи цветов наполнял воздух пьянящим ароматом. Сад был прекрасен, но все же голос девушки звучал настойчиво и испуганно, словно нам грозила близкая смерть.

— Я не боюсь, — сказал я ей.

— А следовало бы! — ответила она, продолжая увлекать меня за собой.

Ее длинные темные волосы были заплетены в косу. Шелковое одеяние слабо светилось в сиянии звезд.

Мы мчались вверх по склону холма. Девушка потянула меня за куст терновника, и мы оба упали на землю, тяжело дыша. Я не понимал, почему девушка так напугана. Сад казался таким умиротворенным. И я чувствовал себя сильным. Таким сильным, как никогда.

— Не надо бежать, — сказал я ей. Голос мой звучал ниже и гораздо более уверенно. — Я одолел тысячу чудовищ голыми руками.

— Но не этого, — ответила девушка. — Ладон слишком силен. Ты должен обойти его и подняться на гору к моему отцу. Другого выхода нет.

В голосе ее звучало такое страдание, что это удивило меня. Она действительно была охвачена сильной тревогой, почти такой же сильной, как и забота обо мне.

— Я не доверяю твоему отцу, — ответил я.

— Можешь не доверять, — согласилась девушка. — Тебе придется перехитрить его. Но ты не можешь просто взять награду. Иначе ты погибнешь!

— Тогда почему бы тебе не помочь мне, красавица? — ухмыльнулся я.

Не могу сказать наверняка — было слишком темно, — однако мне показалось, что девушка зарделась.

— Я... я боюсь. Ладон остановит меня. А сестры, если узнают... они от меня отрекутся.

— Тогда не о чем и говорить. — Я встал, разминая руки.

— Постой! — воскликнула девушка.

Казалось, она принимала какое-то мучительное решение. Наконец она дрожащими пальцами вытащила из волос длинную белую заколку.

— Если тебе придется сражаться, возьми это. Ее подарила мне моя мать Плейона. Она была дочерью Океана, и вся океанская мощь — здесь. Мощь моего бессмертия.

Девушка подышала на заколку, и та слабо засветилась. Блеск ее в свете

звезд напоминал отполированную морем раковину.

— Возьми, — сказала она. — И преврати в оружие.

— Заколку для волос? — рассмеялся я. — Как же я умерщвлю ею Ладона, красавица?

— Заколки может и не хватить, — согласилась девушка. — Но это все, что у меня есть, коли уж ты такой упрямый.

Голос девушки смягчил мое сердце. Нагнувшись, я взял заколку, и она начала вытягиваться у меня в руке и становиться все тяжелее, пока не превратилась в обычный бронзовый меч.

— Хорошо сбалансирован, — похвалил я, взмахнув мечом, — хотя обычно я предпочитаю сражаться голыми руками. Как же назвать этот клинок?

— Анаклузмос, — печально произнесла девушка. — Течение, которое застает врасплох. Не успеешь заметить, как тебя уже унесет в море.

Я хотел поблагодарить ее, но тут в траве раздались страшный топот и шипение — будто воздух выходил из огромной проколотой шины.

— Слишком поздно! — воскликнула девушка. — Он здесь!

* * *

Моментально проснувшись, я вскочил на водительском сиденье «ламборджини». Гроувер тряс меня за руку.

— Перси, — сказал он, — уже утро. Поезд остановился. Пошли!

Я постарался стряхнуть с себя дремоту. Талия, Зоя и Бьянка уже подняли металлическую сетку и скатали ее.

Снаружи виднелись заснеженные горы, испещренные соснами, солнце поднималось между двух вершин.

Выудив ручку из кармана, я уставился на нее. «Анаклузмос» — древнегреческое слово, обозначающее сильное течение. Форма была другая, но я не сомневался, что это тот самый клинок, который мне приснился.

И что я был кем-то другим, я тоже не сомневался. А девушку, хотевшую мне помочь, я все-таки узнал. Зоя Ночная Тень.

Глава двенадцатая

Я катаюсь на сноуборде со свиньей

Мы находились в предместьях лыжного городка, уютно расположившегося среди гор. Указатель гласил: «Добро пожаловать в Клаудкрофт, Нью-Мехико», воздух был холодный и разреженный. На крышах домиков толстым слоем лежал снег, и грязные сугробы высились по сторонам улиц. Высокие сосны смутно виднелись внизу в долине, отбрасывая черные тени, хотя утро выдалось солнечное.

Пока мы добрались до главной улицы, отстоявшей примерно на полумиллю от железнодорожных путей, я успел порядком замерзнуть, даже плащ из львиной шкуры не спасал. По дороге я рассказал Гроуверу о своей беседе с Аполлоном прошлой ночью и о том, что он посоветовал мне разыскать в Сан-Франциско Неряя.

— Полагаю, это хорошая мысль, — без энтузиазма произнес Гроувер. — Но мы должны добраться туда первыми.

Я старался не впадать в излишнюю депрессию по поводу наших шансов на успех. Не хотелось расстраивать Гроувера, но сам я понимал, что время нас сильно поджимает, ведь мы пообещали спасти Артемиду к началу Совета богов. И Генерал сказал, что жизнь Аннабет продлится только до зимнего солнцестояния. Это была пятница — до нее оставалось еще четыре дня. И еще он сказал что-то о жертвоприношении. Вот уж это мне совсем не понравилось.

Мы остановились в центре городка. Отсюда было видно все: школа, цепочка туристических лавочек, кафе, несколько лыжных кабинок и бакалейная лавка.

— Здорово, — произнесла Талия, озираясь. — Ни автобусной остановки. Ни такси. Ни аренды автомобилей. Кругом тупик.

— Но есть кофейня! — сказал Гроувер.

— Да, — подхватила Зоя, — кофе — это хорошо.

— И выпечка, — мечтательно продолжил Гроувер. — И провощенная бумага.

— Замечательно, — вздохнула Талия. — Как насчет того, чтобы вы двое принесли нам чего-нибудь поесть? Перси, Бьянка и я навестим бакалейный магазин. Может, там подскажут, как отсюда выбраться.

Мы договорились встретиться перед бакалейной лавкой через пятнадцать минут. Бьянка чувствовала себя немного неловко, отправляясь с

нами, но пересилила себя.

В лавке мы узнали кое-что ценное о Клаудкрофте: снега для катания на лыжах выпало мало; лавка торговала резиновыми крысами по доллару штука, и въехать или выбраться из городка было непросто, если ты не на колесах.

— Можно вызвать такси из Алмагордо, — с сомнением в голосе сказал продавец. — Это внизу, у подножия гор, но добираться туда по крайней мере час. Обойдется в несколько сот долларов.

Продавец выглядел таким одиноким, что я купил у него резиновую крысу. Затем мы вышли и остановились на крыльце.

— Великолепно, — раздраженно прокомментировала Талия. — Пойду прогуляюсь по улице — может, в других магазинах кто-нибудь что-нибудь предложит.

— Но продавец сказал...

— Я знаю, что он сказал, — оборвала Талия. — Все равно пойду прогуляюсь.

Я не стал ее удерживать. По себе знаю, что хуже всего ждать и маяться. Все полукровки страдают нехваткой терпения из-за нашей врожденной готовности рваться в бой. Мы не можем долго бездействовать. К тому же я чувствовал, что Талия все еще расстроена нашим ночным разговором о Луке.

Мы с Бьянкой стояли у магазина, испытывая некую неловкость. То есть... я вообще никогда не чувствовал себя комфортно наедине с девочками, а с Бьянкой я остался тет-а-тет впервые. Я не знал, что сказать, особенно теперь, когда она стала охотницей... ну и так далее.

— Симпатичная крыса, — произнесла она наконец.

Я сел на перила крыльца. Может, это привлечет к лавке покупателей.

— Ну и как... пока нравится быть охотницей? — спросил я.

— Ты уже не злишься оттого, что я присоединилась к ним, правда? — Бьянка поджала губы.

— Не-а. Пока... пока ты сама счастлива.

— Не думаю, что слово «счастлива» правильное, после того как исчезла госпожа Артемида. Но быть охотницей — здорово, тут нечего и говорить. Я стала как-то спокойнее. Все вокруг словно происходит медленнее. Это, наверное, и есть бессмертие.

Я внимательно посмотрел на нее, пытаясь увидеть произошедшие изменения. Бьянка выглядела более уверенной, чем прежде, более спокойной. Она больше не прятала лицо под зеленой шляпой. Волосы она завязывала сзади и, когда говорила, смотрела мне прямо в глаза. Меня

пробрала дрожь, когда я понял, что и пятьсот, и тысячу лет спустя Бьянка ди Анджели будет выглядеть точь-в-точь такой же, как сейчас.

Она сможет вот так же поддерживать разговор с каким-нибудь полукровкой, когда меня уже давно не будет на свете, а Бьянке на вид все так же останется двенадцать лет.

— Нико не понял моего решения, — пробормотала Бьянка и посмотрела на меня так, словно хотела, чтобы я уверил ее, что все в порядке.

— С ним все будет хорошо, — сказал я. — Лагерь полукровок заботится о детях. Когда-то они приютили и Аннабет.

— Надеюсь, мы найдем ее, — кивнула Бьянка. — Я имею в виду Аннабет. Ей повезло, у нее есть такой друг, как ты.

— Много же пользы ей это принесло!

— Не вини себя, Перси. Ты рисковал жизнью, чтобы спасти брата и меня. Я серьезно — это был отважный поступок. Не встретить я тебя, я не смогла бы оставить Нико в лагере со спокойной душой. Я подумала, что если там есть такие, как ты, то с Нико все будет в порядке. Ты хороший парень.

Комплимент застал меня врасплох.

— Даже после того, как я сшиб тебя при захвате флага?

— Да ладно! — рассмеялась Бьянка. — Не считая этого, ты хороший парень.

В нескольких сотнях ярдов от нас из кофейни вышли Гроувер и Зоя, нагруженные пакетами с выпечкой и напитками. Мне не хотелось, чтоб они так быстро возвращались, ведь пришлось бы прервать разговор. Странно, но я понял, что мне нравится разговаривать с Бьянкой. Не такая уж она и плохая. Во всяком случае, с ней было намного легче и проще, чем с Зоей.

— Так расскажи мне про вас с Нико, — попросил я. — В какую школу вы ходили до Уэстовера?

— Кажется, это был какой-то пансионат в округе Колумбия, — нахмурилась она. — Кажется, это было давно-давно.

— И вы никогда не жили с родителями? Я имею в виду — со смертными родителями.

— Нам сказали, что наши родители умерли. Нас опекал трастовый банк. Думаю, они крупно на нас потратились. Время от времени приезжал юрист — проверить, как мы. Потом нам с Нико пришлось уйти из этой школы.

— Почему?

— Надо было куда-нибудь перебраться. — Бьянка нахмурила брови. —

Я помню... это было важно. Мы долго ехали. Несколько недель прожили в отеле. А потом... не знаю. Однажды за нами пришел какой-то другой юрист. Он сказал, что пора ехать. Он отвез нас обратно на восток, через округ Колумбия. Потом — в Мэн. И мы стали ходить в Уэстовер.

Странная получалась история. Впрочем, Бьянка и Нико были полукровками. В их жизни ничто не могло происходить нормально.

— Так, выходит, ты растила Нико почти всю свою жизнь? — спросил я. — И вас было всего двое.

Бьянка кивнула.

— Вот почему мне так ужасно захотелось стать охотницей. То есть я понимаю, что это эгоистично. Но мне хотелось своей жизни и своих друзей. Я люблю Нико. Пойми меня правильно. Просто хотелось узнать — каково это не быть взрослой сестрой круглые сутки.

Мне вспомнилось прошлое лето и чувства, охватившие меня, когда я узнал, что мой единокровный брат — циклоп. Я мог сопоставить свои воспоминания с рассказом Бьянки.

— Зоя, похоже, доверяет тебе, — сказал я. — Так или иначе, о чем вы толковали тогда... о чем-то опасном, связанном с нашим поиском?

— Когда?

— Вчера утром в павильоне, — сказал я, не в силах удержаться. — Что-то о Генерале.

Лицо Бьянки омрачилось.

— Как ты... А, кепка-невидимка. Ты подслушивал?

— Нет! То есть я хотел сказать — не нарочно. Просто я...

От объяснения меня спасло лишь то, что подошли Зоя и Гроувер, неся выпечку и напитки. Горячий шоколад для меня с Бьянкой и кофе для них обоих. Кроме шоколада мне досталась булочка с черникой, такая вкусная, что я слопал ее, почти не обращая внимания на гневные взгляды Бьянки.

— Надо повторить заклятие, которое поможет нам выйти на след, — сказала Зоя. — Гроувер, у тебя остались желуди?

— Ммм... — с набитым ртом ответил Гроувер, жевавший булочку с отрубями вместе с бумажкой. — Наверное. Просто надо...

Внезапно он замер.

Я уже собирался спросить, что с ним, когда вдруг повеяло теплым ветерком, это было словно дуновение весны, занесенное в разгар зимы. Поток свежего воздуха, напоенного запахом полевых цветов и пронизанного лучами рассвета. И что-то еще — похожее на голос, пытавшийся сказать что-то. Предупредить.

— Гроувер, твоя чашка! — вскрикнула Зоя.

Гроувер уронил свою чашку с кофе, разрисованную птичками. Внезапно изображения птиц ожили и унеслись прочь — крохотная стайка голубей. Моя резиновая крыса пискнула. Она прыгнула с перил и помчалась в лес; мех, усы — все было живое, настоящее!

Гроувер рухнул на землю рядом со своей чашкой, кофе растекался по снегу. Столпившись вокруг Гроувера, мы попытались привести его в чувство. Он стонал, веки его дергались.

— Эй! — воскликнула бегущая по улице Талия. — Я только что... Гроуверу плохо?

— Не знаю, — сказал я. — Он вдруг упал.

— О-о-о-о-о, — простонал Гроувер.

— Ладно, поднимайте его! — велела Талия. В руке она держала копье и оглядывалась, словно кто-то за ней гнался. — Нам надо сматываться отсюда.

* * *

Мы добрались до окраины городка, прежде чем появились два первых зомби. Они выступили из-за деревьев по обе стороны от дороги. Вместо серого камуфляжа на них теперь была синяя форма полицейских штата Нью-Мехико, но кожа осталась серой и прозрачной, а глаза — желтыми.

Они достали пистолеты. Меня всегда восхищало огнестрельное оружие. Как здорово научиться стрелять из пистолета, часто думал я. Но тут, когда воины-зомби наставили на меня свои пушки, я совершенно не обрадовался.

Талия хлопнула ладонью по своему браслету. Тот моментально превратился в Эгиду, но воинов это не смутило. Их горящие желтые глаза по-прежнему буравили меня.

Я выхватил меч, хотя сильно сомневался, что он сможет защитить нас от пуль.

Зоя и Бьянка достали луки, хотя у Бьянки вышла небольшая заминка, потому что Гроувер, все еще не пришедший в себя, повис на ее плече.

— Отступаем! — скомандовала Талия.

Мы стали пятиться, и тут я услышал хруст ветвей. Еще двое зомби появились на дороге за нами. Мы были окружены.

Я подумал о том, где же остальные скелеты. В Смитсоновском институте я видел по крайней мере дюжину. Потом один из зомби достал сотовый телефон и начал что-то тихо говорить.

Впрочем, «говорить» — неудачное слово. Скорее это напоминало скрежет и пощелкивание — так собака грызет сухую кость. Внезапно я понял, что происходит. Зомби разделились, чтобы не выпускать нас из поля зрения. Теперь *эти* звонили своим сородичам. Скоро тут будет вся группа.

— Он уже близко, — простонал Гроувер.

— Уже тут, — сказал я.

— Нет, — настойчиво повторил он. — Дар. Дар дикой природы.

Я не понял, о чем он толкует, но его состояние встревожило меня. Гроувер не то что сражаться, он даже идти не мог.

— Мы должны продвигаться поодиночке, — предложила Талия. — Их четверо. Нас тоже. Может, тогда они не заметят Гроувера.

— Согласна, — ответила Зоя.

— Дикая природа! — простонал Гроувер.

Теплый ветер пролетел над каньоном, шелестя кронами деревьев, но я не отрываясь смотрел на зомби. Я вспомнил, как Генерал со злорадством говорил о судьбе Аннабет. Вспомнил, как Лука предал ее.

И я бросился в атаку.

Первый скелет выстрелил. Время замедлилось. Не скажу, чтобы я видел пулю. Но чувствовал ее полет, как ощущал океанские течения. Отразив ее лезвием клинка, я продолжил атаку.

Зомби выхватил полицейскую дубинку, и я по локоть отрубил ему руки. Затем снова взмахнул мечом и рассек его пополам.

Кости зомби распались, загремели и кучей свалились на асфальт. Почти тут же они пришли в движение, соединяясь снова. Через секунду скелет заклацал зубами и попытался выстрелить в меня, но я вышиб у него пистолет.

Я думал, что все идет отлично, пока два других зомби не выстрелили мне в спину.

— Перси! — истошно выкрикнула Талия.

Я ничком повалился на землю. И только тогда кое-что понял... я не умер. Попадание пуль было похоже на тупой удар, толчок, но они не причинили мне вреда.

Мех Немейского льва! Мое пальто оказалось пуленепробиваемым.

Талия напала на второго зомби. Зоя и Бьянка осыпали дождем стрел третьего и четвертого.

Гроувер стоял на месте, протягивая руки к деревьям так, словно хотел прижать их к груди.

Из леса слева послышался оглушительный треск, словно на нас надвигался бульдозер. Возможно, прибывало подкрепление. Поднявшись

на ноги, я увернулся от мелькнувшей в воздухе дубинки. Скелет, который я разрубил напополам, уже полностью восстановился и двигался вслед за мной.

Их невозможно было остановить. Зоя с Бьянкой стреляли им в головы в упор, но стрелы со свистом пролетали сквозь пустые черепа. Один бросился на Бьянку, и я решил, что ей конец, но она взмахнула своим охотничьим ножом и пырнула воина-зомби в грудь. Скелет вспыхнул, оставив после себя кучку пепла и полицейский значок.

— Как тебе это удалось? — спросила Зоя.

— Не знаю, — нервно ответила Бьянка. — Повезло.

— Хорошо, повторим!

Бьянка попыталась, но три уцелевших зомби теперь поглядывали на нее с опаской. Они наседали на нас, держась на расстоянии вытянутой дубинки.

— Какой будет план? — спросил я, пока мы пятились.

Все промолчали. Стволы деревьев за скелетами сотрясались. Хрустели ветви.

— Дар, — пробормотал Гроувер.

И затем, с могучим ревом ломая деревья, на дороге появилась самая большая свинья, какую я когда-либо видел. Это был вепрь тридцати футов в холке, с сопливым розовым рылом и бивнями, длиной не меньше каное. Бурая шерсть стояла дыбом у него на хребте, а глаза были дикие и злые.

Пронзительно завизжав, он раскидал бивнями трех скелетов. Сила удара была так велика, что они разлетелись между деревьями и по склону горы, украсив костями снег на много ярдов вокруг.

Затем кабан повернулся к нам.

Талия занесла копье, но Гроувер пронзительно выкрикнул:

— Не убивай его!

Вепрь захрюкал и стал рыть землю копытами, готовый в любой миг броситься на нас.

— Это Эриманфский вепрь, — сказала Зоя, стараясь сохранять спокойствие. — Не думаю, что мы сможем убить его.

— Это дар, — произнес Гроувер. — Благословение дикой природы!

Вепрь снова протяжно взвизгнул и покрутил мордой. Зоя и Бьянка расступились. Мне пришлось оттолкнуть Гроувера, чтобы он не отправился в путешествие по горам на экспрессе «Бивень вепря».

— Я чувствую, как на меня нисходит благословение, — сказал я. — Врассыпную!

Мы бросились в разные стороны и на мгновение привели вепря в

замешательство.

— Он хочет убить нас! — возмутилась Талия.

— Конечно! — откликнулся Гроувер. — Он же дикий!

— Так как же он может быть благословением? — спросила Бьянка.

Вопрос показался мне справедливым, но свинья оскорбилась и бросилась на Бьянку. Та оказалась проворнее, чем я думал. Откатившись в сторону, чтобы вебрь не подмял ее своими копытами, Бьянка очутилась позади твари. Та впилилась бивнями в щит с надписью «Добро пожаловать в Клаудкрофт», растерзав его на части.

Я напряг мозги, пытаюсь вспомнить миф о вебре. Конечно, я ни минуты не сомневался, что Геракл однажды победил эту зверюгу, но не мог припомнить, как ему это удалось. У меня сохранились какие-то смутные воспоминания о том, что вебрь сровнял с землей несколько греческих городов, прежде чем Геракл смог усмирить его. Я надеялся, что Клаудкрофт застрахован от нападений гигантских вебрей.

— Не стойте на месте! — предупреждая завопила Зоя.

Они с Бьянкой бросились в противоположные стороны. Гроувер танцевал вокруг вебря, играя на своих дудках и стараясь одурачить его. Но первый приз за невезение достался нам с Талией. Когда вебрь повернулся в нашу сторону, Талия совершила ошибку и постаралась защититься Эгидой. При виде головы Медузы вебрь завизжал от ярости. Возможно, она была слишком похожа на его родственницу. Зверь кинулся на нас.

Нам удалось удрать лишь потому, что мы бежали вверх по склону и увертывались, прячась за деревья, в то время как вебря приходилось выворачивать их с корнем.

По другую сторону холма я увидел старую железнодорожную колею, полузасыпанную снегом.

— Сюда! — Я схватил Талию за руку, и мы побежали вдоль путей, а вебрь с ревом неся сзади, оскальзываясь на крутом склоне.

Слава богам, копыта его не были приспособлены для такого передвижения.

Впереди я увидел туннель. За ним открылась старая эстакада моста, перекинутого через узкое ущелье. У меня появилась безумная мысль.

— За мной!

Талия бежала уже не так быстро. Мне некогда было спрашивать почему. Но я тянул ее за собой, и она неохотно повиновалась. В погоне за нами десятитонный свинский танк сшибал сосны и обрушивал валуны.

Мы с Талией ворвались в туннель и выбежали с другой стороны.

— Нет! — взвизгнула Талия.

Она побелела как снег. Мы стояли у края моста. Внизу гора обрывалась заснеженным семидесятифутовым ущельем.

Вепрь находился прямо за нами.

— Вперед! — скомандовал я. — Наш вес он, пожалуй, выдержит.

— Не могу! — в панике закричала Талия.

Дикий страх застыл у нее в глазах.

Вепрь вломился в туннель и мчался сквозь него на всех парах.

— Давай! — прикрикнул я на Талию.

Она посмотрела вниз и сглотнула. Клянусь, лицо ее позеленело.

Мне было некогда обдумывать, что к чему. Вепрь штурмовал туннель прямо за нами. Итак, план Б. Я сгреб Талию в охапку, и мы покатались вниз по горе. Эгида заменила нам сноуборд, который, перескакивая через камни, грязные проплешины и снежные завалы, мчался вниз. Вепрю повезло меньше. Он не мог развернуться так быстро, и десятитонное чудовище на большой скорости вылетело на крохотный эстакадный мост, который с треском провалился под его весом. В свободном падении вепрь издал могучий визг и с оглушительным чмоканьем рухнул в снег.

Наш с Талией сноуборд проехал еще немного и остановился. Мы оба едва могли перевести дух. В волосах у Талии запутались сосновые иглы. Невдалеке визжал, стараясь выбраться из глубокого снега, вепрь. Видна была только щетинистая полоска на его спине. Снежный сугроб сковал его движения почище всякой смолы. Зверь был, похоже, не ранен, но двинуться уже никуда не мог.

Я посмотрел на Талию.

— Ты боишься высоты?

— Не говори глупостей! — Сейчас, когда мы благополучно съехали с горы, взгляд ее вновь сделался сердитым.

— Тогда понятно, почему ты так струсила в машине Аполлона. Чего же ты не сказала?

Талия глубоко вздохнула. Потом смахнула хвою с волос.

— Если кому-нибудь скажешь, то клянусь...

— Нет, нет. Да успокойся ты. Просто... дочь Зевса, повелителя неба, боится высоты?!

Она собиралась пихнуть меня в снег, но тут сверху раздался голос Гроувера:

— Эй, ребята!

— Спускайся сюда! — позвал я.

Через несколько минут Зоя, Бьянка и Гроувер присоединились к нам. Мы стояли и смотрели, как ворочается в снегу вепрь.

— Вот оно — благословение дикой природы, — сказал Гроувер; выглядел он несколько возбужденным.

— Согласна, — произнесла Зоя. — Мы должны воспользоваться им.

— Погодите-ка, — раздраженно вмешалась Талия. У нее все еще был такой вид, словно она затеяла драку с рождественской елкой. — Объясните мне, почему вы так уверены, что свинья — это благословение.

Гроувер, казалось, ее не слышал, он не сводил взгляда с вепря.

— Он доставит нас на запад. Вы хоть представляете, с какой скоростью может мчаться этот вепрь?

— Забавно, — сказал я. — Получается, мы вроде... свиных ковбоев.

Сатир кивнул.

— Надо забираться. Жаль... жаль, что у меня нет времени здесь осмотреться. Но оно уже ушло.

— Что ушло?

Казалось, Гроувер не слышит меня. Подойдя к вепрю, он запрыгнул ему на спину. Вепрь уже потихоньку стал выбираться из сугроба. Когда он окончательно освободится, удержать его будет невозможно. Гроувер достал свои дудки и стал наигрывать какую-то лихую отрывистую мелодию, затем швырнул яблоко. Описав дугу, яблоко упало прямо перед носом вепря, который рванулся вперед, чтобы достать его.

— Автоматическое управление, — съязвила Талия. — Прекрасно!

Тяжело передвигаясь по снегу, она подошла и запрыгнула на спину вепря прямо позади Гроувера. И там оставалось еще много места — для всех нас.

Зоя с Бьянкой тоже пристроились на спине зверя.

— Погодите-ка, — сказал я, отыскивая местечко на щетинистой шкуре. — Кто-нибудь из вас понял, о чем говорил Гроувер... ну, насчет благословения дикой природы?

— Конечно, — ответила Зоя. — Разве ты не почувствовал ветра? Он был такой сильный... Я думала, что мне никогда уже не ощутить его присутствия.

— Чьего присутствия?

Зоя уставилась на меня так, словно я был круглым идиотом.

— Повелителя дикой природы, разумеется. На какой-то миг, когда появился вепрь, я ощутила присутствие Пана.

Глава тринадцатая

Мы посещаем помойку богов

Мы скакали на вепре до заката, больше моя задница просто не выдержала бы. Представьте, что вы весь день скачете по гравию на огромной стальной щетке. Примерно такой же комфортабельной оказалась поездка на вепре.

Не имею ни малейшего представления о том, сколько миль мы покрыли, но горы растаяли вдаль — их сменила простиравшаяся на многие мили равнина. Растительность, трава и кусты, стала более скудной, пока мы галопировали (если так можно сказать о вепре) через пустыню.

Когда наступила тьма, вепрь остановился у русла ручья и хрюкнул. Он стал пить грязную воду, потом вырвал из земли кактус сагуаро и сжевал его весь, с колючками.

— Дальше он не побежит, — сказал Гроувер. — Надо слезть с него, пока он ест.

Дважды повторять никому не понадобилось. Мы соскользнули со спины вепря, пока он занимался вырыванием кактусов. Затем мы, как могли, заковыляли прочь, ощущая глубокие ссадины, натертые хребтом твари.

Запив третий кактус грязной водицей, вепрь хрюкнул, рыгнул, потом развернулся и умчался на восток.

— Горы ему больше нравятся, — высказал я догадку.

— Трудно винить его в этом, — сказала Талия. — Посмотри.

Перед нами лежала двухполосная дорога, полузасыпанная песком. Через дорогу виднелась кучка зданий, слишком маленькая, чтобы назвать ее городком: обшитый досками дом, лавчонка, выглядевшая так, словно ее открыли в день рождения Зои, и белая оштукатуренная почта, на фасаде которой значилось «Хила-Кло, АЗ»^[14] — видимо, название этого места. Вывеска криво свисала с двери. За ними виднелись холмы... но, приглядевшись, я заметил, что это не обычные холмы. Равнина была слишком плоской. Холмы представляли собой огромные кучи старых машин, разных приспособлений и прочего металлолома. Это была свалка, которая, казалось, существовала всегда.

— Ух ты! — сказал я.

— Что-то подсказывает мне, что пункта проката автомобилей мы здесь не найдем, — произнесла Талия. Потом посмотрела на Гроувера. — Не

думаю, что у тебя в рукаве припрятан еще один вепрь.

Гроувер приняхивался к ветру и явно нервничал. Выудив желуди, он бросил их в песок, затем исполнил нечто на своих дудках. Затем разложил желуди в виде какого-то узора, который мне не говорил ровным счетом ничего, но сатир посмотрел на него озабоченно.

— Это мы, — сказал он. — Вот эти пять желудей.

— А какой из них мой? — спросил я.

— Маленький, неправильной формы, — высказала предположение Зоя.

— Да заткнись ты!

— Вот в этих домишках, — сказал Гроувер, указывая налево, — таится опасность.

— Монстр? — спросила Талия.

— Я не чувствую никакого запаха. — Вид у Гроувера был встревоженный. — Но желуди не лгут. Наш следующий противник там...

Он указал на свалку. Теперь, когда солнце почти село, металлические завалы стали похожи на какой-то инопланетный пейзаж.

Мы решили заночевать здесь, а наутро осмотреть свалку. Никому не хотелось лезть в эти завалы в темноте.

Зоя с Бьянкой достали из рюкзаков пять спальных мешков и пенопластовые матрасы. Не знаю, как им это удалось: рюкзаки казались крошечными и положить туда что-нибудь можно было лишь с помощью волшебства. Я заметил, что их луки и колчаны — тоже магические. По правде говоря, я никогда не думал об этом, но в нужный момент они всегда появлялись за плечами охотниц. А потом куда-то бесследно исчезали.

Ночью быстро похолодало, поэтому мы с Гроувером набрали старых досок в разрушенном доме, и Талия с помощью электрического разряда развела костер. Очень скоро мы почувствовали себя уютно, как только может чувствовать себя человек в разрушенном городе-призраке, находящемся неизвестно где.

— Звезды выглянули, — сказала Зоя.

Она была права. На небе сверкали мириады звезд — совсем не то что в городе, где небо от фонарей становится оранжевым.

— Любопытно, — откликнулась Бьянка, — я ведь никогда по-настоящему не видела Млечного Пути.

— Это еще что, — вздохнула Зоя. — В старые времена их было больше. Целые созвездия исчезли из-за светового загрязнения — дела рук людей.

— Ты говоришь так, будто сама не человек, — сказал я.

Зоя вздернула бровь.

— Я — охотница. Мое сердце тревожит то, что творится в диких уголках света. Возможно ли сказать такое о тебе?

— Хватит этой драматической декламации, — вмешалась Талия. — Говори как все.

— Ненавижу этот язык! — огрызнулась Зоя. — Он так часто меняется!

Гроувер вздохнул. Он по-прежнему глядел на звезды, словно размышляя о проблеме светового загрязнения.

— Если бы только здесь был Пан! Уж он-то навел бы порядок.

Зоя печально кивнула.

— Может, все дело в кофе, — продолжал Гроувер. — Я пил кофе, когда налетел ветер. Может, выпей я больше кофе...

Я был совершенно уверен, что кофе не имеет никакого отношения к тому, что произошло в Клаудкрофте, но у меня не хватило духу сказать об этом Гроуверу. Я подумал о резиновой крысе и нарисованных птичках, которые внезапно ожили, когда подул ветер.

— Гроувер, ты и вправду думаешь, что это был Пан? То есть я имею в виду, что тебе очень хочется, чтобы это было так...

— Он помог нам, — не сдавался сатир. — Не знаю, как и почему. Но он присутствовал там. После того как мы закончим этот поиск, я вернусь в Нью-Мехико и выпью много кофе. Это было самое сильное проявление его присутствия за две тысячи лет. Я был так близок.

Я ничего не ответил. Не хотелось разрушать мечты Гроувера.

— А вот мне интересно, — сказала Талия, глядя на Бьянку, — как это тебе удалось уничтожить одного из зомби? Их еще много осталось. Надо придумать, как с ними справляться.

— Не знаю. — Бьянка покачала головой. — Просто пырнула его ножом, и он сгорел.

— Может, есть что-то особое в твоём ноже? — спросил я.

— У меня такой же, — сказала Зоя. — Он из небесной бронзы, это так. Но мой не действовал на зомби.

— Может, надо ударить скелет в определенную точку?

Ощущая прикованное к ней всеобщее внимание, Бьянка почувствовала себя неловко.

— Не обращай внимания, — успокоила ее Зоя. — Мы найдем ответ. А пока нам нужно обдумать план, как действовать дальше. Когда проберемся через эту свалку, надо снова двигаться на запад. Если найдем дорогу, то автостопом доберемся до ближайшего города. Я думаю, что это окажется Лас-Вегас.

Я хотел было возразить, что у нас с Гроувером связаны с этим городом неприятные воспоминания, но Бьянка опередила меня.

— Нет! — воскликнула она. — Только не туда!

В голосе ее прозвучала неподдельная паника, как будто новоиспеченную охотницу столкнули с горы на роликовых коньках.

— Почему? — нахмурилась Зоя.

— Я... — произнесла Бьянка дрожащим голосом, — мне кажется, мы с Нико останавливались там ненадолго. Когда путешествовали. А потом... не могу вспомнить...

И тут я почувствовал неладное. Я вспомнил, что Бьянка рассказывала мне о том, как они с Нико ненадолго останавливались в отеле. Я переглянулся с Гроувером, и мне показалось, что мы подумали об одном и том же.

— Бьянка, — начал я, — этот отель, в котором ты останавливалась. Он, случайно, не назывался «Казино „Лотос“»?

— А ты откуда знаешь? — Бьянка широко распахнула глаза.

— Вот это да!

— Постойте, — вмешалась Талия. — Что такое «Казино „Лотос“»?

— Пару лет назад, — ответил я, — Аннабет и мы с Гроувером попались там в ловушку. Оно задумано так, что тебе никогда не хочется покидать его. Мы пробыли там около часа. А когда выбрались, то оказалось, что прошло пять дней. Это место заставляет время ускоряться.

— Нет. — Бьянка потрясла головой. — Не может быть.

— Ты говорила, что кто-то пришел и забрал вас оттуда, — вспомнил я.

— Да.

— Как он выглядел? Что сказал?

— Я... я не помню. Пожалуйста, мне действительно не хочется об этом говорить!

Зоя подалась вперед, озабоченно нахмурившись.

— Ты сказала, что Вашингтон, округ Колумбия, изменился, когда ты была там прошлым летом. Ты не помнишь, что там было метро.

— Да, но...

— Бьянка, — спросила Зоя, — ты можешь прямо сейчас назвать мне имя президента Соединенных Штатов?

— Не сходи с ума! — вспылила Бьянка.

И назвала имя президента правильно.

— А кто был президентом до того? — не отставала Зоя.

— Рузвельт, — ответила Бьянка, немного подумав.

— Теодор или Франклин? — настаивала Зоя.

— Франклин, — сказала Бьянка. — Ф. Д. Р.

— Вроде ФДР-драйв?^[15] — спросил я.

Потому что если серьезно, то это было все, что я знал о Ф. Д. Р.

— Бьянка, — тихо сказала Зоя, — Ф. Д. Р. не был предпоследним президентом. Он умер лет семьдесят назад.

— Это невозможно, — ответила Бьянка. — Я... я не могу быть такой старой.

Она уставилась на свои руки, словно чтобы убедиться, что они покрыты морщинами.

Талия погрустнела. Мне показалось, она понимает, что это такое — быть вырванной из временного потока.

— Все в порядке, Бьянка. Самое главное то, что вы с Нико теперь в безопасности. Разобрались, что к чему.

— Но как?.. — спросил я. — Мы пробыли там всего час и еле спаслись. Как вы смогли удрать оттуда, проторчав там так долго?

— Я уже говорила. — Казалось, Бьянка вот-вот расплачется. — Пришел какой-то мужчина и сказал, что пора уходить. И...

— Но кто? И зачем он это сделал?

Прежде чем Бьянка успела ответить, с дороги на нас устремился ослепительный луч света. Фары машины возникли словно бы из ниоткуда. У меня возникла слабая надежда, что это Аполлон снова приехал нас подвезти, но мотор работал слишком тихо для солнечной колесницы, к тому же была ночь. Мы схватили спальные мешки и приготовились бежать, когда на обочине дороги бесшумно возник мертвенно-бледный лимузин и остановился перед нами.

Задняя дверца лимузина распахнулась рядом со мной. Прежде чем я успел отступить в сторону, острое меча ткнулось мне в горло.

Я услышал, как Зоя и Бьянка достают луки. Поскольку обладатель меча вылез из машины, я медленно, очень медленно попятился. Пришлось отступать, потому что он все сильнее давил на точку под моей нижней челюстью. Жестокая улыбка появилась у него на губах.

— Что-то, я смотрю, теперь ты не такой прыткий, салага?

В луче света перед нами предстал крупный мужчина со стрижкой ежиком, в черной кожаной байкерской куртке, черных джинсах, белой, облегающей могучие мышцы рубашке и армейских ботинках. Черные очки скрывали его глаза, но я знал, что за ними — пустые глазницы, полыхающие пламенем.

— Арес! — прорычал я.

Бог войны бросил взгляд на моих друзей.

— Вольно, ребята.

Он щелкнул пальцами, и их оружие попало на землю.

— Это дружеская встреча. — Арес еще сильнее вдавил кончик клинка мне под подбородок. — Конечно, мне хотелось бы забрать твою голову как трофей, но тут кое-кто желает тебя видеть. И я никогда не отрублю голову своим врагам в присутствии дам.

— Каких дам? — спросила Талия.

Арес смерил ее взглядом.

— Так-так. Слышал, что ты вернулась. — Он опустил меч и оттолкнул меня. — Талия, дочурка Зевса, — нараспев произнес он. — Не очень-то с хорошей компанией ты связалась.

— А твое какое дело, Арес? — ответила Талия. — Кто в машине?

Арес улыбнулся: ему явно нравилось быть в центре внимания.

— Сомневаюсь, чтобы она хотела встретиться с вами. Особенно вон с теми. — Он указал подбородком на Зою и Бьянку. — Почему бы вам не перекусить, пока вы ждете? Мне с Перси нужно кое-что обсудить. Пару минут.

— Мы не оставим его наедине с тобой, повелитель Арес, — сказала Зоя.

— Кроме того, — вставил словечко Гроувер, — закусочная закрыта.

Арес снова щелкнул пальцами. Огни закусочной внезапно вспыхнули. Доски, которыми была заколочена дверь, отлетели, и вывеска «ЗАКРЫТО» сменилась на «ОТКРЫТО».

— Так что ты там пролепетал, козленок?

— Идите, — сказал я друзьям. — Я справлюсь.

Я постарался, чтобы голос мой прозвучал спокойно. Но не думаю, что мне удалось провести Ареса.

— Слышали, что сказал парнишка? — ухмыльнулся Арес. — Он у вас большой и сильный. У него все под контролем.

Мои друзья неохотно направились к закусочной. Арес с презрением посмотрел на меня, затем, как шофер, распахнул передо мной дверцу лимузина.

— Залезай, салага, — сказал он. — И следи за манерами. Она не так легко прощает грубость, как я.

* * *

Когда я увидел ее, челюсть моя отвисла.

Я забыл, как меня зовут. Забыл, где я. Разучился разговаривать распространенными предложениями.

На ней было красное шелковое платье, и волосы ниспадали на спину каскадом завитков. Ее лицо было самым прекрасным, какое мне доводилось видеть, — безупречный макияж, ослепительные глаза и улыбка, которая могла озарить темную сторону луны.

Вспоминая этот момент, я не смог бы рассказать, как она выглядит. И даже какого цвета у нее волосы или глаза. Возьмите всех самых красивых актрис, каких только сможете придумать, — богиня была в десять раз прекраснее их всех, вместе взятых. Возьмите ваш любимый цвет волос, глаз, все, что хотите... Богиня обладала всей красотой мира.

Когда она улыбнулась мне, то на какой-то миг немного напомнила Аннабет. Затем — ту актрису из телешоу, по которой я с ума сходил в пятом классе. Затем... ну, впрочем, вы меня поняли.

— А, вот и ты, Перси, — произнесла богиня. — Я Афродита.

Я скользнул на сидение напротив нее и промямлил нечто вроде:

— Угу... ммм.

Она улыбнулась.

— Окажи мне любезность. Подержи это, пожалуйста.

Афродита вложила мне в руку зеркало размером с обеденную тарелку и попросила подержать перед ней. Наклонясь вперед, она подвела губы помадой, хотя я не находил в них ни малейшего изъяна.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросила она.

Я хотел ответить. Ну почему я не мог составить какого-нибудь членораздельного предложения? Она была всего лишь дамой. По-настоящему прекрасной дамой. С глазами как озера талой воды...

Ух ты! Я сильно ущипнул себя за руку.

— Я... я не знаю, — наконец выдавил я.

— О дорогой, — произнесла Афродита. — Все еще в немилости?

Я услышал, как стоявший возле машины Арес гоготнул. У меня было ощущение, что он слышит каждое наше слово. Мысль о том, что он топчется снаружи, разозлила меня и прочистила мне мозги.

— Не пойму, о чем вы, — сказал я.

— Ну хорошо, тогда почему ты отправился на этот поиск?

— Артемида попала в плен!

— Ах, Артемида... — Афродита пренебрежительно повела плечами. — Я тебя умоляю... Бездна случай. Я имею в виду, что если уж кто-то решается похитить богиню, то она должна быть поразительно красивой, правда? Мне искренне жаль бедняжек, которые

пленили Артемиду. Как скучно!

— Но она преследовала чудовище, — возразил я. — Ужасное чудовище. Мы должны найти его!

Афродита заставила меня немного приподнять зеркало. Она обнаружила какой-то микроскопический изъян в уголке глаза и подправила грим.

— Вечно какие-то чудовища. Но, мой дорогой Перси, это причина, по которой на розыски пустились все остальные. А меня больше интересуешь ты.

Сердце гулко забухало у меня в груди. Я не хотел отвечать, но глаза Афродиты буквально считывали ответ с моих губ.

— Аннабет в беде!

— Именно! — Афродита расцвела лучезарной улыбкой.

— Я должен помочь ей, — сказал я. — Мне снились такие сны...

— Ах, ты видишь ее даже во сне! Ловко!

— Нет! Я имею в виду... то есть это не то, что я имел в виду.

Афродита прищелкнула языком.

— Перси, я на твоей стороне. В конце концов, я причина того, почему ты здесь.

— Что? — Я уставился на нее.

— Отравленная футболка, которую братья Стоулл подарили Фебе, — сказала Афродита. — Что это, несчастный случай? А кто послал за тобой Пирата? Помог ускользнуть из лагеря?

— Так все это сделали вы?

— Разумеется! Потому что уж очень они скучные, эти охотницы! Поиски какого-то чудовища — ерунда! Спасать Артемиду... По мне, хоть бы она навсегда потерялась. Но поиски настоящей любви...

— Погодите минутку, я никогда не говорил...

— О мой дорогой! Тут и говорить не надо. Тебе ведь известно, что Аннабет едва не присоединилась к охотницам? Известно?

— Я точно не знаю... — Я покраснел.

— Она собиралась даром потратить свою жизнь! И ты, мой дорогой, — ты можешь спасти ее от этой участи. Это так романтично!

— Ну...

— Так, а теперь опусти зеркало, — приказала Афродита. — Я выгляжу прекрасно.

До меня не доходило, что я держу его, но как только я его опустил, то почувствовал, как руки у меня заныли от напряжения.

— Теперь послушай меня, Перси, — сказала Афродита. — Охотницы

— твои враги. Забудь про них, про Артемиду и чудовище. Все это пустяки. Просто сосредоточься на том, чтобы найти и спасти Аннабет.

— Вы знаете, где она?

— Нет-нет. — Афродита раздраженно помахала рукой. — Детали предоставляю тебе. Но уже века прошли с тех пор, как у нас произошла настоящая трагическая история любви.

— Да... но во-первых, я ни разу не упомянул о любви. И во-вторых, что значит «трагическая»?

— Любви подвластно все, — сообщила Афродита. — Возьми Елену и Париса. Разве они позволили кому-нибудь или чему-нибудь встать между ними?

— Разве не из-за них началась Троянская война, унесшая жизни тысяч людей?

— Фи! Не в этом суть. Следуй голосу своего сердца.

— Но... я не знаю, куда оно меня ведет. Я имею в виду мое сердце.

Богиня сочувственно улыбнулась. Она была действительно прекрасна. И не потому, что у нее хорошенькое лицо и все такое. Афродита настолько верила в любовь, что невозможно было не чувствовать легкого головокружения, когда богиня говорила о ней.

— Неведение — только половина удовольствия, — сказала Афродита. — Изысканная боль. Сомнения... кого ты любишь и кто любит тебя? О вы, юные! Вы так прелестны, что я, кажется, сейчас расплачусь.

— Нет-нет, — испугался я. — Не надо.

— Можешь не беспокоиться, — улыбнулась Афродита. — Так легко меня не разжалобить, и я не хочу надоедать тебе. Нет, у меня про запас есть еще несколько дивных сюрпризов. Тоска. Нерешительность. О, ты еще увидишь.

— Это действительно здорово, — согласился я. — Просто слов нет.

— Какой ты все же симпатичный! Хотелось бы, чтобы все мои дочери разбились себе сердце из-за такого красавчика, как ты. — В глазах Афродиты стояли слезы. — А теперь лучше ступай. И будь осторожен на территории моего мужа, Перси. Ничего не бери. Он страшно сердится, когда пропадает какая-нибудь из его железяк.

— Что? — спросил я. — Вы про Гефеста?

Но тут дверца машины распахнулась, Арес сгреб меня за плечо и вышвырнул обратно в ночь. Моя аудиенция у богини любви закончилась.

— Повезло тебе, салага. — Арес отталкивал меня все дальше от лимузина. — Хоть бы поблагодарил.

— За что?

— За то, что мы были так милы с тобой. Если бы речь шла обо мне...

— Так почему же вы не убили меня? — выпалил я в ответ.

Глупо было говорить такое богу войны, но в его присутствии я всегда чувствовал безрассудную ярость.

Арес кивнул, словно я наконец сказал что-то умное.

— Я на самом деле хотел бы убить тебя, — произнес он. — Но по Олимпу прошел слух, что ты можешь начать самую крупную войну в истории человечества. Это ситуация, которой я давно дожидаясь. И я не могу рисковать и испортить все дело. Кроме того, Афродита считает тебя кем-то вроде звезды мыльной оперы. Убей я тебя, и для нее я стану плохим. Но не волнуйся. Как-нибудь скоро — действительно скоро — ты поднимешь меч, чтобы сразиться со мной, и ощутишь гнев Ареса.

— Чего ждать? — Я сжал кулаки. — Я уже побил тебя однажды. Как лодыжка — все еще болит?

Арес криво усмехнулся.

— Неплохо, салага. Но дразниться ты так и не научился. Я задам тебе взбучку, когда буду в форме. А пока — сгинь.

Он щелкнул пальцами, и мир закрутился в облаке красной пыли. Я упал на землю.

Когда я снова встал, лимузин уже уехал. Дорога, закусочная, городишко Хила-Кло — все исчезло. Мы с друзьями стояли посреди свалки — гор металлолома, простиравшихся всюду, куда хватало глаз.

* * *

— Чего она от тебя хотела? — спросила Бьянка, как только я рассказал им про Афродиту.

— Ну... не могу сказать наверняка, — соврал я. — Она велела быть поосторожнее на свалке ее мужа. Сказала — ничего не брать.

Зоя прищурилась.

— Богиня любви никуда не поехала бы только затем, чтобы сказать тебе подобное. Будь осторожен, Перси. Афродита сбива с правильного пути множество героев.

— Должна согласиться с Зоей, — сказала Талия. — Не доверяй Афродите.

Гроувер насмешливо на меня поглядывал. Обладая внутренней эмпатической связью со мной, он обычно мог читать мои эмоции, как открытую книгу, и у меня возникло чувство, что он точно знает, о чем говорила со мной Афродита.

— Итак, — сказал я, желая поскорее сменить тему, — как мы будем отсюда выбираться?

— Пойдем туда. — Зоя указала направление. — Запад там.

— Откуда ты знаешь?

В свете полной луны я ясно видел, как она удивленно поглядела на меня.

— Большая Медведица на севере, а отсюда следует, что там должен быть запад.

Она укачала на запад, потом на северное созвездие, разглядеть которое было не так-то просто — уж слишком много звезд высыпало на небе.

— Ну да, — сказал я. — И медведица там пристроилась.

Зоя оскорбилась.

— Прояви хоть немного уважения. Это была прекрасная медведица. Достойный противник.

— Ты ведешь себя так, будто все эти сказочки — правда.

— Ребята, — вмешался Гроувер, — смотрите!

Мы достигли вершины громоздящегося горой металлолома. Кучи железяк поблескивали в лунном свете: сломанные головы бронзовых лошадей, металлические ноги человеческих статуй, разбитые колесницы, тонны щитов, мечей и другого оружия вперемешку с более современными вещами — автомобилями, которые светились позолотой и серебром, холодильниками, стиральными машинами и мониторами компьютеров. Похоже, всю эту рухлядь сбрасывали сюда веками.

— Ух ты, — удивилась Бьянка, — похоже, тут есть и золотые вещицы.

— Есть, — мрачно произнесла Талия. — Перси же сказал — ничего не трогать. Это свалка богов.

— Свалка? — Гроувер подобрал красивую корону, сделанную из золота, серебра и драгоценных камней. Она была сломана с одной стороны, словно ее отрубили топором. — Это ты называешь мусором?

Он откусил кончик и стал жевать.

— Вкуснятина!

— Я серьезно! — Талия вырвала корону из его рук.

— Глядите! — воскликнула Бьянка.

Она легко сбежала по насыпи, перепрыгивая через бронзовые кольца и золотые блюда, и подобрала лук, отливавший серебром в лунном свете.

— Лук охотницы! — Бьянка даже взвизгнула от удивления, когда лук стал съеживаться в ее руках и превратился в заколку для волос в форме молодого месяца. — Точь-в-точь как меч Перси!

— Оставь это, Бьянка, — сказала Зоя, помрачнев.

— Но...

— Он здесь не просто так. Все, что выбрасывают на эту свалку, должно здесь и оставаться. В нем есть какой-то скрытый изъян. Или оно проклято.

Бьянка неохотно положила на землю заколку.

— Не нравится мне это место, — сказала Талия и поудобнее перехватила древко копья.

— Думаешь, на нас нападут холодильники-убийцы? — сострил я.

Талия посмотрела на меня сурово.

— Зоя права, Перси. Просто так вещи сюда не выбрасывают. А теперь пошли, надо миновать эту свалку.

— Я смотрю, ты уже второй раз соглашаешься с Зоей, — пробормотал я, но Талия не отреагировала.

Мы стали пробираться через мусорные холмы и долины. Валявшиеся здесь вещи образовывали какой-то нескончаемый завал, и, если бы не Большая Медведица, мы непременно заблудились бы. Все насыпи выглядели почти одинаково.

Рад был бы сказать, что мы ничего не трогали, но среди мусора попадалось много классных вещей, которые хотелось рассмотреть получше. Я наткнулся на электрогитару в форме лиры Аполлона — такую красивую, что не смог отказать себе в удовольствии немного подержать ее в руках. Гроувер нашел сломанное металлическое дерево. Оно было разрублено на куски, но на некоторых ветках все еще сохранились золотые птицы, они с жужжанием вертелись на дереве и пытались хлопать крыльями.

Наконец примерно в полумиле впереди мы увидели край свалки и огни скоростной автострады, протянувшейся через пустыню. Но между нами и дорогой...

— Что это? — переводя дух, спросила Бьянка.

Перед нами возвышалась насыпь больше и длиннее остальных. Она была похожа на металлическое плоскогорье длиной в футбольное поле и высотой со стойки ворот. На одном конце плоскогорья выстроились в ряд десять толстых металлических колонн, плотно сомкнутых вместе.

— Они похожи на... — нахмурилась Бьянка.

— Пальцы ног, — сказал Гроувер.

— Такие большие-большие пальцы, — кивнула Бьянка.

Зоя и Талия нервно переглянулись.

— Давайте-ка обойдем их стороной, — сказала Талия. — И подальше.

— Но дорога прямо перед нами, — возразил я. — Карабкайтесь быстрее вверх.

Звяк.

Талия взяла копье наперевес, а Зоя вытащила лук, но тут я понял, что это всего лишь Гроувер. Он швырнул кусок железа и попал в один из пальцев, удар отозвался глубоким эхом, будто колонна была полый.

— Зачем ты это сделал? — спросила Зоя.

Гроувер съежился.

— Сам не знаю. Наверное, мне не нравятся бутафорские ноги...

— Пойдем. — Талия посмотрела на меня. — Обойдем вокруг.

Я не стал спорить. Пальцы тоже навели на меня страх. И вот почему: кому придет в голову извять десятифутовые металлические пальцы и втыкать их в землю перед входом на свалку?

После нескольких минут ходьбы мы наконец вышли на шоссе — пустынную, но хорошо освещенную полосу черного асфальта.

— Удалось, — произнесла Зоя. — Слава богам.

Но боги явно не нуждались в нашей благодарности. В этот момент я услышал такой грохот, словно тысяча прессов одновременно плющила металлические отбросы.

Я стремительно обернулся. Гора металлолома за нами зашевелилась и стала подниматься. Затем десять колонн наклонились, и я понял, почему они похожи на пальцы. Они и были пальцами. Из груды металла восстал бронзовый гигант, облаченный в древнегреческие доспехи. Он был невероятно высоким — небоскреб с руками и ногами. Гигант зловеще поблескивал в лунном свете. Он посмотрел на нас сверху вниз, и мы увидели, что лицо его изуродовано, левая сторона частично оплавилась. Ржавые суставы скрипели, а на закованной в броню груди металлического урода кто-то жидкой грязью начертал: «ВЫМОЙ МЕНЯ».

— Талос! — выдохнула Зоя.

— Талос... К-кто такой Талос? — запинаясь, спросил я.

— Одно из созданий Гефеста, — ответила Талия. — Но это не может быть оригинал. Слишком маленький. Возможно, прототип. Дефектная модель.

Металлическому великану явно не понравилось слово «дефектная». Он поднес руку к перевязи, на которой висел его меч, и достал оружие. Меч выполз из ножен с чудовищным звуком — заржавевшее лезвие скрежетало

о металл ножен. Клинок имел по крайней мере футов сто в длину. Он был тусклый и ржавый, но, мне кажется, это не имело большого значения. Удар, нанесенный такой штукой, все равно что удар, нанесенный форштевнем боевого корабля.

— Кто-то что-то взял, — констатировала Зоя. — Кто из вас что-то взял?

Она обвиняюще посмотрела на меня.

Я покачал головой.

— Я, конечно, иногда хулиганю, бывает, но я не вор.

Бьянка промолчала. Готов поклясться, что вид у нее был виноватый, но размышлять об этом стало некогда, поскольку дефектный великан Талос шагнул к нам, покрыв заразу половину расстояния, и земля задрожала.

— Бегите! — завопил Гроувер.

Гениальный совет, если не брать во внимание, что он бесполезен. Даже прогулочным шагом эта штуковина сто раз опередила бы нашу группу.

Мы кинулись врассыпную — точно так же, как в схватке с Немецким львом. Талия достала свой щит и прикрывалась им, стремглав несясь по шоссе. Гигант взмахнул мечом, обрушив ряд опор силовых линий, которые взорвались, рассыпая искры, и преградили Талии путь.

Выпущенные Зоей стрелы со свистом летели в лицо великана, но гнулись о металл, не причиняя ему никакого вреда. Гроувер, истощенно вопя, карабкался на гору металла. Мы с Бьянкой в конце концов оказались вместе, спрятавшись за сломанной колесницей.

— Ты что-то взяла, — сказал я. — Тот лук.

— Нет, — ответила она дрожащим голосом.

— Верни! — скомандовал я. — Брось его!

— Я... я не брала лук! Потом, уже слишком поздно.

— А что же ты взяла?

Прежде чем она успела ответить, раздался могучий хруст, и с неба на нас упала тень.

— Беги!

Я рванул вниз по насыпи, и Бьянка устремилась за мной в тот момент, когда нога великана оставила огромную вмятину как раз там, где мы только что прятались.

— Эй, Талос! — крикнул Гроувер, но чудовище занесло меч, глядя на Бьянку и на меня.

Гроувер исполнил стремительную мелодию на дудках. Протянувшиеся вдоль шоссе столбы линии электропередач принялись выплясывать сумасшедшую джигу. Я понял, что собирается сделать Гроувер, на долю

секунды раньше, чем это произошло. Одна из вышек обвилась проводами, находившимися под напряжением, вокруг бедра Талоса. Провода искрились, посылая весь свой разряд в тело гиганта.

Талос закрутился на месте, потрескивая и вспыхивая разрядами. Гроувер выиграл несколько секунд.

— Пошли! — сказал я Бьянке.

Но она застыла как вкопанная. Потом достала из кармана маленькую металлическую статуэтку — фигурку бога.

— Это... это для Нико. Это единственная фигурка, которой у него не было.

— Как ты можешь думать о «Мифах и магии» в такой момент? — спросил я.

На глазах у Бьянки показались слезы.

— Брось ее, — сказал я. — Может, тогда великан оставит нас в покое.

Бьянка неохотно бросила фигурку, но ничего не произошло.

Великан продолжал гнаться за Гроувером. Он обрушил меч на мусорную насыпь, промахнувшись всего на несколько футов, но лавина металлолома накрыла сатира, и какое-то время я его не видел.

— Нет! — выкрикнула Талия.

Она нацелила копье, и из наконечника его вырвалась дуга голубого света, угодившая чудовищу в ржавое колено. Нога его подогнулось. Великан рухнул, но тут же снова начал подниматься. Трудно было сказать, чувствует ли он вообще хоть что-нибудь. На его полуоплавленном лице не отражалось никаких эмоций, но у меня возникло ощущение, что досталось ему так, как только может достаться металлическому воину ростом с каланчу.

Он занес ногу, чтобы прихлопнуть нас, и я заметил, что его подошва устроена так же, как подошва кроссовок. В пятке имелось отверстие, в которое вполне мог бы пробраться человек, а вокруг него красным были напечатаны слова, разобрать которые мне удалось только после того, как он топнул ногой: «ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ».

— Настало время бредовых идей, — сказал я.

— Придумай хоть что-нибудь, — нервно взглянула на меня Бьянка.

Я рассказал ей о люке.

— Должен быть способ контролировать эту тварь. Какие-нибудь выключатели. Полезу и посмотрю.

— Как? Тебе придется забраться к нему под ногу. Он тебя растопчет!

— Отвлеки его, — предложил я. — Мне нужно только правильно рассчитать время.

— Нет. — Бьянка стиснула зубы. — Пойду я.

— Ты не сможешь. Ты же в этом деле — новичок! Ты погибнешь.

— Моя вина в том, что чудовище погналось за нами, — возразила она. — Ответственность лежит на мне. Вот. — Подобрал фигурку бога, она с силой втиснула ее мне в ладонь. — Если что-нибудь случится, передай это Нико. Скажи ему... скажи ему, что мне жаль.

— погоди, Бьянка!

Но она не стала дожидаться меня, бросившись на левую ногу чудовища.

В эту минуту его внимание отвлекала Талия. Она усвоила, что великан огромный, но медлительный. Если встать поближе к нему и не попасть под пресс его ступни, его можно обегать кругом и остаться в живых. По крайней мере, до сих пор это срабатывало.

Бьянка вплотную приблизилась к ноге великана, стараясь не потерять равновесие на металлических обломках, которые раскачивались под его тяжестью.

— Что ты делаешь? — выкрикнула Зоя.

— Заставьте его поднять ногу! — отозвалась Бьянка.

Зоя выпустила в лицо гиганту стрелу, которая застряла в его ноздре. Великан выпрямился и потряс головой.

— Эй, ты, чучело мусорное! — заорал я. — Давай сюда!

Подбежав к большому пальцу его ноги, я рубанул по нему мечом. Анаклузмос рассек бронзу.

К несчастью, мой план сработал. Талос посмотрел вниз и занес ногу, чтобы раздавить меня, как клопа. Я не видел, что делает в этот момент Бьянка. Единственное, что мне оставалось, — это повернуться и опрометью броситься бежать. Нога Талоса опустилась в двух дюймах позади меня, и меня подбросило в воздух. Я ударился обо что-то твердое и упал на колени, все плыло перед глазами. Я приземлился прямо на холодильник компании «Олимпик эйр».

Монстр собирался покончить со мной, однако тут Гроуверу каким-то образом удалось выцарапаться из накрывшей его кучи металлического хлама. Он неистово заиграл на дудках, и звуки его музыки заставили другую электровышку опрокинуться, врезавшись в бедро Талоса. Чудовище обернулось. Гроуверу следовало бы бежать, но, должно быть, он вложил последние силы в магию своей музыки. Сделав два шага, он упал и уже не поднялся.

— Гроувер! — Мы с Талией ринулись к нему, но я понимал, что уже поздно.

Монстр занес меч, чтобы не оставить от Гроувера мокрого места. Потом он вдруг замер там, где стоял.

Талос склонил голову набок, словно прислушиваясь к новой странной музыке. Потом стал дергать руками и ногами, выделявая замысловатые коленца. Затем сжал руку в кулак и изо всех сил ударил себя в лицо.

— Бьянка! — громко позвал я. — Вылезай оттуда!

Зоя с ужасом посмотрела на меня.

— Она что, внутри?

Чудовище зашаталось, и я понял, что мы все еще в опасности. Мы с Талией схватили Гроувера и поволокли его к шоссе. Зоя уже обогнала нас.

— Как же Бьянка сможет выбраться? — закричала она.

Великан снова ударил себя по лицу и выронил меч. Дрожь пробежала по всему его телу, и он, пошатываясь, побрел в сторону линий электропередач.

— Берегись! — завопил я, но было уже слишком поздно.

Великан зацепил лодыжкой за провод, и голубые электрические искры впились в его тело. Я надеялся, что внутри его проложена изоляция. Но не имел никакого представления, что там творится. Великана занесло назад, к свалке, и его правая рука отвалилась, упав на кучу металлолома с оглушительным клацаньем.

За ней последовала левая рука. Гигант распадался по швам, на куски.

И тогда Талос обратился в бегство.

— Постой! — вопила ему вслед Зоя.

Мы бросились вслед за великаном, но догнать его, разумеется, не смогли. К тому же нам мешали куски разваливающегося робота, то и дело преграждавшие нам путь.

Великан распадался сверху вниз: на землю рухнула сначала его голова, затем — части грудной клетки и наконец туловище и ноги. Добравшись до развалин, мы стали искать Бьянку, выкрикивая ее имя. Мы ползали в огромных полых частях тела чудовища. Поиски продолжались до самого восхода, но безуспешно.

Зоя села на землю и разрыдалась. Я был ошеломлен, увидев ее плачущей.

Талия, рыча от ярости, вновь и вновь вонзала меч в искореженное лицо великана.

— Мы можем продолжить поиски, — сказал я. — Уже рассвело. Мы найдем ее.

— Не найдем, — жалобно произнес Гроувер. — Чему быть — того не миновать.

— О чем это ты? — спросил я.

Он посмотрел на меня большими слезящимися глазами.

— Я о пророчестве. «И один в пустыне обратится в прах».

Как я не сообразил это раньше? Почему не пошел вместо нее?

Так мы оказались в пустыне. И Бьянки ди Анджело с нами уже не было.

Глава четырнадцатая

Проблемы возникают на плотине

На краю свалки мы нашли тягач, такой старый, что, вполне вероятно, его бросили за ненадобностью. Но мотор заводился, и бак был полон, поэтому мы решили его позаимствовать.

За руль уселась Талия. Казалось, она не так подавлена, как Зоя, Гроувер или я.

— Где-то тут еще бродят скелеты, — напомнила она нам. — Надо двигаться быстро.

Талия уверенно везла нас по пустыне под безоблачными синими небесами, через пески, такие яркие, что на них больно было смотреть. Зоя сидела спереди, рядом с Талией. Мы с Гроувером устроились в задней части пикапа, прислонившись к лебедке. Воздух был сухим и прохладным, но хорошая погода казалась нам просто насмешкой после потери Бьянки.

Я сжимал в руке фигурку, стоившую ей жизни. Я до сих пор не мог разобраться, что это за бог. Ничего, Нико лучше знать.

О боги... что я теперь скажу Нико?

Хотелось верить, что Бьянка где-то там, что она по-прежнему жива. Но у меня было скверное чувство, что она ушла навсегда.

— На ее месте должен был быть я. Я должен был забраться внутрь великана.

— Не говори так! — в панике набросился на меня Гроувер. — Сначала исчезла Аннабет, и вот теперь — Бьянка. Думаешь, я смог бы вынести, если... — Он шмыгнул носом. — Думаешь, кто-нибудь сможет заменить мне лучшего друга?

— Ах, Гроувер...

Он вытер глаза промасленной тряпкой, после чего на лице у него остались разводы, напоминавшие боевую раскраску.

— Со мной... со мной все в порядке.

Но это была неправда. После той встречи в Нью-Мехико — после того, что случилось, когда из чащи подул тот ветерок, — сатир казался каким-то ранимым и даже более эмоциональным, чем обычно. Я боялся даже заговаривать с Гроувером об этом, потому что он мог расплакаться навзрыд.

Когда рядом с тобой находится друг, еще более напуганный и подавленный, чем ты, в этом есть по крайней мере одна хорошая сторона. Гроувер помог мне понять, что я не могу постоянно пребывать в депрессии.

Надо было забыть о Бьянке и ехать вперед, как это делала Талия. Оставалось только гадать, о чем они там говорят с Зоей на переднем сиденье.

* * *

У тягача кончился бензин на краю речного каньона. Впрочем, разница небольшая — дорога все равно заканчивалась тупиком.

Талия выбралась из кабины, тяжело хлопнув за собой дверцей. И тут же одна из покрышек со свистом выпустила воздух.

— Здорово. Что дальше?

Я внимательно оглядел горизонт и ничего особенного не увидел. Во всех направлениях простиралась пустыня, редкие массивы голых гор высились то тут, то там. Единственное, что привлекало внимание, — каньон. Сама по себе река была не такой уж и большой — шириной ярдов пятьдесят, мутновато-зеленая вода, несколько быстрых порогов. Скалы утесистыми ступенями спускались вниз, к воде.

— Тут есть тропинка, — сказал Гроувер. — Можно прогуляться к реке.

Я постарался разглядеть то, о чем он толкует, и в конце концов заметил крохотный извилистый карниз на отвесной скале.

— Тут только козел пройдет, — сказал я.

— И что? — спросил Гроувер.

— Но мы-то не козлы.

— Мы можем попробовать, — сказал Гроувер. — Я так думаю...

Но я уже об этом подумал. Скалолазанием мне приходилось заниматься и раньше, однако я никогда не любил это занятие. Потом я оглянулся на Талию и увидел, как она побледнела. С ее боязнью высоты... она никогда не преодолеет это препятствие.

— Нет, — сказал я, — думаю, лучше нам подняться вверх по течению.

— Но...

— Пойдем, Гроувер. Хорошая прогулка нам не помешает.

Я быстро взглянул на Талию. В ее глазах так же стремительно промелькнула благодарность.

Мы прошли вдоль реки около полумили, прежде чем нашли менее крутой склон, который вел к воде. На берегу располагался прокат лодок, закрытый ввиду зимы, но я оставил кучку золотых драхм на прилавке и записку: «Благодарю за две лодки».

— Надо идти вверх по течению, — сказала Зоя.

Я впервые услышал, как она заговорила после того, что случилось на свалке, и даже забеспокоился — такой надорванный и хриплый у нее был голос, словно она подхватила простуду.

— Слишком крутые пороги.

— Предоставьте это мне, — сказал я.

Мы спустили лодки на воду.

Талия толкнула меня в бок, когда мы разбирали весла.

— Спасибо за поддержку.

— Пустяки, не стоит.

— Ты действительно сможешь?.. — Она кивнула на пороги. — Ну, понимаешь...

— Полагаю, да. С водой я обычно в ладах.

— Возьмешь Зою? — спросила Талия. — Думаю, ты мог бы поговорить с ней.

— Вряд ли ей это понравится.

— Пожалуйста. Не уверена, что смогу выдержать путешествие в одной лодке с ней. Она... она начинает меня беспокоить.

Меньше всего на свете мне хотелось этого, но я кивнул.

— Я перед тобой в долгу. — С Талии всю напряженность как рукой сняло.

— Два раза.

— Полтора.

Она улыбнулась, и на мгновение я вспомнил, что она, в общем-то, симпатичная девчонка, особенно когда не орет на меня. Талия повернулась и помогла Гроуверу столкнуть лодку на воду.

Как выяснилось, мне даже не пришлось контролировать течение. Стоило нам оказаться в реке, я посмотрел за борт и увидел парочку наяд, во все глаза глядевших на меня.

Они выглядели как обычные девчонки-подростки — таких можно увидеть десятками в любом торговом центре, — не считая того, что они находились под водой.

— Привет, — сказал я.

Они забулькали, что могло означать хихиканье. Не могу сказать точно. Я всегда с трудом понимал наяд.

— Мы плывем вверх по течению, — обратился я к ним. — Вы не могли бы...

Не успел я это выговорить, как наяды, выбрав каждая по лодке, стали увлекать ее вверх по течению. Мы стартовали так стремительно, что Гроувер повалился на спину, задрав копыта.

— Ненавижу наяд, — проворчала Зоя.
Струйка воды вырвалась из-под борта лодки и плеснула Зое в лицо.
— Дьяволицы! — Зоя сердито уселась на носу суденышка, но я сказал:
— Брось ты, они просто играют.
— Будь прокляты эти водные духи! Они никогда не простят меня.
— За что?
— Это было давно. Не обращай внимания. — Зоя перекинула лук через плечо.

Мы неслись вверх по реке, по обе стороны маячили скалы.
— То, что случилось с Бьянкой, не твоя вина, — сказал я. — Это моя ошибка. Я отпустил ее.

Я вообразил, что таким образом предоставлю Зое повод накричать на меня. По крайней мере, это могло бы вывести ее из депрессии.

Однако плечи ее безвольно обвисли.

— Нет, Перси. Я втянула ее в этот поиск. Я слишком горячилась. Она была могучей полукровкой. К тому же у нее было доброе сердце. Я... я думала, она станет старшей вместо меня.

— Но ты же сейчас старшая среди охотниц...

Зоя взялась рукой за перевязь колчана. Такой усталой я ее еще никогда не видел.

— Ничто не может длиться вечно, Перси. Я руковожу охотой более двух тысяч лет, но мудрее не стала. Теперь и сама Артемида в опасности.

— Послушай, ты не можешь укорять себя за это.

— Если бы я настояла на том, чтобы отправиться с ней...

— Думаешь, тебе удалось бы справиться с чем-то столь могущественным, что могло похитить Артемиду? Ты ничего не могла сделать.

Зоя не ответила.

Скалы по берегам реки становились выше. Длинные тени ложились на воду, делая ее намного холоднее, хотя день стоял ясный.

Я машинально достал из кармана ручку. Зоя посмотрела на нее, и ее лицо исказилось от боли.

— Ты сделала это, — сказал я.

— Откуда тебе это ведомо?

— Видел во сне.

Она внимательно посмотрела на меня. Я был уверен, что она обзовет меня болваном, но Зоя только вздохнула.

— Это был дар. И ошибка.

— И кто был этот герой?

— Не заставляй меня называть его имя, — покачала головой Зоя. — Я поклялась никогда более не произносить его.

— Ты ведешь себя так, словно я должен его знать.

— Уверена, что знаешь, герой. Разве не все мальчишки хотят походить на него?

В голосе ее звучала такая горечь, что я решил не спрашивать дальше. Взглянул на Анаклузмос и впервые задумался, уж не проклят ли он.

— Твоя мать была богиней вод? — спросил я.

— Да, Плейона. У нее было пять дочерей. Сестры и я. Геспериды.

— Те самые девушки, которые жили на западном краю мира в саду, где росла яблоня, приносявшая золотые яблоны, и дракон стерег ее?

— Да, — с тоской произнесла Зоя. — Ладон.

— Но разве сестер было не четверо?

— Теперь — да. Я подверглась изгнанию. Про меня забыли. Вычеркнули из памяти, словно меня и не существовало вовсе.

— Почему?

Зоя указала на ручку.

— Потому что я предала семью, чтобы помочь герою. В мифе ты этого не найдешь. Он никогда не рассказывал обо мне. После того как его открытая атака на Ладона провалилась, я подала ему мысль, как украсть яблоки и перехитрить отца, но он приписал все заслуги себе.

— Но...

«Буль, буль», — прозвучали у меня в ушах голоса наяд.

Лодка сбавила ход. Я посмотрел вперед и понял почему.

Дальше они уже не могли тащить нас. Река была перекрыта. Плотина величиной с футбольный стадион преграждала нам путь.

* * *

— Плотина Гувера, — сказала Талия. — Какая большая!

Мы остановились там, где кончается река, глядя на изогнутую бетонную стену, которая маячила между скалами. По верху плотины бродили люди. Они казались крохотными, как муравьи.

Наяды уплыли, не переставая ворчать — слов я, конечно, не понимал, но было ясно, что они ненавидят эту плотину, перегородившую такую чудесную реку. Наши лодки стало сносить течением, крутя в волнах, извергнутых плотинной.

— Высота семьсот футов, — сказал я. — Построена в тысяча

девятьсот тридцатых годах.

— Пять миллионов кубических акров воды, — добавила Талия.

— Самый крупный строительный проект в Соединенных Штатах, — вздохнул Гроувер.

— Откуда вы все это знаете? — удивилась Зоя.

— Аннабет, — ответил я. — Она любила архитектуру.

— Она просто балдела от памятников.

— Всякие факты из нее фонтаном били, — фыркнул Гроувер. — Такая зануда.

— Хотелось бы мне, чтобы она была здесь, — сказал я.

Все кивнули. Зоя по-прежнему смотрела на нас как-то странно, но меня это не волновало. Казалось жестокой несправедливостью то, что мы добрались до плотины Гувера, одного из любимых сооружений Аннабет, а она не может его увидеть.

— Нам надо подняться наверх, — предложил я. — Ради нее. Просто чтобы сказать, что мы там были.

— Вы сумасшедшие, — заключила Зоя. — Но нам все равно туда. — Она указала на большую парковку чуть ли не на самом верху плотины. — Вид оттуда должен быть потрясающий.

* * *

Мы шли почти целый час, прежде чем нашли тропинку, ведущую к дороге. Она проходила по восточному берегу реки. Затем двинулись обратно к плотине. Здесь, наверху, было холодно и ветрено. По одну сторону раскинулось большое водохранилище, обрамленное лишенными всякой растительности горами. По другую сторону плотина обрывалась вниз, как самый большой и самый опасный пандус для скейтборда в мире, в семистах футах под нами из щелей дамбы в реку извергались бурлящие потоки воды.

Талия шла посередине дороги, подальше от обрывистых краев. Гроувер продолжал нервно принахиваться к ветру. Он ничего не говорил, но я знал, что он почуял монстров.

— Они близко? — спросил я его.

— Кто его знает? — Сатир покачал головой. — На плотине ветрено, кругом пустыня... запах может разноситься на мили. Но я чую его со всех сторон. Мне это не нравится.

Мне это тоже не очень-то нравилось. Была среда — до зимнего

солнцестояния оставалось всего два дня, а нам предстоял еще долгий путь. Монстры были бы как нельзя некстати.

— В центре для посетителей есть закусочная, — сказала Талия.

— Ты уже была здесь? — спросил я.

— Один раз. Хотела посмотреть на стражей.

Она указала в дальний конец плотины. В одну из скал была врезана маленькая площадка с двумя большими бронзовыми изваяниями. Они напоминали крылатые статуэтки Оскара.

— Когда плотину построили, их посвятили Зевсу, — сказала Талия. — Дар Афины.

Туристы плотной толпой сгрудились вокруг статуй. Казалось, они смотрели на их ноги.

— Что они делают? — спросил я.

— Потирают большие пальцы, — ответила Талия. — Говорят, это хорошая примета.

— Почему?

— Людям иногда приходят на ум дурацкие мысли. — Талия пожала плечами. — Они не знают, что статуи посвящены Зевсу, но знают, что они какие-то особенные.

— Когда ты была здесь прошлый раз, они заговаривали с тобой?

Лицо Талии омрачилось. Я понял, что она приезжала сюда, надеясь именно на это — какой-нибудь знак от отца. Пытаясь установить контакт.

— Нет. Ничего они не делали. Это просто большие металлические статуи.

Я вспомнил о другой большой металлической статуе, с которой мы повстречались. Нельзя сказать, чтобы она вела себя как паинька. Но я решил не касаться этой темы.

— Пойдемте поищем в том конце плотины закусочную, — сказала Зоя. — Надо поесть, пока можно.

— Чертову ^[16] закусочную? — хохотнул Гроувер.

— Да. — Зоя моргнула. — А что смешного?

— Ничего, — сказал Гроувер, стараясь сохранять строгое выражение лица. — Я, пожалуй, возьму чертову жареную картошку.

Талия тоже не смогла сдержать улыбку.

— А я не отказалась бы от чертова сортира.

Может, все дело было в том, что мы слишком устали и были напряжены эмоционально, но смешки оказались заразительными, и я присоединился к Талии и Гроуверу; Зоя смотрела на нас, ничего не понимая.

— Объясните, в чем дело?

— Я хотел бы выпить воды из чертова фонтана, — продолжил Гроувер.

— А я... — задыхаясь от смеха, произнесла Талия, — я хотела бы купить чертову футболку.

Я «сломался» и громко захохотал и, наверное, так и смеялся бы до скончания века, но вдруг услышал: «Му-у-у-у!»

Улыбка сбегала с моего лица. Я подумал, уж не прозвучал ли этот крик только у меня в голове, но Гроувер тоже прекратил смеяться. Он смущенно огляделся.

— Мне послышалось, что где-то здесь коровы.

— Чертовы коровы? — рассмеялась Талия.

— Нет. Я серьезно, — сказал Гроувер.

Зоя прислушалась и покачала головой.

— Ничего не слышу.

Талия посмотрела на меня.

— Перси, с тобой все в порядке?

— Да, — ответил я. — Вы, ребята, идите вперед. Я вас догоню.

— Что случилось? — спросил Гроувер.

— Ничего, — сказал я. — Просто... мне надо немного подумать.

Они засомневались, но, должно быть, вид у меня был действительно расстроенный, потому что в конце концов они пошли в центр для посетителей без меня. Как только они скрылись из виду, я трусцой подбежал к северному краю плотины и посмотрел вниз.

— Му-у-у-у!

Она была в воде, всего в тридцати футах подо мной, но я видел ее отчетливо — моя подруга с Лонг-Айленда, змеевидная корова Бесси.

Я оглянулся. Стайки мальчишек гонялись по плотине. Среди посетителей преобладали взрослые, некоторые приезжали сюда семьями. Но никто из них не обращал на Бесси внимания.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

— Му-у-у!

В голосе коровы слышались тревожные нотки, будто она хотела о чем-то предупредить меня.

— Как ты сюда попала? — продолжал допытываться я.

Мы находились в тысяче миль от Лонг-Айленда, на сотню миль в глубь материка. Невероятно, что корова смогла приплыть сюда. Однако же она была здесь.

Бесси плавала кругами и билась головой о стены плотины.

— Му-у-у-у!

Она хотела, чтобы я отправился с ней. И просила поторопиться.

— Я не могу, — сказал я. — Здесь мои друзья.

Она посмотрела на меня печальными карими глазами. Затем еще раз тревожно замычала, сделала сальто и скрылась под водой.

Я пребывал в нерешительности. Что-то случилось. Бесси пыталась сообщить мне об этом. Я подумал, уж не прыгнуть ли мне в воду и не последовать ли за Бесси, но тут же весь напрягся. Волосы на затылке встали дыбом. Поглядев на восток, на ведущую к плотине дорогу, я увидел двух медленно приближавшихся ко мне мужчин. Они были в серой камуфляжной форме, раздуваемой ветром на костях скелетов.

Проходя сквозь группу ребятишек, они растолкали их в стороны.

— Эй, осторожнее! — запротестовал какой-то мальчишка.

Один из воинов обернулся, и лицо его мгновенно обратилось в череп.

— Ой! — завопил ребенок, и вся группа попятилась.

Я бросился к центру для посетителей.

Я был уже почти на лестнице, когда услышал скрип покрышек. С западной стороны плотины вывернул черный мини-фургон и остановился посреди дороги, едва не врезавшись в каких-то старичков.

Дверцы фургона открылись, и из них, тесня друг друга, стали выскакивать новые воины-скелеты. Меня окружали.

Молнией метнувшись по лестнице, я ворвался в дверь музея. Стоявший у металлоискателя охранник завопил: «Эй, парень!» — но я не остановился.

Пробежав мимо экспонатов, я укрылся за спинами группы туристов и стал вертеть головой в разные стороны, ища своих друзей, но их нигде не было. Где же этот чертов бар?

— Стой! А ну-ка иди сюда! — громко крикнул парень у металлоискателя.

Деваться было некуда, только в лифт, следом за туристами. Я едва успел проскочить, прежде чем двери закрылись.

— А теперь мы опустимся на семьсот футов, — жизнерадостно провозгласила наш гид. Кажется, это была смотритель с парковки, женщина с длинными черными волосами, завязанными хвостиком, и в темных очках. Мне показалось, она не заметила, что за мной гонятся. — Не волнуйтесь, дамы и господа. Лифт почти никогда не ломается.

— До бара доедет? — спросил я.

За моей спиной послышались смешки. Гид посмотрела на меня. Было что-то такое в ее взгляде, отчего у меня по всему телу забегали мурашки.

— Лифт опустит нас в машинный зал, молодой человек, — сказала она. — Вы разве не слышали мою увлекательную лекцию там, наверху?

— Конечно же да. А другой выход тут есть?

— Это тупик, — сказал кто-то из туристов за моей спиной. — Ради всего святого, помолчи. Единственный выход — это другой лифт.

Двери открылись.

— Прошу вас, господа, идите прямо, — сказала гид. — В конце коридора вас ждет другой экскурсовод.

Выбора не было, и мне пришлось двинуться вместе с группой.

— Молодой человек! — окликнула меня дама в черных очках.

Я оглянулся. Она сняла очки. У нее были поразительные серые глаза, цвета грозových туч.

— Выход есть всегда. Для того, кто достаточно умен, чтобы найти его.

Дверцы закрылись, скрыв от меня экскурсоводшу, и я остался один.

Прежде чем я успел хорошенько призадуматься насчет этой женщины из лифта, из-за угла донеслось «динг!». Подъехал второй лифт, и я услышал звук, который невозможно ни с чем перепутать, — клцанье зубов зомби.

По туннелю, вырубленному в сплошном камне, я бросился догонять туристическую группу. Казалось, я бегу целую вечность. Стены были влажные, и воздух буквально гудел от электричества и рева воды. Я оказался на U-образной верхней галерее, окна которой выходили на огромную площадку. В пятидесяти футах внизу вращались гигантские турбины. Это была большая комната, но я не видел иного выхода, кроме как спрыгнуть в турбину и быть перемолотым на кусочки... во благо электрификации. М-да, особого желания не возникало.

Другой гид в микрофон рассказывал туристам о водных ресурсах Невады. Я взмолился, чтобы с Талией, Зоей и Гроувером все было в порядке. Их ведь уже могли схватить, а может, они сидят в баре, не подозревая, что мы окружены. И какой же я дурак: попался в ловушку в норе на сотни футов ниже уровня земли!

Я проталкивался сквозь толпу туристов, стараясь не особенно бросаться в глаза. В другом конце галереи был коридор — может, мне удастся спрятаться там. Рука моя сжимала Анаклузмос, готовая к тому, чтобы в любой момент нанести удар.

Когда я добрался до противоположного конца галереи, нервы у меня были на пределе. Попятившись в маленький коридор, я посмотрел на туннель, из которого вышел.

Тут прямо у меня за спиной раздалось резкое шипение, похожее на голос зомби.

Повинуясь мгновенному импульсу, я сорвал колпачок с Анаклузмоса и, развернувшись, взмахнул мечом.

Девушка, которую я только что пытался разрубить напополам, взвизгнула, выронив бумажный носовой платок.

— О господи! — воскликнула она. — Вы всегда убиваете людей, которые сморкаются?

Первое, что мелькнуло у меня в голове, — меч не ранил ее! Он нечувствительно прошел сквозь ее тело.

— Так вы смертная?!

Она смерила меня недоверчивым взглядом.

— Что это значит? Разумеется, смертная! Как вам удалось пронести меч через охрану?

— Я не проносил... И вообще, где вы тут видите меч?

Девушка вытаращила на меня зеленые, точь-в-точь как у меня самого, глаза У нее были каштановые, с рыжеватым отливом кудряшки и красный нос — словно она простудилась. Композицию удачно завершали большая темно-бордовая фуфайка с эмблемой Гарварда и джинсы, все в пятнах от маркера и дырочках, как будто в свободное время она только и делала, что ковыряла их вилкой.

— Что ж, если это не меч, то самая большая зубочистка в мире. — Она вздернула плечо. — А почему же я не ранена? То есть я не жалуясь. Кто вы такой? И — вау! — что это на вас? Это львиный мех?

Девушка задавала столько вопросов сразу и с такой быстротой, будто швырялась камнями. Я не успевал отвечать. Посмотрев на свои рукава, я увидел, что шкура Немейского льва каким-то образом снова превратилась в мех, но все равно выглядела на мне как коричневое зимнее пальто.

Я понимал, что зомби продолжают охоту за мной. Нельзя было терять время. Но я стоял и пялился на рыжекудрую девушку. Потом вспомнил, что Талия сделала в Уэстовер-холле, чтобы провести учителей. Может, и мне удастся повелевать туманом?

Я изо всех сил сосредоточился и щелкнул пальцами.

— Ты не видишь никакого меча, — сказал я девушке. — Это всего лишь шариковая ручка.

— Да нет же... — Она заморгала. — Это меч, чужак.

— А ты кто? — спросил я.

Девушка возмущенно фыркнула.

— Рейчел Элизабет Дэр. Так ты собираешься отвечать на мои вопросы или мне вызвать охрану?

— Нет! — сказал я. — То есть... я вроде как тороплюсь. Я в беде.

— Так в беде или торопишься?

— Ну... и то и другое.

Она посмотрела через мое плечо, и глаза ее широко распахнулись.

— В уборную!

— Что?

— В уборную! За моей спиной! Скорее!

Не пойму почему, но я послушался ее. Проскользнув в мужской туалет, я оставил Рейчел Элизабет Дэр снаружи. Потом это показалось мне трусостью. В то же время я совершенно уверен, что это спасло мне жизнь. Я слышал хруст и шипение приближавшихся зомби.

Я крепче вцепился в рукоять меча. О чем я в ту минуту думал? Я оставил смертную девушку на погибель. Я уже готовился рвануться вперед и врубиться в толпу воинов-зомби, когда Рейчел Элизабет Дэр кинулась к ним и принялась трещать как заведенная.

— О боже мой! Вы видели этого парня? Вы ведь здесь уже давно? Он хотел убить меня! У него такой меч, господи спаси! А вы тоже хороши, охранники, пустили размахивающего мечом параноика на территорию национальной достопримечательности! Черт знает что такое! Он побежал вон туда к этим... как их называют... турбинам. Думаю, он пытался пробраться на другую сторону. Наверное, упал.

Зомби возбужденно затрещали. Я услышал, как они уходят.

Рейчел открыла дверь.

— Все чисто. Но лучше тебе поторопиться.

Вид у нее был потрясенный. Лицо посерело, и пот стекал по нему крупными каплями.

Я выглянул за угол. Трое скелетов бежали к другому концу галереи. Путь к лифту на несколько секунд был свободен.

— Я перед тобой в долгу, Рейчел Элизабет Дэр.

— Кто это такие? — спросила она. — Они были похожи на...

— Скелеты?

Она нервно кивнула.

— Будь так добра, — сказал я. — Забудь это. Забудь, что когда-либо видела меня.

— Забыть, что ты хотел убить меня?

— Да, и это тоже.

— Но кто же ты?

— Перси... — начал я. Затем увидел, что скелеты оборачиваются. — Мне пора!

— Что это за имя такое: Перси-Мне-Пора?

Я ринулся к выходу.

* * *

Кафе-бар был битком набит ребятами, которые наслаждались лучшей частью экскурсии — ланчем на плотине. Талия, Зоя и Гроувер только что расположились за столиком со своей едой.

— Надо уходить, — задыхаясь, проговорил я. — Прямо сейчас!

— Но мы только что взяли буррито!^[17] — запротестовала Талия.

Зоя привстала, пробормотав древнегреческое проклятие.

— Он прав! Смотрите.

Окна кафе давали круговой обзор, так что мы могли во всей красе обозреть панораму — армию зомби, явившихся убить нас.

Я насчитал двоих на восточной стороне подъездной дороги, они блокировали путь на Аризону. Еще трое на западной стороне охраняли выезд в Неваду. Все были вооружены пистолетами и полицейскими дубинками.

Но наша непосредственная проблема находилась куда ближе. Трое воинов-зомби, которые преследовали меня в турбинном зале, появились на лестнице. Увидев меня в другом конце кафе, они защелкали зубами.

— Лифт! — скомандовал Гроувер.

Мы метнулись в том направлении, но дверцы открылись с приятным «динг!», и из лифта вышли еще трое воинов. Значит, вся армия собралась здесь, не считая того, которого Бьянка испекла в Нью-Мехико. Мы были полностью окружены.

Тут у Гроувера возникла блестящая, типично гроуверовская идея.

— Война бурритос! — завопил сатир и запустил одной из своих лепешек в ближайшего зомби.

Могу сказать, что, если в вас никогда не швыряли горячим, с пылу с жару буррито, вам просто повезло. Среди прочих смертоносных снарядов он занимает место где-то между гранатой и пушечным ядром. Ланч Гроувера угодил в цель и снес череп с плеч скелета. Не уверен, что именно увидели другие ребята, находящиеся в кафе, но они словно обезумели и, вопя и взвизгивая, стали швырять друг в друга своими ланчами, пакетами с чипсами и банками с колой.

Скелеты попытались прицелиться, но безуспешно. Тела, еда и напитки слились в общую кучу.

Пользуясь неразберихой, мы с Талией набросились на двух зомби,

оставшихся на лестнице, и спихнули их на разделочный стол. Затем всем скопом ринулись вниз по ступенькам, уворачиваясь от летающих бутылочек с соусом гуакамоле.

— Что теперь? — спросил Гроувер, когда мы вырвались наружу.

Я не знал, что ответить. Воины-зомби перекрывали нам дорогу во всех направлениях. Мы перебежали по улице к павильону с крылатыми бронзовыми статуями, но таким образом только оказались спиной к горам. Скелеты надвигались, охватывая нас полукругом. Их собратья из кафе бежали им навстречу. Один все еще пытался приладить череп обратно. Другой был с ног до головы в кетчупе и горчице. Еще у двух буррито засели в ребрах. Их это явно не радовало. Достав дубинки, они надвигались.

— Четверо против одиннадцати, — пробормотала Зоя. — И убить-то их нельзя!

— Приятно было, ребята, разделить с вами эти захватывающие приключения, — дрожащим голосом произнес Гроувер.

Уголкем глаза я заметил что-то блестящее. Посмотрел на ноги статуй.

— Ух ты! — сказал я. — Большие пальцы у них и правда как наманикюренные.

— Перси! — нервно сказала Талия. — Сейчас не время для шуточек.

Но я не мог оторвать глаз от двух огромных бронзовых парней с пластинчатыми крыльями, острыми, как ножи для разрезания бумаги. Время и непогода покрыли тела ангелов бурой патиной — все, кроме больших пальцев ног, которые блестели, как новенькие центы, от бесчисленных прикосновений на удачу.

Удача. Благословение Зевса.

Я вспомнил экскурсовода из лифта. Ее серые глаза и улыбку. Что она там такое сказала? «Выход всегда есть. Для того, кто достаточно умен, чтобы найти его».

— Талия, проси о помощи отца, — сказал я.

Она посмотрела на меня горящими глазами.

— Он никогда не отвечает.

— Всего один раз! — взмолился я. — Попроси о помощи! Мне кажется... мне кажется, эти статуи могут принести нам удачу.

Шестерка зомби подняла пистолеты. Остальные пятеро надвигались на нас с дубинками. Пятьдесят футов. Сорок футов.

— Ну же! — пронзительно крикнул я.

— Нет! — отрезала Талия. — Он не ответит.

— Но не в этот раз!

— Кто тебе сказал?

— Думаю, Афина, — неуверенно отозвался я.

Талия нахмурилась, словно решив, что я окончательно помешался.

— Попробуй, — присоединился ко мне Гроувер.

Талия закрыла глаза. Губы ее беззвучно зашептали молитву. Я присовокупил собственную, обращенную к матери Аннабет, надеясь, что не ошибся и видел в лифте именно ее и что она пытается помочь нам спасти дочь.

Но ничего не случилось.

Скелеты сомкнули кольцо. Защищаясь, я взмахнул мечом. Талия подняла щит. Зоя, заслонив Гроувера, прицелилась в голову одного из скелетов.

На меня упала тень. Я подумал было, что это тень смерти. Потом понял: тень огромного крыла. Блеснула бронза, и все пятеро зомби, вооруженные дубинками, были разом сметены с нашего пути.

Остальные зомби открыли огонь. Я попробовал защититься львиным плащом, но в этом не было нужды. Бронзовые ангелы встали перед нами, сложив свои крылья, как щиты. Пули отскакивали от них, как капли дождя от листового железа. Оба ангела взмахнули крыльями, и скелеты перелетели через дорогу.

— Как хорошо размять ноги, дружище! — сказал один таким скрипучим голосом, словно ему не давали пить с тех пор, как построили.

— Эй, ты только взгляни на мои пальцы, — отозвался другой. — Всеблагий Зевс, о чем только думают эти туристы?!

Разговор ангелов весьма впечатлял, но надо было сосредоточиться на скелетах. Некоторые из них уже вновь поднимались, восстанавливая свою целостность, их костлявые руки хватались за оружие.

— Берегись! — предостерег я.

— Вытащите нас отсюда! — взмолилась Талия.

Оба ангела посмотрели на нее сверху вниз.

— Ребенок Зевса?

— Да!

— А волшебное слово «пожалуйста», мисс ребенок Зевса? — спросил один из ангелов.

— Пожалуйста!

Ангелы переглянулись и пожали плечами.

— Хорошо, что хоть ребенок воспитанный, — заключил один.

После этого помню только, что один из ангелов схватил Талию и меня, другой — Зою и Гроувера, и мы полетели прямо через плотину и реку,

воины-зомби скоро превратились в крохотные пятнышки, и только звуки выстрелов все еще эхом разносились по окрестным горам.

Глава пятнадцатая

Я борюсь со злым близнецом Санты

— Скажи, когда это кончится, — попросила Талия.

Глаза ее были плотно закрыты. Бронзовый ангел держал нас крепко, и упасть мы не могли, но Талия все равно вцепилась в его руку так, словно это самая драгоценная вещь на свете.

— Все прекрасно, — заверил я ее.

— Мы... мы очень высоко?

Я посмотрел вниз. Прямо под нами тянулась прерывистая гряда гор со снежными вершинами. Вытянув ногу, я сбил снег с одного из пиков.

— Не-а, — ответил я. — Не так чтобы очень.

— Мы в Сьеррах!^[18] — выкрикнула Зоя. Они с Гроувером свисали из рук другой статуи. — Я охотилась здесь когда-то. С такой скоростью мы будем в Сан-Франциско через несколько часов.

— Привет, привет, Фриско! — сказал наш ангел. — Эй, Чак! Может, снова навестим тех парней из «Микэникс моньюмент»? Вот уж кто знает толк в вечеринках!

— Эх, дружище, — откликнулся второй ангел, — я уже всей душой там!

— Вы, ребята, бывали в Сан-Франциско? — спросил я.

— Мы, железные парни, бывает, развлекаемся там время от времени, — ухмыльнулась наша статуя. — Эти ребята-механики как-то отвели нас в Музей Янга^[19] и представили таким мраморным леди, что вы просто...

— Хэнк! — прервал его Чак. — Это все ж таки дети, приятель.

— Верно. — Если бы бронзовые статуи могли краснеть, могу поклясться, что Хэнк покраснел. — Наше дело — лететь.

Скорость резко прибавилась, отчего я решил, что ангелы возбуждены. Горы перешли в холмы, и мы со свистом проносились над фермами, городками и автострадами.

Чтобы скоротать время, Гроувер стал наигрывать на дудках. Зоя заскучала и начала стрелять наугад в придорожные щиты, над которыми мы пролетали. Всякий раз, заведя оружейный магазин — а их попадались дюжины, — она прямой наводкой выпускала по вывеске несколько стрел при скорости сто миль в час. Талия проделала весь путь, не открывая глаз.

Она постоянно что-то бормотала, словно молилась.

— Ты правильно сделала, что вернулась в родную стихию, — сказал я. — Теперь Зевс точно тебя услышит.

Трудно было сказать, о чем она думает с закрытыми глазами.

— Возможно, — ответила она. — Между прочим, как ты ускользнул от скелетов в машинном зале? Ты сказал, они загнали тебя в угол.

Я рассказал о странной смертной девушке, Рейчел Элизабет Дэр, которая, кажется, могла видеть сквозь туман. Я подумал, что Талия назовет меня чокнутым, но она только кивнула.

— Таковы уж некоторые смертные, — сказала она. — И никто не знает почему.

Внезапно в голове у меня мелькнула мысль, над которой я никогда прежде не задумывался. Похоже, такой была моя мама. Увидев Минотавра на Холме полукровок, она точно знала, кто это. Она совсем не удивилась, когда в прошлом году я рассказал ей, что мой брат Тайсон — циклоп. Может, она знала заранее? Стоит ли тогда удивляться, что она так боялась за меня, когда я рос? Она видела сквозь туман даже лучше меня.

— Что ж, девушке пришлось понервничать, — сказал я. — Но я рад, что с ней ничего не случилось. Это было бы нехорошо.

Талия кивнула.

— Здорово, наверное, быть простым смертным.

Она произнесла эти слова, как что-то давно и прочно обдуманное.

* * *

— Где вас посадить, ребята? — спросил Хэнк, прерывая мою недолгую дремоту.

Я посмотрел вниз и невольно воскликнул:

— Ух ты!

Раньше я видел Сан-Франциско на открытках, но в жизни — никогда. Возможно, это самый прекрасный город, который мне доводилось видеть. Вроде Манхэттена, только поменьше и почище, к тому же окружен зелеными холмами и укрыт туманом. Тут был большой залив, и корабли, и острова, и рыбацкие лодки, и мост Золотые Ворота, выступавший из тумана. Я почувствовал, что все это неплохо бы сфотографировать и послать маме с подписью: «Привет из Фриско. Пока жив. Хочу, чтобы ты была здесь».

— Вон там, — предложила Зоя. — У здания пристани.

— Хорошая мысль, — сказал Чак. — Мы с Хэнком сойдем за голубей. Мы все разом посмотрели на него.

— Шутка! — Он скривил губы. — Разве у статуй не может быть чувства юмора?

Как выяснилось, особой необходимости маскироваться не возникло. Стояло раннее утро, и народу кругом было не много. Единственный, кого мы до смерти перепугали, оказался бродяга с паромного причала. Увидев Хэнка и Чака, он завопил и припустил прочь, пронзительно выкрикивая что-то о металлических ангелах с Марса.

Мы попрощались с ангелами, которые полетели на вечеринку со своими приятелями-статуями. В этот момент я понял, что не имею никакого представления, что делать дальше.

Мы добрались до Западного побережья. Артемида была где-то здесь. Я надеялся, что и Аннабет тоже. Но я совершенно не представлял, как их найти, а завтра наступит день зимнего солнцестояния. Не было у меня и никаких догадок, на какое чудовище охотилась Артемида. Предполагалось, что оно само найдет нас в процессе поиска. Или мы возьмем след, но не тут-то было. Вот и приходилось торчать на паромном причале без денег, без друзей и без намека на удачу.

После краткой дискуссии мы сошлись на следующем: надо хотя бы в общих чертах представить себе, что же это за таинственное чудовище.

— Но как? — спросил я.

— Нерей, — подсказал Гроувер.

— Что? — посмотрел я на него.

— Разве не это сказал тебе Аполлон? Найди Нерея!

Я кивнул. Я совершенно забыл о своей последней беседе с богом солнца.

— Морской старец, — вспомнил я. — Предполагалось, что я найду его и заставлю рассказать нам все, что он знает. Но как его найти?

— Старый Нерей? — спросила Зоя, состроив гримаску.

— Ты с ним знакома? — поинтересовалась Талия.

— Моя мать была морской богиней. Конечно знакома, к сожалению. Его всегда нетрудно найти. Просто надо идти на запах.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Пошли, — ответила Зоя без особого энтузиазма. — Покажу.

Я понял, что неприятности начинаются, когда мы остановились у секонд-хенда. Не прошло и пяти минут, как Зоя соорудила мне наряд из драной фланелевой рубахи и джинсов на три размера больше, ярко-красных кроссовок и обвислой шляпы, переливающейся всеми цветами радуги.

— О да, — сказал Гроувер, стараясь не расхохотаться, — вот теперь видок у тебя ничем не примечательный.

— Типичный бродяга, — удовлетворенно кивнула Зоя.

— Спасибо большое, — проворчал я. — И за что мне это счастье?

— Я же тебе объяснила. Чтобы не отличаться от других.

Она повела нас обратно к воде. Пару часов мы бродили по докам, пока Зоя наконец не остановилась. Она указала вниз на пристань, где кучка бездомных бродяг сгрудилась под одеялами в ожидании, пока откроется передвижная кухня.

— Он где-то там, внизу, — сказала Зоя. — Никогда не отходит далеко от воды. Днем любит поваляться на солнышке.

— Откуда ты знаешь, что он среди них?

— Подойди незаметно, — посоветовала Зоя. — Веди себя как бродяга. Ты узнаешь его. У него такой запах... особый.

— Прекрасно. — Вдаваться в подробности мне не хотелось. — А когда я найду его, то что?..

— Хватай покрепче. И не отпускай. Он попытается от тебя отделаться. Но что бы ни произошло, не выпускай его. Заставь рассказать тебе о чудовище.

— Мы будем тебя морально поддерживать, — сказала Талия, снимая у меня со спины большой клочок какого-то пуха, который всегда неизвестно откуда берется. — Мы будем болеть за тебя.

Гроувер поднял оба больших пальца, показывая, что все идет отлично.

Я проворчал что-то по поводу того, как замечательно иметь сверхмогущественных друзей. Потом направился к доку.

Спустившись, я натянул шляпу на глаза и пошатнулся, словно собираясь грохнуться в обморок, что было естественно, учитывая накопившуюся усталость. Прошел мимо нашего бездомного друга с пристани, который все еще пытался предостеречь остальных ребят насчет металлических ангелов с Марса.

Пахло от него не очень, но не то чтобы... как-то особенно. Я двинулся дальше.

Парочка чумазных парней с пластиковыми пакетами вместо шляп на голове обшарили меня глазами с ног до головы, когда я подошел поближе.

— Проваливай, дурень! — пробормотал один из них.

Я отошел. Воняло от них прилично, однако ничего такого. Ничего необычного.

Далее мне встретилась некая дама с охапкой пластиковых фламинго, торчавших из тележки. Она грозно поглядела на меня, словно я пытался украсть ее птиц.

В конце пристани в пятне солнечного света валялся мертвецки пьяный мужик, которому можно было дать миллион лет. Толстый, с седой пожелтевшей бородой, в пижаме и пушистом пляжном халате, возможно когда-то и белом. Нечто вроде Санта-Клауса, если бы Санту вытащить из постели и вывалить на помойке.

А запах?

Подойдя поближе, я застыл на месте. От него смердело, это верно — но чем-то таким... океанским. Чем-то вроде разлагающихся водорослей, тухлой рыбы или рассола. Если в океане и водилась какая-то гниль, то старец был ее воплощением.

Я постарался не задохнуться. И сел рядышком, поскольку действительно устал. Санта с подозрением открыл один глаз. Я чувствовал, как он пялится на меня, но сам в его сторону не смотрел. Потом пробормотал что-то насчет дурацкой школы и дурацких родителей, посчитав, что это должно звучать убедительно.

Санта-Клаус снова погрузился в сон.

Я напрягся, понимая, что это должно выглядеть странно. Я не знал, как отреагируют на это другие бродяги, но — прыгнул на Санта-Клауса.

— Ой-ой-ой! — завопил он.

Я собирался схватить его, но, кажется, он сделал это вместо меня. Он как будто и не спал вовсе. И уж точно действовал не как слабый и дряхлый старик. Хватка у него была железная.

— На помощь! — вопил он, вцепившись в меня мертвой хваткой.

— Убивают! — пронзительно закричал другой бродяга. — Мальчишка сейчас задушит старика!

Мы катились к нижней части пирса, пока я с силой не врезался головой в столб. Секунд десять я находился в оглушенном состоянии, и хватка Нероя ослабла. Ему тоже нужна была передышка. Но прежде чем он успел отдышаться, я пришел в себя и обхватил его сзади.

— У меня нет денег! — Он попытался вскочить и удрать, но я сцепил руки у него на груди.

Исходящий от старика смрад тухлой рыбы забивал ноздри, но я держался.

— Мне не нужны деньги, — объяснил я, пока он брыкался. — Я

полукровка! Мне нужна информация!

Это лишь заставило его сражаться с удвоенной силой.

— Герои! Да на кой ляд я вам всем сдался?

— Потому что вы все знаете!

Нерей зарычал и попытался стряхнуть меня со спины. Это было похоже на езду на «американских горках». Он вертелся, всякий раз выбивая опору у меня из-под ног, но я только скрипел зубами и стискивал его все крепче. Мы пошатывались на самом краю причала, и тут меня осенило.

— О нет! — сказал я. — Только не в воду!

План сработал. Нерей тут же триумфально возопил и бултыхнулся с причала в воду. Так, вместе, мы погрузились в бухту Сан-Франциско.

Нерей, должно быть, удивился, когда хватка моя только окрепла: океан придавал мне дополнительные силы. Однако мой противник приберег для меня еще несколько хитростей. Его облик менялся до тех пор, пока в объятиях у меня не очутился скользкий черный тюлень.

Я слышал шутки насчет того, как люди пытаются удержать вымазанную салом свинью, но уверяю вас, что удержать тюленя в воде намного труднее. Нерей отвесно уходил в глубину, крутился, вертелся и описывал спирали в темной воде. Не будь я сыном Посейдона, ни за что не справился бы.

Тело Нерей вытянулось и стало шире, он превратился в касатку, но, когда он выпрыгнул из воды, я ухватился за его спинной плавник.

— Ух ты! — дружно завопила целая толпа туристов.

Мне удалось небрежно помахать им — типа, мы тут, в Сан-Франциско, каждый день так развлекаемся!

Нерей снова погрузился в воду, превратившись в склизкого угря. Я стал завязывать его узлом, пока он не понял, что происходит, и не принял свое нормальное человеческое обличье.

— Ты почему не утонул? — взвыл он, не переставая тузить меня кулачищами.

— Я сын Посейдона! — ответил я.

— Будь проклят этот выскочка! Первым здесь был я!

В конце концов Нерей без сил повалился на край одного из лодочных доков. Над нами расположился туристический причал, обрамленный магазинами, как плавучий торговый центр. Нерей пыхтел и задыхался. Я чувствовал себя отменно. Я мог бы продолжать так резвиться хоть целый день, но не сказал об этом старцу. Мне хотелось, чтобы он чувствовал себя бравым воякой.

Мои друзья сбежали по ступеням причала.

— Ты поймал его! — обрадовалась Зоя.

— И ничего удивительного, — ответил я.

— Замечательно! — простонал Нерей. — Даже публика собралась посмотреть на мое унижение! Обычное дело, я полагаю? Так вы отпустите меня, если я отвечу на ваш вопрос?

— У меня их несколько, — сказал я.

— По одному вопросу за поимку! Таково правило.

Я посмотрел на своих друзей.

Плохо дело. Я должен был найти Артемиду и получить хотя бы общее представление о чудовище, которое несет погибель Олимпу. Кроме того, мне нужно было узнать, жива ли Аннабет и как мне ее спасти. Как я мог вместить все это в один вопрос?

Мой внутренний голос настаивал: «Спроси об Аннабет!» Вот чего я больше всего желал.

Но затем я представил себе, что могла бы сказать в таком случае сама Аннабет. Она никогда не простила бы мне, если бы я спас ее, а не Олимп. Зое хотелось, чтобы я спросил об Артемиде, но Хирон сказал нам, что чудовище важнее.

Я вздохнул.

— Ладно, Нерей. Скажи мне, где найти то ужасное чудовище, которое может погубить богов, — то, на которое охотилась Артемиде.

Морской старец улыбнулся, обнажив ряд зеленых обомшелых зубов.

— О, это очень просто, — злорадно произнес он. — Оно прямо здесь.

Нерей указал на воду, плескавшуюся у моих ног.

— Где? — спросил я.

— Все, сделка закончена! — торжествующе воскликнул Нерей.

Затем он с хлопком обратился в золотую рыбку и, сделав сальто, исчез в воде.

— Ты обманул меня! — вскричал я.

— Постой! — удивилась Талия. — А это еще что?

— Му-у-у-у-у-у-у!

Посмотрев вниз, я увидел змеевидную корову Бесси, плававшую возле причала. Она ткнулась носом в мою кроссовку и посмотрела печальными карими глазами.

— Ах, Бесси, — сказал я. — Только не теперь.

— Му-у-у-у-у!

— Он говорит, что его зовут не Бесси, — произнес Гроувер, нервно сглотнув.

— Выходит, ты ее... то есть его — понимаешь?

— Это очень старая форма животной речи, — кивнул Гроувер. — Но он говорит, что его зовут Офиотавр.

— Офи... что?

— По-древнегречески это означает «змеебык», — пояснила Талия. — Но что он здесь делает?

— Му-у-у-у-у-у-у-у!

— Он говорит, что Перси — его покровитель, — возвестил Гроувер. — И что он спасается бегством от плохих людей. Говорит, они близко.

Я задумался над тем, как можно вместить все это в одно-единственное «му-у-у-у-у!».

— погоди, — сказала Зоя, глядя на меня. — Ты знаешь эту корову?

Меня обуревало нетерпение, но я рассказал им всю историю от начала до конца.

— Значит, ты просто забыл упомянуть об этом раньше? — Талия недоверчиво покачала головой.

— Ну... да...

После слов Талии это действительно показалось глупым, но все происходило так стремительно. Бесси... змеебык... просто незначительная встреча...

— Какая я дура! — неожиданно произнесла Зоя. — Я знаю эту историю!

— Какую историю?

— Это еще из времен войны с титанами, — объяснила охотница. — Мой... мой отец рассказывал ее тысячу лет назад. Это и есть чудовище, которое мы искали.

— Бесси? — Я посмотрел в воду на змеебыка. — Но... он такой симпатяга. Он не может разрушить мир.

— Как же мы все заблуждались! — с раскаянием вздохнула Зоя. — Мы предполагали встретить огромное, опасное чудовище, но Офиотавр способен низринуть богов иначе. Его нужно принести в жертву.

— ММММ! — трубно провозгласил Бесси.

— Думаю, последнее слово ему не очень-то понравилось, — сказал Гроувер.

Я похлопал Бесси по голове, стараясь успокоить его. Змеебык дал почесать себя за ухом, но я почувствовал, что он весь дрожит.

— Неужели кто-то способен сделать ему больно? Он такой безвредный.

— Но есть могущество, состоящее в убиении невинных, — объяснила Зоя. — Страшное могущество. Пророчество принадлежит мойрам и было

сделано тысячелетия тому назад, когда это существо появилось на свет. Они предрекли, что всякий, кто убьет Офиотавра и сожжет его внутренности на жертвеннике, получит власть уничтожить богов.

— ММММММ!

— Хм, — предложил Гроувер, — может, мы воздержимся и от разговора о внутренностях?

— Власть уничтожить богов... но как? — Талия заворожено смотрела на змеевидную корову. — То есть что именно произойдет?

— Никто не ведает, — сказала Зоя. — В первый раз, во время войны с титанами, некий гигант, союзник титанов, действительно убил Офиотавра, но твой отец Зевс послал орла похитить внутренности, прежде чем их бросили в жертвенный огонь. Это было предупреждение. Теперь, три тысячи лет спустя, Офиотавр возродился.

Талия села на причал. Протянула руки. Бесси подплыл прямо к ней. Талия положила руку ему на голову. Бесси вздрогнул.

Меня беспокоило выражение лица Талии. Она выглядела так... словно проголодалась.

— Мы должны защитить его, — сказал я. — Если Луке удастся его заполучить...

— Лука колебаться не станет, — пробормотала Талия. — Получить власть и низринуть Олимп. Это... это великое дело.

— Да, моя дорогая, — произнес мужской голос с явным французским акцентом. — Это власть, которую дано освободить тебе.

Офиотавр заскулил и скрылся под водой.

Я поднял глаза. Мы так увлеклись разговором, что позволили застать себя врасплох.

За нами стоял доктор Торн собственной персоной, и его разноцветные глаза злобно сияли.

* * *

— Просто чудесно, — со злорадным торжеством в голосе произнес монстр.

Поверх уэстоверовской формы на нем была потрепанная, заляпанная грязью шинелька. Коротко подстриженные волосы сально топорщились у него голове. Торн давно не брился, поэтому подбородок его покрывала седоватая щетина. По сути, он выглядел ненамного лучше парней, ожидавших на пристани бесплатной похлебки.

— Когда-то давно боги изгнали меня в Персию, — сказал человек-мантикора. — Я был вынужден искать жалкое пропитание на краю света, прячась в лесах, пожирая крестьян, заплутавших в чаще. Мне никогда не приходилось сражаться ни с кем из великих героев. В древних историях мною никого не пугали и никто мною не восхищался! Но теперь все изменится. Титаны будут почитать меня, и я устрою пир из плоти полукровок!

По бокам его стояла пара вооруженных охранников — простых смертных, наемников, которых я видел в округе Колумбия. Еще двое стояли на следующем лодочном причале, так, на всякий случай, если мы попытаемся бежать. Кругом сновали туристы — они спускались к воде, занимались покупками на верхнем пирсе, — но я понимал, что это не помешает мантикоре действовать.

— А где же скелеты? — спросил я.

Монстр усмехнулся.

— Мне не нужны эти полуживые недоумки! Генерал считает, что я никуда не гожусь? Посмотрим, что он скажет, когда я уничтожу вас собственными руками!

Мне нужно было время, чтобы подумать. Я должен был спасти Бесси. Я мог бы нырнуть в море, но как можно скрыться поспешным бегством с пятисотфунтовой коровой-змеей? И что будет с моими друзьями?

— Однажды мы уже побили вас, — сказал я.

— Ха! Вы едва справились со мной, имея союзницей богиню! И к тому же, увы... эта богиня в данный момент занята. Так что помощи не ждите.

Зоя вытащила стрелу и прицелилась прямо в голову мантикоры. Охранники по обеим сторонам подняли пистолеты.

— Постойте! — крикнул я. — Зоя, не надо!

— Мальчишка прав, Зоя Ночная Тень, — улыбнулась мантикора. — Убери лук. Просто стыдно убивать тебя, прежде чем ты станешь свидетельницей великого торжества Талии.

— О чем ты? — оскалилась Талия.

Она держала щит и копье наготове.

— Все яснее ясного, — сказал монстр. — Пришел твой час. Вот зачем повелитель Кронос вернул тебя к жизни. Ты принесешь Офиотавра в жертву. Ты бросишь его внутренности в огонь священного жертвенника на горе. Тебе суждено обладать безграничным могуществом. А когда тебе исполнится шестнадцать, ты низвергнешь Олимп.

Воцарилось молчание. Все приобретало ужасный смысл. Талии оставалось всего два дня до шестнадцатилетия. Она была дочерью одного

из богов Большой Тройки. И был выбор — ужасный выбор, который мог означать гибель богов. Все складывалось именно так, как гласило пророчество. Я не мог разобраться в обуревающих меня чувствах облегчения, ужаса и разочарования. Пророчества о моем рождении не существовало. Но сейчас Судный день вершился у нас на глазах.

Я ждал, что Талия ответит мантикоре отповедью, но она никак не могла решиться. Вид у нее был совершенно ошеломленный.

— Ты знаешь — это правильный выбор, — обратился к ней монстр. — Это признал твой друг Лука. Ты воссоединишься с ним. Вы будете править этим миром вместе под покровительством титанов. Твой отец бросил тебя, Талия. Он о тебе совсем не заботится. А теперь ты получишь власть над ним. Раздави богов Олимпа, как гадину, они того заслуживают. Позови эту тварь! И она явится. Воспользуйся копьем.

— Талия, да ответь же ты ему — пусть заткнется!

Она посмотрела на меня так же, как в то утро на Холме полукровок: неуверенно и как бы сквозь дымку. Как будто она не узнавала меня.

— Я... я не знаю...

— Твой отец помог тебе, — напомнил я. — Он послал бронзовых ангелов. Он обратил тебя в дерево, чтобы защитить тебя.

Талия сжала рукой древко копья.

Я в отчаянии посмотрел на Гроувера. Слава богам, он понял, что мне нужно. Поднеся дудки к губам, сатир сыграл быструю мелодию.

— Остановите его! — завопила мантикора.

Охранники, державшие на мушке Зою, не успели сообразить, что парнишка с дудками — более серьезная угроза. Деревянные рейки причала у них под ногами пустили зеленые ростки, которые оплели им ноги. Зоя одну за другой выпустила две стрелы, и они взорвались перед охранниками, выпустив облачка желтого серного дыма. Нате, понюхайте!

Охранники закашлялись. Мантикора метала шипы в нашу сторону, но они рикошетом отскакивали от моей львиной шнуры.

— Гроувер, — велел я, — передай Бесси, чтобы нырнул глубже и затаился!

— Му-у-у-у-у-у! — перевел Гроувер.

Мне оставалось только надеяться, что сообщение дойдет до Бесси.

— Корова... — пробормотала Талия, все еще пребывая в том же полуобморочном состоянии.

— Идем! — Я потянул ее за собой, и мы бросились вверх по лестнице в торговый центр, расположенный на пирсе.

Я слышал, как Торн орет своим приспешникам: «Взять их!»

Стражники открыли слепую пальбу в воздух, и туристы завизжали.

Выбежав на другой конец пирса, мы спрятались за маленьким киоском, который торговал сувенирами из стекла — звеневшими на ветру побрякушками, магическими шарами и тому подобной ерундой, блестящей в солнечном свете. Рядом с нами бил фонтан. Под нами небольшое стадо морских львов, разлегшихся на камнях, нежились в лучах солнца. Внизу раскинулась вся бухта Сан-Франциско: мост Золотые Ворота, остров Алькатрас, зеленые холмы к северу и туман за ними. Идеальная фотография, не считая того, что мы были на краю гибели и наступал конец света.

— Уходи отсюда! — сказала мне Зоя. — Ты можешь спрятаться в море. Попроси убежища у отца. Может быть, он сможет спасти Офиотавра.

Она была права, но я не мог так поступить.

— Я вас не брошу, ребята, — ответил я. — Будем сражаться вместе.

— Ты должен сообщить в лагерь, — сказал Гроувер. — Пусть, но крайней мере, знают, что происходит!

И тут я заметил радужные переливы в солнечном свете. Рядом со мной был питьевой фонтанчик...

— Сообщить в лагерь, — пробормотал я. — Неплохая мысль.

Сняв колпачок с ручки, я отрубил распылитель фонтана. Вода так и брызнула из трубы, облив всех нас.

Талия чуть не задохнулась, когда струя попала ей в лицо. Дымка, заставшая ей глаза, исчезла.

— Ты что, спятил? — спросила она.

Но Гроувер понял. Он уже рылся по карманам в поисках монеты. Бросив золотую драхму в образовавшуюся радугу, он воскликнул:

— О богиня, прими мою жертву!

Водяной туман подернулся рябью.

— Лагерь полукровок! — попросил я.

И вот, мерцая в тумане, передо мной возник тот, которого я меньше всего желал видеть, — мистер Д. в леопардовом спортивном костюме, роющийся в холодильнике.

Он лениво посмотрел на меня.

— Не возражаешь?

— Где Хирон? — крикнул я.

— Какая невоспитанность. — Мистер Д. отпил глоток из банки с виноградным соком. — Так ты меня приветствуешь?

— Добрый день, — исправился я. — Нас вот-вот могут убить! Где Хирон?

Мистер Д. призадумался. Мне хотелось заорать, чтобы он поторапливался, но я знал, что это не подействует. За нами раздали шаги и выкрики — подтягивались войска мантикоры.

— «Могут вот-вот убить», — мечтательно повторил мистер Д. — Как это волнующе звучит. Но боюсь, Хирона сейчас нет. Не желаете ли оставить сообщение мне?

— Мы погибли. — Я посмотрел на своих друзей.

Талия перехватила копье поудобнее. Она выглядела разгневанной и готовой драться как прежде.

— Тогда погибнем, сражаясь.

— Как благородно, — сказал мистер Д., подавляя зевок. — Так в чем, собственно говоря, проблема?

Я понимал, что все впустую, но рассказал Дионису об Офиотавре.

— Ммм... — Он с интересом разглядывал содержимое холодильника. — Значит, так. Понимаю.

— Вам это совершенно безразлично! — возмущенно закричал я. — Вы принимаете нашу смерть как должное!

— Посмотрим, посмотрим... Кажется, сегодня на ужин я настроен съесть пиццу.

У меня появилось желание разрубить радугу и прервать связь, но я не успел.

— Туда! — завопила мантикора.

И мы оказались в окружении. За ней стояли двое охранников. Остальные двое показались на крышах магазинов пирса над нами. Монстр сбросил шинель и предстал в своем подлинном обличье: львиные когти и хвост, ошетилившийся ядовитыми колючками.

— Превосходно, — сказал он. Посмотрев на явление в тумане, он фыркнул. — В одиночку, без всякой помощи. Чудесно.

— Ты мог бы попросить о помощи, — пробормотал мистер Д., обращаясь ко мне так, словно это была забавная мысль. — Достаточно сказать «пожалуйста».

«Когда рак на горе свистнет», — подумал я.

Я не собирался ни о чем умолять такого прохвоста, как мистер Д., даже если он будет смеяться, глядя, как всех нас застрелят.

Зоя приготовила стрелы. Гроувер поднял дудки. Талия вооружилась щитом, и я заметил, как по щеке у нее скатилась слеза. Внезапно мне пришло в голову, что это уже случалось с ней раньше. Ее загнали в угол на Холме полукровок. Она по своей воле отдала жизнь за друзей. Но на этот раз она не могла спасти нас. Как я мог допустить, чтобы с ней снова

произошло такое?

— Пожалуйста, мистер Д., — пробормотал я. — Помогите.

Разумеется, ничего не случилось.

Мантикора усмехнулась.

— Дочь Зевса не трогать. Она скоро присоединится к нам. Остальных убейте.

Охранники подняли пистолеты, и тут произошло нечто странное. Вам знакомо это чувство, когда вся кровь приливает к голове, как если бы вы встали вверх ногами или обернулись слишком резко? Подобный прилив я ощутил во всем теле и услышал звук, похожий на глубокий вздох. Солнечный свет окрасился пурпуром. Я почувствовал запах винограда и отдающий кислинкой привкус вина.

ЩЕЛК!

Это был звук одновременного умопомешательства. Звук безумия. Один из охранников схватил пистолет зубами, словно это была кость, и принялся бегать кругами на четвереньках. Остальные двое отшвырнули оружие и стали вальсировать друг с другом. Четвертый начал выплясывать что-то наподобие ирландского народного танца с элементами степа. Это могло быть даже забавно, если бы не было так жутко.

— Нет! — взвыл монстр. — Я разделаюсь с вами собственноручно!

Хвост его ошетинился, но деревянные планки у него под ногами превратились в виноградные лозы, которые моментально обвились вокруг тела чудовища, покрываясь все новыми листьями и зелеными гроздьями мелких виноградин, созревавших в течение нескольких секунд. Мантикора пронзительно визжала до тех пор, пока ее не поглотила тяжелая масса переплетенных лоз, листьев и темно-красных гроздьев. В конце концов лозы перестали трепетать, и у меня возникло чувство, что с монстром, запутавшимся где-то там, в глубине, покончено.

— Что ж, — произнес Дионис, закрывая холодильник, — это было забавно.

Я в ужасе уставился на него.

— Как вам удалось?.. Как вы?..

— И это вместо благодарности, — пробормотал он. — Смертные извлекли бы из этого урок. Слишком многое придется объяснять, если я захочу увековечить этот трюк. Терпеть не могу сочинять письменные рапорты отцу.

Мистер Д. поглядел на Талию.

— Надеюсь, ты кое-чему научилась, девочка. Нелегко противиться власти, верно?

Талия зарделась, словно ей было стыдно.

— Мистер Д., — в изумлении произнес Гроувер, — вы... вы спасли нас.

— Ммм. Не заставляй меня сожалеть об этом, сатир. А теперь немедленно в путь, Перси Джексон. Я выиграл для вас самое большое несколько часов.

— Офиотавр, — сказал я. — Вы не могли бы взять его в лагерь?

— Я не занимаюсь перевозками живого товара, — хмыкнул мистер Д. — Это уж ваша проблема.

— Но куда нам теперь направиться?

Дионис посмотрел на Зою.

— О, я думаю, охотница знает. Вы должны прибыть сегодня к закату, помните? Иначе все пропало. А теперь — до свидания. Меня ждет моя пицца.

— Мистер Д., — позвал я.

Он вскинул бровь.

— Вы правильно назвали мое имя, — сказал я. — Вы назвали меня Перси Джексон.

— И не надейся, Питер Джонсон. А теперь — ступай!

Он помахал рукой, и образ его исчез в тумане.

Вокруг нас по-прежнему кружили охваченные безумием соратники мантикоры. Кто-то из них выискал себе дружка из бродяг, и они на полном серьезе толковали о металлических ангелах с Марса. Остальные докучали туристам, воспроизводя звуки животного мира и пытаясь украсть их туфли.

— Что он имел в виду, — спросил я, посмотрев на Зою, — когда сказал, что ты знаешь, куда идти?

Лицо ее затуманилось. Она указала на другую сторону бухты, за мост Золотые Ворота. Там, вдали, над облачными напластованиями возвышалась единственная гора.

— Сад моих сестер, — сказала Зоя. — Я должна идти домой.

Глава шестнадцатая

Мы встречаемся с драконом, у которого вечно несвежее дыхание

— Нам никогда не сделать этого, — сказала Зоя. — Мы двигаемся слишком медленно. И мы не можем бросить Офиотавра.

— Му-у-у-у-у, — откликнулся Бесси.

Он плыл, держась ко мне поближе, пока мы трусцой передвигались вдоль береговой линии. Торговый центр пирса остался далеко позади. Мы направлялись к Золотым Воротам, но они оказались намного дальше, чем я предполагал. Солнце уже почти скрылось за горизонтом.

— Не понимаю, — сказал я. — Почему мы должны добраться туда до заката?

— Геспериды — нимфы заката, — ответила Зоя. — Мы можем проникнуть в их сад, только когда день сменяется ночью.

— А что случится, если мы не успеем?

— Завтра — зимнее солнцестояние. Если мы пропустим сегодняшний закат, нам придется ждать завтрашнего вечера. А к тому времени Совет богов закончится. Мы должны освободить госпожу Артемиду сегодня ночью.

«Или Аннабет умрет», — подумал я, но промолчал.

— Нам нужна машина, — сказала Талия.

— А как же Бесси? — спросил я.

Гроувер остановился как вкопанный.

— Идея! Офиотавр может появляться в разных водоемах?

— Ну, так, — согласился я. — То есть сначала он был на Лонг-Айленде. Затем просто всплыл в озере у плотины Гувера. А теперь он здесь.

— Значит, мы можем уговорить его вернуться на Лонг-Айленд, — сказал Гроувер. — А потом Хирон поможет ему добраться до Олимпа.

— Но он следовал *за мной* — подчеркнул я. — Если меня там не будет, как он поймет, куда плыть?

— Му-у-у, — жалобно высказался Бесси.

— Я... я могу ему показать, — предложил Гроувер. — Отправлюсь вместе с ним.

Я с удивлением уставился на сатира. Гроувер не был фанатом водных

видов спорта. Он чуть не утонул прошлым летом в Море чудовищ и вообще не мог хорошо плавать из-за своих копыт.

— Я единственный, кто умеет с ним разговаривать, — продолжал Гроувер. — Так что это логично.

Он наклонился и что-то сказал Бесси на ухо. Бесси вздрогнул, затем довольно замычал.

— Благословение дикой природы, — трепетно произнес сатир. — Это обеспечит нам безопасность в пути. А ты, Перси, помолись своему отцу. Пусть он милостиво разрешит нам безопасно путешествовать по морям.

Я не понимал, как они собираются проплыть от Калифорнии до Лонг-Айленда. Однако чудовища избирают иные пути, чем люди. Свидетельств тому я видел хоть отбавляй.

Я постарался сосредоточиться на волнах, запахе океана, звуке прибоя...

— Папа, — попросил я, — помоги нам. Пусть Офиотавр и Гроувер благополучно доберутся до лагеря. Защити их в море.

— Молитва вроде этой требует жертвоприношения, — подсказала Талия. — И значительного.

Подумав мгновение, я снял свой плащ.

— Перси, — удивился Гроувер, — ты уверен? Эта львиная шкура... она ведь здорово нам пригодилась. Ее носил сам Геракл!

Услышав это, я кое-что понял.

Я бросил быстрый взгляд на Зою, которая внимательно наблюдала за мной. Я понял, что знаю, кто был героем Зои — тем, кто разрушил ее жизнь, поссорил с семьей и ни разу даже словом не обмолвился о ее помощи. Геракл — герой, которым я так восхищался всю жизнь.

— Если я и выживу, — сказал я, — то не потому, что на мне плащ из львиной шкуры. Я не Геракл.

Я швырнул плащ в воду. Он снова превратился в золотистую львиную шкуру, переливающуюся в лучах солнца. Затем плащ стал тонуть в волнах и словно бы растворился в пятне света, упавшего на воду.

С моря повеяло ветерком.

— Ладно, нечего терять время, — глубоко вздохнул Гроувер.

Сатир прыгнул в воду и тут же стал тонуть. Бесси скользнул к нему и позволил Гроуверу обхватить себя за шею.

— Будь осторожен, — сказал я ему.

— Будем, — ответил Гроувер. — О'кей, хм... Бесси? Мы плывем на Лонг-Айленд. Это на востоке. Вон туда.

— Му-у-у-у-у? — спросил Бесси.

— Да, — ответил Гроувер. — Лонг-Айленд. Это остров. И он такой... длинный. ^[20] Давай трогай.

— Му-у-у-у-у-у! — Бесси устремился вперед.

Он стал погружаться, и Гроувер забормотал:

— Я не могу дышать под водой! Просто я забыл сказать... Бульк!

Они скрылись под водой, и я понадеялся, что при покровительстве моего отца такие мелочи, как дыхание, роли не играют.

— Хорошо, одной проблемой меньше, — сказала Зоя. — Но как мы доберемся в сад сестер?

— Талия права, — ответил я. — Нам нужна машина. Но тут нам никто не поможет. Если мы... мм... не позаимствуем чей-нибудь автомобиль.

Лично мне такое решение не нравилось. Конечно, речь шла о жизни и смерти, но все равно это было воровство, и мы непременно засветимся.

— Пойжди, — Талия стала рыться в своем рюкзаке. — В Сан-Франциско есть кое-кто, кто может нам помочь. У меня где-то завалялся адрес.

— Кто?

Талия вытащила вырванный из блокнота скомканный листок.

— Профессор Чейз, — ответила она. — Отец Аннабет.

* * *

В течение двух лет выслушивая жалобы Аннабет на своего отца, я полагал, что у него рога, как у дьявола, и клыки. И совершенно не ожидал увидеть профессора Чейза в старомодном авиаторском шлеме и защитных очках. Он выглядел настолько необычно с глазами, которые увеличивали линзы, что мы все невольно попятнулись.

— Добрый вечер, — приветливо сказал он. — Вы доставили мои аэропланы?

Талия, Зоя и я настороженно переглянулись.

— Нет, сэр, — ответил я.

— Черт возьми, — воскликнул мистер Чейз, — мне нужно еще три «сопвич кэмела»! ^[21]

— Конечно, — произнес я, хотя понятия не имел, о чем он. — Мы — друзья Аннабет.

— Аннабет? — Он конвульсивно дернулся, будто я включил электрошок. — Она в порядке? Что-то случилось?

Никто из нас не ответил, но, судя по нашим лицам, профессор, должно быть, догадался, что произошло нечто ужасное. Он снял шлем и очки. У него были светлые волосы, как у Аннабет, и ярко-карие глаза. По моим понятиям, для взрослого мужчины мистер Чейз выглядел привлекательно, но, казалось, он пару дней не брился, и рубашка его была застегнута криво, так что один угол воротника торчал выше другого.

— Давайте пройдем в дом, — сказал доктор Чейз.

* * *

Дом выглядел так, будто в него переехали уже давно. На лестнице выстроились роботы «лего», а на диване в гостиной спали две кошки. На кофейном столике грудой навалены журналы, а на полу раскинуло полы зимнее детское пальтишко. Повсюду стоял запах свежееиспеченного печенья с шоколадной глазурью. С кухни доносились звуки джаза. Весь этот беспорядок говорил о том, что перед нами — счастливый дом, место, где люди долго живут вместе.

— Па! — пронзительно крикнул профессору мальчуган. — Он разбирает моих роботов!

— Бобби, — отсутствующим голосом произнес мистер Чейз, — не разбирай роботов твоего брата.

— Бобби — это я, — возразил ребенок. — А он Мэтью!

— Мэтью, — повторил Чейз, — не разбирай роботов твоего брата!

— О'кей, па!

Мистер Чейз повернулся к нам.

— Хорошо, пойдемте вверх, в мой кабинет. Вот сюда.

— Милый! — позвал женский голос.

Из гостиной вышла мачеха Аннабет, вытирая руки кухонным полотенцем. Это была красивая женщина, видимо азиатского происхождения, с собранными в пучок рыжими волосами.

— Кто у нас в гостях? — спросила она.

— О, — сказал доктор Чейз, — это...

Он тупо уставился на нас.

— Фредерик, — с укоризной произнесла женщина, — ты забыл спросить, как их зовут?

Мы, испытывая некоторую неловкость, представились, но миссис Чейз была само обаяние. Она спросила, не голодны ли мы. Мы сказали, что немного проголодались, после чего она заявила, что сейчас принесет нам

выпечку, сэндвичи и колу.

— Дорогая... они насчет Аннабет.

Я был готов к тому, что миссис Чейз впадет в буйное помешательство при упоминании имени своей падчерицы, но она только надула губы и приняла озабоченный вид.

— Ладно. Идите наверх, в кабинет, и я принесу вам чего-нибудь поесть. — Она улыбнулась мне. — Рада нашей встрече, Перси. Я столько о тебе слышала.

* * *

Когда мы поднялись наверх и вошли в кабинет доктора Чейза, у меня невольно вырвалось:

— Ух ты!

Стены комнаты были сплошь уставлены стеллажами с книгами, но больше всего мое внимание привлекли модели военной техники. В кабинете стоял огромный стол с миниатюрными танками и солдатиками, которые вели бой вдоль синей нарисованной реки с бутафорскими холмами, деревьями и прочим. Старомодные бипланы свисали с потолка на бечевках под самыми сумасшедшими углами, как во время настоящего воздушного боя.

Доктор Чейз улыбнулся.

— Да. Это третье сражение под Ипром. Видите ли, я пишу доклад об использовании «сопвич кэмела» при обстреле вражеских позиций с бреющего полета. По моему мнению, они сыграли куда более важную роль в сражении, чем им обычно приписывают.

Он снял биплан с веревочки и показал, как тот проносится над полем боя, подражая звукам авиационного двигателя и сбивая германских солдатиков.

— Ну да, конечно, — кивнул я.

Из рассказов Аннабет я знал, что ее отец преподает военную историю. Правда, она никогда не упоминала о его играх с оловянными солдатиками.

Зоя подошла к столу и оглядела поле сражения.

— Германские линии стояли дальше от реки.

— Откуда вы знаете? — недоуменно воззрился на нее доктор Чейз.

— Я была там, — заявила она как о чем-то само собой разумеющемся. — Артемида хотела показать нам, как ужасна война, в которой смертные истребляют друг друга. И как это глупо. Все сражение

было пустой тратой сил.

— Вы... — Доктор Чейз смотрел на нее, открыв рот от изумления.

— Она охотница, сэр, — пояснила Талия, — но мы не поэтому здесь. Нам нужно...

— Вы видели «сопвич кэмела»? — жадно спросил доктор Чейз. — Сколько их было? Каким строем они летали?

— Сэр, — снова вмешалась Талия, — Аннабет в опасности.

Это вернуло его к действительности. Профессор поставил биплан на стол.

— Ах да, конечно, — сказал он. — Расскажите мне все.

Это было нелегко, но мы попытались. Тем временем солнечный свет за окнами мерк. Мы выбивались из графика.

Когда мы рассказали ему все, что знали, доктор Чейз рухнул в кожаное кресло с откидной спинкой.

— Моя бедная отважная Аннабет. — Он судорожно переплел пальцы. — Да, надо спешить.

— Сэр, нам нужно добраться до горы Тамалпаис, — сказала Зоя. — И немедленно.

— Я отвезу вас. Хм, быстрее было бы долететь на моем «кэмеле», но в нем только два места.

— Так у вас и настоящий биплан есть? — спросил я. — Здорово!

— В Крисси-Филд, ^[22] — с гордостью произнес доктор Чейз. — Там есть аэродром. Вот причина, по которой мне пришлось переехать сюда. Мой спонсор — частный коллекционер, у него одного осталось несколько редчайших моделей самолетов Первой мировой войны. Он поручил мне восстановить «сопвич кэмел»...

— Сэр, просто машина — уже здорово, — сказала Талия. — И пожалуй, будет лучше, если мы поедem без вас. Это слишком опасно.

Доктор Чейз сдвинул брови.

— Погодите-ка, юная леди. Аннабет — *моя дочь*. И как бы это ни было опасно, я... я просто не могу...

— Давайте перекусим, — провозгласила миссис Чейз, вкатывая в дверь поднос с горой сэндвичей, бутылками колы и домашней выпечкой прямо из духовки, так что шоколадная глазурь была еще липкой.

Талия и я повели носами, вдыхая шоколадное благоухание. Зоя сказала.

— Я могу вести, сэр. Я не так молода, как кажется. Обещаю не разбить вашу машину.

— О чем речь? — нахмурилась миссис Чейз.

— Аннабет в опасности, — сказал доктор Чейз. — На горе Тамалпаис. Я бы отвез их, но... это не место для смертных.

Ему явно было трудно выговорить последние слова.

Я ожидал, что миссис Чейз скажет «нет». Кто из смертных родителей позволил бы трем несовершеннолетним подросткам взять их машину? К моему удивлению, она кивнула.

— Тогда им лучше поспешить.

— Верно! — Доктор Чейз подпрыгнул и стал похлопывать себя по карманам. — Мои ключи...

Жена вздохнула.

— Признайся, Фредерик, ты и голову потерял бы, не будь она у тебя в этой авиаторской шапке. Ключи висят на кольшке за входной дверью.

— Верно! — сокрушенно кивнул доктор Чейз.

— Спасибо вам обоим. — Зоя взяла с подноса сэндвич. — Нам надо ехать. Немедленно.

Мы быстро вышли из кабинета и стали спускаться по лестнице, Чейзы шли прямо за нами.

— Перси, — окликнула меня миссис Чейз на пороге, — скажи Аннабет... Скажи, что здесь все еще ее дом... Напомни ей об этом.

Я бросил последний взгляд на царивший в гостиной беспорядок, на единокровных братьев Аннабет, споривших вокруг разбросанных по полу роботов «лего», вдохнул пропитавший воздух запах домашнего печенья.

«Неплохое место», — подумал я.

— Скажу.

Мы побежали к желтому «фольксвагену» с откидным верхом, припаркованному на подъездной дорожке. Солнце уже почти село. Я прикинул, что у нас меньше часа, чтобы спасти Аннабет.

* * *

— Эта штука не может двигаться быстрее? — нетерпеливо спросила Талия.

Зоя обожгла ее взглядом.

— Я не управляю пробками на дороге.

— Вы обе напоминаете мне мою мать, — сказал я.

— Заткнись! — произнесли они в унисон.

Зоя отчаянно рулила по мосту Золотые Ворота. Солнце превратилось в красную полосу на горизонте, когда мы наконец съехали с автострады и

добрались до Мэрин-Каунти.

Дороги тут были невероятно узкие, они извивались сквозь леса, огибали холмы, проходили по самому краешку крутых оврагов. И за все время Зоя ни разу не сбавила ход.

— Почему все здесь пахнет микстурой от кашля? — спросил я.

— Эвкалипты. — Она указала на обступившие нас высокие деревья.

— То, что едят коала?

— И монстры, — добавила Зоя. — Им нравится жевать листья. Особенно драконам.

— Драконы жуют листья эвкалиптов?

— Поверь мне, — сказала Зоя, — если бы у тебя было такое же дыхание, как у дракона, ты тоже жевал бы эвкалиптовые листья.

Я не стал продолжать расспросы, но все зорче вглядывался вдаль. Перед нами маячили очертания горы Тамалпаис. Конечно, с точки зрения альпинистов, это была невысокая горка, но она становилась все выше и массивнее, по мере того как мы приближались.

— Так значит, это и есть Окаянная гора? — спросил я.

— Да, — серьезно ответила Зоя.

— Почему ж ее так называли?

Примерно милю мы ехали молча.

— После войны между богами и титанами, — сказала она наконец, — многие из титанов подверглись наказанию и были заключены в темницы. Кроноса разрубили на кусочки и бросили в Тартар. Правая рука Кроноса, главнокомандующий его силами, был заточен здесь, на вершине, сразу за садом Гесперид.

— Генерал, — сказал я. Облака вращались вокруг вершины надвигающейся горы, словно она наматывала их на себя, как пряжу. — Что там такое? Ураган?

Зоя не ответила. Я понял: ей точно известно, что означают эти облака, и ей это не нравится.

— Мы должны сосредоточиться, — сказала Талия. — Туман здесь очень силен.

— Так это явление волшебное или природное?

— И то и другое.

Серые тучи, вращавшиеся над горой, еще больше сгустились, а мы продолжали ехать прямо на них. Затем мы выехали из леса, оказавшись на открытом пространстве, где из земли торчали скалы и росла высокая трава. Царство камней и тумана.

Когда мы вписывались в очередной крутой поворот дороги, я случайно

взглянул вниз, на океан, и увидел нечто, что заставило меня подпрыгнуть на сиденье.

— Смотрите! — Но мы преодолели поворот, и океан скрылся за холмами.

— Что? — спросила Талия.

— Большое белое судно, — ответил я. — Пришвартовано у берега. Похоже на круизное.

— Судно Луки? — спросила Талия, широко раскрыв глаза.

Я хотел сказать, что не уверен. Это могло быть простое совпадение. Но уж я-то знал! У берега была пришвартована «Принцесса Андромеда» — дьявольское круизное судно Луки. Вот почему он постоянно держал курс на Панамский канал. Это был единственный способ проплыть от Восточного побережья до Калифорнии.

— Значит, у нас будет компания, — мрачно произнесла Зоя. — Воинство Кроноса.

Я уже приготовился ответить, как вдруг волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Останови машину! БЫСТРО! — крикнула Талия.

Зоя без разговоров ударила по тормозам. Желтый «фольксваген» дважды повернулся вокруг оси, прежде чем остановиться на краю скалы.

— Выходите! — Распахнув дверцу, Талия изо всех сил толкнула меня.

Мы оба выкатились из машины. В следующую секунду раздался оглушительный взрыв.

Сверкнула молния, и «фольксваген» доктора Чейза взлетел на воздух осколками канареечно-желтой гранаты. Дождь металлической шрапнели, скорее всего, прикончил бы меня, если бы не распростершийся надо мной щит Талии. До меня донесся звук, похожий на барабанную дробь, а когда я открыл глаза, нас окружали обломки машины. Часть крыла «фольксвагена» воткнулась в землю. Дымящийся капот разнесло в клочья. Куски желтого металла были разбросаны по всей дороге.

Я сглотнул, во рту был вкус горелого масла.

— Спасибо.

— «И один погибнет от отцовских рук», — пробормотала Талия. — Будь он проклят! Он захотел уничтожить меня? Меня?!

В доли секунды я понял, что она говорит об отце.

— Эй, послушай, это ни в коем случае не мог быть жезл Зевса.

— Тогда что же? — спросила Талия.

— Не знаю. Зоя произнесла имя Кроноса. Может, он?..

Растерянная и обозленная Талия замотала головой.

— Нет. Это был не он.

— Постой-ка, — сказал я. — Где же Зоя? Зоя!

Мы оба вскочили и принялись бегать вокруг взорвавшегося «фольксвагена». Рядом никого не было. Никого не было и дальше по дороге. Я посмотрел на утес. Охотница испарилась.

— Зоя! — снова крикнул я.

И она тут же оказалась рядом, дергая меня за руку.

— Тише, балбес! Хочешь разбудить Ладона?

— Ты имеешь в виду — мы уже здесь?

— Очень близко, — сказала Зоя. — Следуйте за мной.

Поперек дороги плавали пряди тумана. Зоя вступила в одну из них, и, когда туман рассеялся, ее там уже больше не было. Мы с Талией переглянулись.

— Сосредоточься на Зое, — посоветовала Талия. — Мы следуем за ней. Иди прямо в туман и помни об этом.

— Постой, Талия. То, что случилось на пирсе... то есть я имею в виду — мантикора и жертвоприношение...

— Я не хочу говорить об этом.

— Ты ведь не смогла бы?.. Да?

— Я просто была в шоке, вот и все, — ответила она после минутного колебания.

— Зевс не стал бы метать молнии в машину. Это был Кронос. Он пытается манипулировать тобой, настроить против отца.

Талия набрала полную грудь воздуха.

— Перси, я знаю, что ты хочешь, чтобы я чувствовала себя лучше. Спасибо. Но послушай, надо идти.

Она вступила в туман — в этот мистический туман, — я последовал за нею.

Когда туман рассеялся, я все еще стоял на склоне горы, но дорогу развезло. Трава стала гуще. Закатный луч кроваво-красным рубцом протянулся по морю. Вершина горы виделась яснее, штормовые облака по-прежнему не прекращали свое коловращение. На самый верх вела только одна тропинка, лежавшая прямо перед нами. И шла она через пышный луг, где залегли тени и росли цветы, — сумеречный сад, точно такой же, какой я видел во сне.

Если бы не огромный дракон, сад был бы самым прекрасным местом, какое мне доводилось видеть. Трава серебристо мерцала в вечернем свете, а цветы были такие яркие, что казалось, светятся в темноте. Ступени из черного мрамора вели наверх, к яблоне высотой с пятиэтажный дом, каждая ветвь ее была усыпана блистающими золотыми яблоками — я не хочу сказать: золотисто-желтыми яблоками, как во фруктовой лавке. Я имею в виду, что плоды были действительно *золотые*. Не могу описать, почему они выглядели такими притягательными, но как только я почувствовал их благоухание, то понял, что даже самый крохотный кусочек такого яблока по вкусу не сравнится ни с чем на земле.

— Яблоки бессмертия, — сказала Талия. — Свадебный подарок Геры Зевсу.

Я подступился бы к яблоне и сорвал одно из них, если бы не дракон, кольцами свернувшийся вокруг дерева.

Теперь хотелось бы уточнить, что я имею в виду, говоря «дракон». Монстр — страшнее не придумаешь. Змеиное туловище, поблескивавшее медной чешуей, имело толщину с ракету-носитель. Голов у него было больше, чем я мог сосчитать, как будто сотня смертоносных питонов слилась тут воедино. Чудовище казалось спящим. Шеи его лежали на траве спутанной грудой спагетти, все глаза — закрыты.

Затем тени перед нами начали двигаться. Раздалось прекрасное, но мрачное пение, словно доносившееся из глубины колодца. Я потянулся за мечом, но Зоя остановила мою руку. В воздухе, мерцая, возникли призрачные фигуры четырех молодых женщин, очень похожих на Зою. На всех — белые древнегреческие хитоны. Кожа их была смуглой, карамельного оттенка. Шелковистые черные волосы свободно рассыпались по плечам. Странно, однако я никогда не понимал, насколько прекрасна Зоя, пока не увидел ее сестер — гесперид. Все они были точь-в-точь как Зоя — блистательны и, вероятно, очень опасны.

— Сестры, — сказала Зоя.

— Мы не видим здесь никаких сестер, — холодно произнесла одна из девушек. — Мы видим двух полукровок и охотницу. Все они скоро умрут.

— Вы ошибаетесь, — сказал я, делая шаг вперед. — Никто не собирается умирать.

Девушки изучающе посмотрели на меня. Глаза у них были как оплавленные вулканом камни — непроницаемые и совершенно черные.

— Персей Джексон, — назвала меня одна из них.

— Да, — задумчиво проговорила другая. — Не вижу, почему он опасен.

— Кто сказал, что я опасен?

Первая гесперида оглянулась, посмотрев на вершину горы.

— Они боятся тебя. Они беспокоятся, что *эта* до сих пор тебя не убила. — Она указала на Талию.

— Иногда такой соблазн возникает, — ухмыльнулась Талия. — Но уж извините. Он мой друг.

— Здесь нет друзей, дочь Зевса, — промолвила девушка. — Только враги. Уходи отсюда.

— Только вместе с Аннабет.

— И с Артемидой, — вступила Зоя. — Мы должны подняться на гору.

— Ты знаешь, что он убьет тебя, — сказала одна из гесперид. — Ты ему не ровня.

— Артемиду надо освободить, — настойчиво повторила Зоя. — Пропустите нас.

— Ты лишена здесь всех прав. — Гесперида покачала головой. — Стоит нам возвысить голоса, и Ладон пробудится.

— Он не причинит мне зла, — возразила Зоя.

— Неужели? А как насчет твоих так называемых друзей?

Тут Зоя сделала то, чего я меньше всего ожидал.

— Ладон! Пробудись! — крикнула она.

Дракон пошевелился, чешуя его переливалась, как гора новеньких центов. Геспериды с криками бросились врассыпную.

— Ты обезумела? — обернулась к Зое предводительница.

— В тебе никогда не было отваги, сестра, — ответила Зоя. — Вот в чем твоя проблема.

Теперь Ладон извивался, сотня голов металась в разные стороны, языки сновали, пробуя воздух. Зоя сделала шаг вперед, подняв руки.

— Не надо, Зоя, — попросила Талия. — Ты больше не гесперида. Он убьет тебя.

— Ладона научили охранять дерево, — ответила Зоя. — Разбегитесь по саду. Поднимайтесь в гору. Пока я представляю большую угрозу, и он не обратит на вас внимания.

— Пока, — подчеркнул я. — Не слишком обнадеживает.

— Это единственный способ. Даже нам втроем не одолеть его.

Ладон разинул свои пасти. Дружное шипение сотни голов облило меня холодом, но потом меня достигло его дыхание. Так пахнет кислота. Глаза мои словно обожгло, по коже забегали мурашки, а волосы встали дыбом. Помню, как-то раз под полом нашей квартиры в Нью-Йорке летом издохла крыса. Запах был такой же, только в сто раз сильнее и смешанный с

запахом пережеванных эвкалиптовых листьев. В ту же секунду я дал себе слово, что никогда больше не попрошу у школьной медсестры микстуру от кашля.

Мне захотелось выхватить меч. Но потом я вспомнил сон о Зое и Геракле и как Геракл проиграл чудовищу любовую атаку. Поэтому я решил довериться указаниям охотницы.

Талия бросилась влево. Я — вправо. Зоя пошла прямо на монстра.

— Это же я, дракончик, — сказала она. — Зоя вернулась.

Ладон дергался то вперед, то назад. Некоторые его пасти закрылись. Другие продолжали шипеть. Дракон пребывал в смятении. Тем временем геспериды вновь приняли мерцающее обличье и превратились в тени.

— Дура, — прошептал голос старшей.

— Я кормила тебя из рук, — продолжала Зоя успокаивающим тоном, приближаясь к золотому дереву. — Тебе все еще нравится ягнятина?

Глаза дракона сверкнули.

Мы с Талией находились примерно на полпути от цели. Впереди я различал только одну каменистую тропу, которая вела к вершине. Штормовые облака так и вились вокруг нее, словно это была земная ось.

Мы уже почти миновали луг, когда что-то пошло не так. Я почувствовал, как настроение дракона изменилось. Может, Зоя подошла слишком близко. Может, дракон понял, что проголодался. Как бы то ни было, но он кинулся на Зою.

Две тысячи лет тренировок спасли ей жизнь. Увернувшись от первого ряда разящих клыков и поднырнув под второй, она помчалась в нашу сторону, обегая драконьи головы и задыхаясь от ужасного зловония монстра.

Я выхватил меч, чтобы прийти ей на помощь.

— Нет! — запыхавшись, крикнула Зоя. — Бегите!

Дракон щелкнул зубами совсем рядом, и Зоя вскрикнула. Талия прикрыла ее Эгидой, и дракон зашипел от боли. Используя его мгновенное замешательство, Зоя промчалась мимо нас к вершине, и мы последовали за нею.

Дракон даже не попытался преследовать нас. Он шипел и оглушительно топал по земле, но сдается мне, что его слишком хорошо натаскали сторожить дерево. И его ничем нельзя было сдвинуть с места, даже соблазнительной мечтой полакомиться парочкой героев.

Мы бежали вверх по склону, когда в сумраке у подножия горы геспериды хором затянули свою песню. Теперь мелодия уже не казалась мне такой прекрасной — скорее уж саундтреком, подходящим для похорон.

На вершине горы мы увидели развалины — глыбы черного гранита и мрамора величиной с дом. Рухнувшие колонны. Словно бы оплавленные бронзовые статуи.

— Руины горы Отрис, — благоговейно шепнула мне Талия.

— Да, — сказала Зоя. — Раньше здесь этого не было. Плохо.

— А что это за гора — Отрис? — спросил я, по обыкновению чувствуя себя идиотом.

— Горная крепость титанов, — пояснила Зоя. — В первой войне Олимп и Отрис были двумя соперничающими столицами мира. Отрис был... — Она нахмурилась, схватившись за бок.

— Ты ранена, — сказал я. — Дай я взгляну.

— Чепуха! Царапина. Так вот я говорила... во время первой войны Отрис был разрушен до основания.

— Но... как он оказался здесь?

Талия настороженно оглядывалась, пока мы пробирались через груды каменных обломков, мраморные плиты и разрушенные арки.

— Он перемещается так же, как и Олимп. Он всегда существует где-то у границ цивилизованного мира. Но то, что он здесь, именно на *этой* горе, очень плохо.

— Почему?

— Это гора Атласа, — сказала Зоя. — Где он держит... — Она внезапно умолкла. Затем продолжила, и голос ее звучал отчаянно. — Где он обычно поддерживал небосвод.

Наконец мы добрались до вершины. Прямо перед нами серые облака кружились мощным водоворотом, образуя облачную воронку, почти касавшуюся вершины горы, но теперь ее держала на плечах двенадцатилетняя девочка с рыжеватыми волосами, в изодранном серебристом платье — Артемида, чьи ноги были прикованы к скале цепями из небесной бронзы. Вот что я видел во сне! Артемиду вынудили держать не потолок пещеры, а крышу мира.

— Госпожа! — Зоя бросилась вперед, но Артемида ее остановила:

— Стой! Это ловушка. Ты должна немедленно уйти.

Голос ее дрожал, как натянутая струна. Платье насквозь пропиталось потом. Никогда раньше я не видел страдающей богини, но вес неба явно был слишком велик для Артемиды.

Зоя расплакалась. Несмотря на протесты Артемиды, она подбежала к

ней и стала тянуть за цепи.

И тут за нашей спиной раздался гроыхающий голос:

— Ах как трогательно!

Мы обернулись. Перед нами стоял Генерал в шелковом коричневом костюме. Рядом находились Лука и с полдюжины дракониц, которые держали золотой саркофаг Кроноса. Слева от Луки стояла Аннабет. Ее руки были скованы за спиной наручниками, во рту торчал кляп, и Лука вдобавок приставил острие своего меча к ее горлу.

Я встретился с ней взглядом, пытаясь так о многом спросить у нее. Но она вложила в свой ответный взгляд только одно: БЕГИ!

— Лука! — злобно прорычала Талия. — Отпусти ее.

В ответ Лука улыбнулся слабой, бледной улыбкой. Он выглядел еще хуже, чем три дня назад в округе Колумбия.

— Таково решение Генерала, Талия. И все же приятно снова тебя видеть.

Талия плюнула ему под ноги.

— Так, значит, мы обращаемся со старыми друзьями? — Генерал хмыкнул. — А ты, Зоя? Сколько воды утекло... Как там мой маленький предатель? Убив тебя, я получу истинное наслаждение.

— Не отвечайте, — простонала Артемида. — Не спорьте с ними.

— Постойте, — сказал я. — Вы Атлас?

Генерал бросил на меня быстрый взгляд.

— Значит, даже самые глупые из героев в конце концов начинают кое-что соображать. Да, я — Атлас, военачальник титанов и ужас богов. Мои поздравления! Я убью тебя тут же, как только покончу с этой мерзкой девчонкой.

— Вы не причините зла Зое, — сказал я. — Я не позволю.

— Да какое ты имеешь право вмешиваться, ничтожный герой? — спросил Генерал. — Это дело семейное.

— Семейное дело? — нахмурился я.

— Да, — уныло ответила Зоя. — Атлас мой отец.

Глава семнадцатая

Я держу фасон

Ужасно то, что я действительно заметил семейное сходство. У Атласа было то же царственное выражение лица, что и у Зои, такой же холодный, высокомерный взгляд, который появлялся в глазах у охотницы, когда она сердилась, хотя у Атласа он казался гораздо более злобным. В нем было все, что я изначально так невзлюбил в Зое, но ничего хорошего и доброго — того, что я научился ценить в отважной охотнице впоследствии.

— Отпустите Артемиду! — суровым тоном потребовала Зоя.

Атлас подошел ближе к опутанной цепями богине.

— Тогда, может быть, ты хочешь поддержать небо вместо нее? Давай попробуй.

Зоя собиралась было что-то сказать, но Артемида произнесла:

— Нет! И не думай, Зоя. Я запрещаю тебе.

Атлас ухмыльнулся. Опустившись на колени рядом с Артемидой, он попытался погладить ее по лицу, но богиня укусила его, едва не отхватив несколько пальцев.

— У-ху-ху! — фыркнул Атлас. — Видишь, дочка? Госпоже Артемиде нравится новая работа. Думаю, я заставлю всех олимпийских богов по очереди нести мое бремя, как только вновь воцарится повелитель Кронос и это место станет центром нашего дворца. Так можно будет научить этих слабаков смирению.

Я посмотрел на Аннабет. Она отчаянно пыталась сказать мне что-то. Она кивала в сторону Луки. Но единственное, что я мог, — это не отрываясь смотреть на нее. Раньше я этого не замечал, но что-то в ней изменилось. В ее светлых кудрях теперь пролегли седые пряди.

— Это оттого что она держала небо, — пробормотала Талия, словно прочитав мои мысли. — Такая тяжесть могла убить ее.

— Не понимаю, — сказал я. — Почему Артемида не может просто отпустить небо?

— Туго же ты соображаешь, юнец, — расхохотался Атлас. — Это место, где земля впервые встретилась с небом, где Уран и Гея взрастили своих могучих детей, титанов. Небо все еще страстно стремится обнять землю. Кто-то должен поддерживать его, либо оно обрушится, в мгновение ока расплющив все горы и все живое на сотни миль кругом. Если уж ты взвалил на себя эту ношу, пощады не жди. — Атлас улыбнулся. — Если

только кто-нибудь не возьмет это бремя на себя.

Он приблизился, пристально глядя на меня и Талию.

— Так вот они, лучшие из лучших — герои века? Не на что и посмотреть.

— Давай сразимся, — предложил я. — Тогда и посмотрим.

— Разве боги тебя ничему не научили? Бессмертные не могут вступать в прямую схватку со смертными. Это ниже нашего достоинства. Пусть лучше Лука сокрушит тебя.

— Значит, ты тоже трус! — отрезал я.

Глаза Атласа полыхнули ненавистью. Не без некоторого усилия он переключился на Талию.

— Что до тебя, дочь Зевса, похоже, Лука ошибался.

— Я не ошибался, — выдавил Лука. Он выглядел ужасно слабым и говорил так, словно каждое слово причиняло ему боль. Если бы я не ненавидел его до глубины души, то, пожалуй, и пожалел бы. — Талия, ты все еще можешь присоединиться к нам. Позови Офиотавра. И он приплывет. Смотри!

Он взмахнул рукой, и рядом с нами появился пруд — обрамленный черным мрамором бассейн, достаточно большой для Офиотавра. Я живо представил себе Бесси в этом бассейне. И чем больше я думал об этом, тем отчетливее доносилось до меня мычание Бесси.

«Не думай об этом! — внезапно прозвучал в моем сознании голос Гроувера. Сработала эмпатическая связь, установившаяся между нами. Я чувствовал его эмоции. Сатир был на грани паники. — Я теряю Бесси. Блокируй свои мысли!»

Я постарался стереть все мысли, роившиеся у меня в голове. Постарался думать о баскетболистах, скейтбордах, пирожных в магазине мамы. Обо всем, кроме Бесси.

— Талия, призови Офиотавра, — настаивал Лука, — и ты станешь могущественнее, чем боги.

— Лука... что с тобой произошло? — с болью в голосе спросила она.

— Разве ты забыла все наши разговоры? Сколько раз мы с тобой проклинали богов? Наши отцы ничего не сделали для нас. Они не могут и не должны править миром!

Талия покачала головой.

— Освободи Аннабет. Отпусти ее.

— Если ты присоединишься ко мне, — пообещал Лука. — Все не может идти по-старому. Мы трое — заодно. В борьбе за лучший мир. Пожалуйста, Талия, если ты не согласишься... — Его голос пресекся. —

Это мой последний шанс. Если ты не согласишься, он найдет другой способ. Пожалуйста.

Не знаю, что он подразумевал, но в голосе его звучал неподдельный страх. Я поверил в то, что Лука в опасности. Его жизнь зависела от того, присоединится ли Талия к его делу. И я испугался, что Талия тоже может поверить в это.

— Не делай этого, Талия, — предупредила Зоя. — Мы должны сразиться с ними.

Лука снова взмахнул рукой, и вспыхнул огонь. Перед нами возникла бронзовая жаровня, такая же, как в лагере. Жертвенное пламя.

— Талия! — с тревогой сказал я. — Нет!

Золотой саркофаг за спиной Луки засветился. Свечение усиливалось, и в обступившем нас тумане я увидел, как восстают из руин черные мраморные стены, развалины становятся единым целым — жуткий и прекрасный дворец, сотворенный из страха и теней, обступал нас.

— Мы воздвигнем гору Отрис прямо здесь, — пообещал Лука напряженным, почти неузнаваемым голосом. — И он снова станет сильнее и величественнее Олимпа. Взгляни, Талия. Мы сильны.

Он указал в сторону океана, и сердце мое упало. По склону горы, от берега, где была пришвартована «Принцесса Андромеда», поднималось огромное войско. Драконицы и лестригоны, чудовища и полукровки, адские гончие, гарпии и другая нечисть, которой я даже не знал названия. Корабль, должно быть, опустел, потому что их были сотни, намного больше, чем я видел на борту прошлым летом. И они надвигались на нас. Через несколько минут они будут здесь.

— Это лишь первая часть того, что явится, — сказал Лука, — когда мы будем штурмовать Лагерь полукровок. А затем и сам Олимп. Все, что нам нужно, — твоя помощь.

На какое-то ужасное мгновение Талия заколебалась. Она пристально посмотрела на Луку полными боли глазами, так, словно больше всего на свете хотела поверить ему.

— Ты уже не тот, Лука. Я больше не знаю тебя, — ответила Талия, поднимая копье.

— Да нет же, Талия, — взмолился он. — Пожалуйста. Не заставляй меня... Не заставляй его уничтожить тебя.

Времени больше не оставалось. Если это войско поднимется на вершину горы, оно сомнет нас. Я снова встретился глазами с Аннабет. Она кивнула.

Посмотрев на Талию и Зою, я решил, что не самая плохая вещь в мире

— погибнуть, сражаясь бок о бок с такими друзьями.

— Пора, — сказал я.

И мы бросились на врага.

* * *

Талия устремилась на Луку. Мощь ее щита была столь велика, что его телохранители — женщины-драконы — обратились в паническое бегство, бросив золотой саркофаг и оставив Луку одного. Но, несмотря на болезненный вид, Лука управлялся с мечом все так же проворно. Зарывав, как дикое животное, он ринулся в контратаку. Когда его коварный меч ударился о щит Талии, между ними словно проскочила шаровая молния, раскаляя воздух желтыми зазубренными электрическими разрядами.

Что касается меня, то я, мягко выражаясь, сделал самую большую глупость в своей жизни. Я напал на военачальника титанов Атласа. Когда я приблизился, он расхохотался. В руках его появилось огромное копье, а шелковый костюм превратился в полный древнегреческий доспех.

— Ну, давай смелее!

— Перси! — выкрикнула Зоя. — Берегись!

Я понимал, от чего она меня предостерегает.

Когда-то давно Хирон сказал мне: «Бессмертные связаны древними правилами. Но герой может отправиться куда угодно и бросить вызов любому, если у него хватит мужества».

Я атаковал Атласа, но затем дал ему возможность провести обратную атаку, и он обрушился на меня со всей своей мощью.

Я попытался защититься мечом, но Атлас ударил меня сбоку рукоятью копья. Пролетев по воздуху, я со всего размаху шмякнулся о черную стену. Туман полностью рассеялся. Дворец восставал, кирпич за кирпичом, становясь реальностью.

— Глупец! — ликующе завопил Атлас, попутно отражая одну из Зоиных стрел. — Ты возомнил, что если смог бросить вызов этому жалкому богу войны, то можешь противостоять *мне*?

Упоминание об Аресе заставило меня встряхнуться. Перед глазами у меня прояснилось, и я снова бросился на Атласа. Если мне удастся добраться до бассейна, силы мои удвоятся.

Со свистом, словно коса, рассекая воздух, копье полетело в меня. Я занес меч, собираясь отрубить острие от рукояти, но меч мой словно налился свинцом. Внезапно мне показалось, что он весит не меньше тонны.

И тут мне вспомнилось предупреждение Ареса, которое он когда-то произнес на берегу моря в Лос-Анджелесе: «Когда тебе больше всего понадобится твой меч, он предаст тебя».

«Только не сейчас!» — взмолился я.

Но без толку. Я попытался увернуться, но копье угодило мне в грудь, отшвырнув назад, как тряпичную куклу. Я тяжело рухнул на землю, голова у меня кружилась. Открыв глаза, я увидел, что лежу у ног Артемиды, из последних сил удерживающей небосвод.

— Беги, мальчик, — сказала она мне. — Ты должен бежать!

Атлас, не теряя времени, приближался. Мой меч исчез. Его отбросило на край скалы. Он снова появится у меня в кармане — может, даже через несколько секунд, — но это уже не важно. К тому времени я буду мертв. Лука и Талия сражались как одержимые, вокруг них с треском вспыхивали молнии.

Аннабет лежала на земле, отчаянно стараясь освободить руки.

— Умри же, ничтожный герой, — произнес Атлас.

Он занес копье, чтобы пригвоздить меня к земле.

— Нет! — пронзительно вскрикнула Зоя, и залп серебристых стрел, оцетинившись, вонзился в щель под мышкой доспехов Атласа.

Взревев, он обернулся к дочери.

Сунув руку в карман, я почувствовал, что меч на месте. Но я не мог победить Атласа даже с мечом в руках. И тут холодок пробежал у меня по спине. Я вспомнил слова пророчества: «С проклятием титана справится друг». Я не смогу побороть Атласа. Но есть кое-кто другой...

— Небосвод, — сказал я богине. — Передайте его мне.

— Нет, мальчик, — ответила Артемиды. Ее лоб покрыли капельки пота, сверкавшие металлическим блеском, как ртуть. — Ты не ведаешь, о чем просишь. Он раздавит тебя!

— Аннабет же держала его!

— Это чуть не стоило ей жизни. У нее дух настоящей охотницы. Ты столько не выдержишься.

— Мне все равно умирать, — сказал я. — Переложите на меня груз небосвода!

Ответа я дожидаться не стал. Выхватив меч, я перерубил ее цепи. Затем, встав рядом с Артемидой и собрав все свои силы, я оперся на одно колено, поднял руки и коснулся тяжелых холодных облаков. Какой-то миг мы с Артемидой удерживали небосвод вместе. Это была невероятная тяжесть, словно меня разом переехала тысяча грузовиков. Я подумал, что потеряю сознание от боли, но собрался и перевел дух. Я могу сделать это!

Затем Артемида выскользнула из-под тяжести небес, и она легла на меня одного.

Впоследствии я много раз пытался объяснить, что я почувствовал. И ничего не получалось.

Каждую мышцу моего тела словно охватило пламя. Кости, казалось, плавились. Хотелось завопить, но не было сил открыть рот. Я все глубже стал уходить в землю, тяжесть небосвода сокрушала меня.

«Продолжай бороться! — произнес голос Гроувера у меня в голове. — Не сдавайся».

Я сосредоточился на дыхании. Если бы мне удалось продержаться небеса хотя бы еще несколько секунд! Я подумал о Бьянке, которая отдала жизнь, чтобы мы могли попасть сюда. Если она смогла сделать это, я смогу держать небосвод.

Зрение мое утратило ясность. Все затянуло красным туманом. Сцены боя мелькали перед глазами, но я сомневался в том, что именно вижу. Вот Атлас в полном боевом снаряжении, разящий копьем направо и налево, безумно хохочущий в разгар битвы. И Артемида — расплывчатое серебристое пятно. Она была вооружена двумя устрашающего вида охотничьими ножами, каждый длиной с ее руку, и бешено разила титана, отпрыгивая и уворачиваясь с немыслимым изяществом. Казалось, маневрируя, она меняет облик. Она была то тигрицей, то газелью, то медведицей, то соколом. А возможно, это зрелище являлось лишь следствием моего воспаленного воображения. Зоя продолжала осыпая отца стрелами, выискивая щели в его броне. Атлас рычал от боли каждый раз, когда стрела попадала в цель, но они приносили ему не больше вреда, чем пчелиные укусы. Он лишь становился неистовее и продолжал сражаться.

Талия и Лука попеременно орудовали то копьем, то мечом, вокруг них все еще вспыхивали молнии. Талия теснила Луку аурой своего щита. Даже он не мог противостоять ей. Он отступал, вздрагивая и хрипло, обреченно ворча.

— Сдавайся! — выкрикнула Талия. — Тебе никогда не одолеть меня, Лука.

— Это мы еще посмотрим, подруга, — оскалился он.

Пот градом катился по моему лицу. Ладони скользили. Плечи возопили бы предсмертным криком, если бы могли. Казалось, позвонки моего хребта поджаривают на газовой горелке.

Атлас наступал, тесня Артемиду. Она была проворна, но ничто не могло одолеть его мощь. Его копье со всей силы вонзалось в землю там, где

за долю секунды до этого находилась Артемида, и в камне появлялись трещины. Атлас перепрыгивал через них, продолжая преследовать Артемиду. Она заманивала его обратно, ко мне.

«Приготовься», — прозвучал в моих ушах ее голос.

Я терял способность мыслить — мешала боль. Ответ мой прозвучал нечленораздельно.

— Ты неплохо дерешься для девчонки, — расхохотался Атлас. — Но ты мне не противник.

Он сделал ложный выпад копьем, но Артемида увернулась. Я видел, что готовится военная хитрость. Копье Атласа описало круг и сбilo Артемиду с ног. Атлас занес его снова, чтобы прикончить богиню.

— Нет! — пронзительно вскрикнула Зоя.

Прыгнув между Артемидой и отцом, она всадила прямо в лоб титану стрелу, застрявшую там наподобие рога дикого животного. Атлас взревел от ярости. Он отшвырнул дочь тыльной стороной руки, и Зоя, описав в воздухе дугу, упала на черные скалы.

Мне хотелось выкрикнуть ее имя, броситься ей на помощь. Но я не мог ни говорить, ни двигаться. Я даже не видел, куда упала Зоя. Атлас повернулся к Артемиде с торжеством на лице. Артемида казалась раненой. Она не вставала.

— Первая кровь в новой войне! — злорадно воскликнул он. И нанес удар сверху вниз.

Быстрее молнии Артемида схватила за рукоять его копья. Оно вонзилось в землю прямо рядом с ней, и богиня, дернув оружие назад и используя древко как рычаг, толкнула титана и заставила его перелететь через нее. Я увидел, как Атлас падает на меня, и понял, что сейчас произойдет. Я чуть ослабил окаменевшие мускулы, а когда титан врезался в меня, не попытался поддержать небосвод. Напротив, я позволил столкнуться себя с места и откатился как можно дальше.

Небеса всей тяжестью рухнули на спину Атласа, чуть не раздавив его, пока ему не удалось приподняться на колени; он боролся до конца, чтобы сбросить с себя сокрушительный вес небосвода, но было уже поздно.

«НЕ-Е-Е-Е-ЕТ! — взревел он так, что содрогнулась гора. — ТОЛЬКО НЕ ЭТО!»

Атлас угодил в ловушку своего прежнего бремени.

Попытавшись встать, я снова упал — от боли все плыло перед глазами. Мое тело горело как в огне. Талия заставила Луку отступить к краю утеса, но и там они продолжали биться, пока не достигли золотого саркофага. В глазах Талии стояли слезы. Кровавая рана зияла поперек груди Луки, его

бледное лицо блестело от пота. Он кинулся на Талию, и та тяжело ударила его щитом. Коварный меч Луки выпал у него из рук и, звеня, покатился по скалам. Талия приставила острие копья к его горлу.

На мгновение воцарилась тишина.

— Ну и?.. — спросил Лука. Он постарался скрыть страх в голосе, но я все равно услышал.

От ярости Талию била дрожь.

Позади нее по камням вскарабкалась Аннабет, наконец освободившаяся от пут. Лицо у нее было в синяках, и грязь струйками стекала по нему.

— Не убивай его!

— Он предатель! — выкрикнула Талия. — Предатель!

Сквозь дымку, застилавшую глаза, я понял, что Артемиды рядом нет. Она умчалась к черным скалам, куда упала Зоя.

— Мы отведем Луку обратно, — взмолилась Аннабет. — На Олимп. Он... он еще будет полезен.

— Так вот чего ты хотела, Талия? — усмехнулся Лука. — Вернуться на Олимп с триумфом? Порадовать папочку?

Талия не могла решиться, и этого было достаточно, чтобы Лука отчаянно вцепился в ее копье.

— Нет! — воскликнула Аннабет.

Но было уже слишком поздно. Талия инстинктивно оттолкнула Луку. Он потерял равновесие, на лице появился ужас. И он упал со скалы.

— Лука! — пронзительно вскрикнула Аннабет.

Мы бросились к краю утеса. Под нами застыло в изумлении войско с «Принцессы Андромеды». Они не сводили глаз с тела Луки, разбившегося о скалы. Несмотря на всю мою ненависть, я не мог долго смотреть на это. Хотелось верить, что он все еще жив, но это было невозможно. Он упал с высоты не менее пятидесяти футов и лежал неподвижно.

Один из великанов взглянул вверх и прорычал:

— Убейте их!

Талия скорбно застыла рядом, слезы ручьями бежали по ее лицу. Я оттолкнул ее в сторону, и над нами просвистела туча дротиков. Мы бросились бежать к скалам, не обращая внимания на проклятия и угрозы Атласа, которые неслись нам вслед.

— Артемида! — громко позвал я.

Богиня подняла взгляд, лицо ее, как и у Талии, напоминало маску скорби. Зоя лежала у нее на руках. Она дышала. Глаза были открыты. И все же...

— В ране яд, — сказала Артемида.

— Ее отравил Атлас? — спросил я.

— Нет, — ответила богиня. — Не он.

Она показала нам рану, зиявшую в боку Зои. Я уже почти забыл о ее схватке с Ладонем. Укус оказался гораздо серьезнее, чем говорила охотница. Я едва мог смотреть на рану. Зоя бросилась сражаться с отцом с этой ужасной раной, уже подтачивавшей ее силы.

— Звезды, — пробормотала Зоя. — Я не вижу их.

— Нектар и амброзия, — пробормотал я. — Давайте же! У нас должно немного оставаться.

Никто не тронулся с места. Скорбь витала в воздухе. Воинство Кроноса по-прежнему ожидало внизу. Даже Артемида была повергнута в такое состояние, что не могла пошевелиться. Неминуемая гибель грозила нам, но тут я услышал странный жужжащий звук. В тот момент, когда войско монстров поднялось на холм, с высоты на нас спланировал «сопвич кэмел».

— Прочь от моей дочери! — выкрикнул доктор Чейз, и пулеметы его летательного аппарата застрекотали, испещрив землю следами от пуль и заставив целый отряд чудовищ броситься врассыпную.

— Папа? — недоверчиво спросила Аннабет.

— Беги, дочка! — крикнул он в ответ, голос его становился все слабее, по мере того как удалялся аэроплан.

Это вывело Артемиду из состояния скорбного оцепенения. Она уставилась в небо, разглядывая старинный самолет, ложившийся на крыло для очередного захода.

— Отважный мужчина, — с одобрением промолвила Артемида. — Пойдем. Надо унести отсюда Зою.

Она поднесла к губам охотничий рог, и его чистый зов эхом разнесся по долинам. Веки Зои трепетали.

— Останемся здесь! — сказал я. — Все будет в порядке!

«Сопвич кэмел» снова коршуном ринулся вниз. Несколько великанов метнули в него дротики, и один пролетел между крыльев биплана, но в ответ заговорили пулеметы. Я с изумлением понял, что доктору Чейзу каким-то образом удалось достать небесную бронзу для своих пуль. Шедшие в первом ряду женщины-змеи взвыли, когда пулеметный залп обратил их в облачко желтой пыли, пахнущее серой.

— Это... мой папа! — в изумлении произнесла Аннабет.

Но у нас не было времени восхищаться его полетом. Великаны и женщины-змеи уже почти оправились от удивления. Скоро доктору Чейзу

придется туго.

Как раз в это мгновение лунный свет стал ярче и в небесах появилась серебряная колесница, в которую был впряжен самый прекрасный олень, какого мне когда-либо доводилось видеть. Она опустилась прямо рядом с нами.

— Забирайтесь, — велела Артемида.

Аннабет поддержала за плечи Талию. Я помог Артемиде внести Зою. Мы завернули охотницу в одеяло, затем Артемида взяла поводья, и колесница взмыла с горы прямо в воздух.

— Совсем как санки Санта-Клауса, — пробормотал я, все еще не отойдя от боли.

Артемида улучила момент и оглянулась.

— Конечно, юный герой. Откуда же, по-твоему, взялась эта легенда?

Видя, что мы благополучно отбыли, доктор Чейз развернул свой биплан и последовал за нами в роли почетного эскорта. Наверное, это было самое странное видение из тех, что когда-либо возникали над заливом, — летящая по небу серебряная колесница, запряженная оленем и эскортируемая аэропланом.

Внизу под нами в гнев бесновалось войско Кроноса, собравшееся на вершине горы Тамалпаис, но этот неистовый хор перекрывал голос Атласа, с ревом выкрикивавшего проклятия в адрес богов, изнемогая под тяжким грузом небосвода.

Глава восемнадцатая

Прощание с другом

Мы приземлились на аэродроме в Крисси-Филд, когда уже стемнело.

Как только доктор Чейз выбрался из своего биплана, Аннабет подбежала к нему и крепко-крепко обняла.

— Па! Ты летал... стрелял... о боги! Самое поразительное, что я когда-либо видела!

— Полагаю, для смертного средних лет весьма неплохо. — Доктор Чейз покраснел.

— Но пули из небесной бронзы? Откуда ты их взял?

— Ах это... Ты оставила кое-какое оружие, которым пользуетесь вы, полукровки, у себя в комнате в Виргинии, когда в последний раз... уехала.

Аннабет в смущении опустила глаза. Я заметил, что доктор Чейз заботливо избегает слова «сбежала».

— Я решил расплавить немного для гильз, — продолжал он. — В порядке эксперимента.

Он сказал об этом как о пустяке, но я подметил, как блеснули его глаза. И внезапно понял, почему Афина, богиня мудрости и ремесел, полюбила его. В глубине души он был великолепным образцом сумасшедшего ученого.

— Па... — Голос Аннабет пресекся.

— Аннабет, Перси, — вмешалась Талия.

Ее голос прозвучал как приказ. Они с Артемидой опустили на колени рядом с Зоей, перевязывая раны охотницы.

Мы с Аннабет бросились на помощь, но пользы от нас было мало. Амброзии и нектара у нас не осталось. Обычные медикаменты вряд ли помогли бы. Даже в темноте я видел, что Зое плохо. Ее била дрожь, и слабое сияние, обычно окружавшее ее, гасло.

— Вы не могли бы вылечить ее каким-нибудь волшебством? — спросил я Артемиду. — То есть... вы же богиня.

Артемида выглядела удрученной.

— Жизнь хрупка, Перси. Если мойры решили перерезать нить, я ничего не могу поделать. Но я могу попробовать.

Она попыталась приложить ладонь к ране Зои, но охотница перехватила ее запястье. Она посмотрела в глаза богини, и мне показалось, что они поняли друг друга.

— Я... хорошо служила вам? — шепнула Зоя.

— С честью и достоинством, — мягко ответила Артемида. — Ты была лучшей из моих помощниц.

— Покой. Наконец-то. — Лицо Зои расслабилось.

— Я могу попытаться ослабить действие яда, моя отважная девочка.

Но в тот момент я понял, что Зою убивает не только яд. Это был последний удар ее отца. Зоя все время знала, что слова оракула — «от отцовских рук» — относятся к ней. И все же отправилась на поиск. Она предпочла спасти меня, и ярость Атласа надломила ее.

Найдя глазами Талию, она взяла ее за руку.

— Мне жаль, что мы ссорились, — сказала Зоя. — А могли бы быть сестрами.

— Это моя вина, — ответила Талия, часто моргая. — Ты была права насчет Луки, насчет героев, мужчин... всего.

— Возможно, не всех мужчин, — пробормотала Зоя. Она слабо улыбнулась мне. — У тебя сохранился твой меч, Перси?

Я не мог говорить, но достал ручку и вложил ее в ладонь Зои. Она быстро и как бы с радостью сжала ее.

— Ты сказал правду, Перси Джексон. Ты совсем не похож на... на Геракла. Для меня — честь, что ты носишь этот меч.

Дрожь пробежала по ее телу.

— Зоя... — сказал я.

— Звезды, — шепнула она. — Я снова вижу звезды, госпожа.

Слезинка скатилась по щеке Артемиды.

— Да, моя отважная. Сегодня они прекрасны.

— Звезды, — повторила Зоя, не отрывая глаз от ночного неба.

Так она и застыла.

Талия опустила голову. Аннабет подавила рыдания, а ее отец положил руки ей на плечи. Я следил за тем, как Артемида накрыла рукой губы Зои и произнесла несколько слов на древнегреческом. Завиток серебристого дыма вырвался из уст охотницы, и богиня подхватила его. Тело Зои растаяло в мерцании.

Артемида поднялась, произнесла нечто вроде молитвы, подышала на свою сложенную ладонь, и серебристый прах вознесся к небесам. Искры, он исчез.

На какой-то миг мне показалось, что ничего не изменилось. Затем Аннабет испустила глубокий вздох. Взглянув на небо, я увидел, что звезды стали ярче. Они сложились в узор, которого я прежде не замечал, — сияющее созвездие, похожее на девичью фигуру, — девушку с луком,

летящую в небесах.

— Пусть мир почитит тебя, моя охотница, — произнесла Артемида. — Вечно живи среди звезд.

* * *

Наше прощание получилось нелегким. На севере на гору Тамалпаис все еще низвергались громы и молнии. Артемида так горевала, что от нее то и дело исходило серебристое свечение. Это заставляло меня нервничать, потому что если бы она вдруг утратила над собой контроль и явилась нам в своем божественном обличье, то, взглянув на нее, мы распались бы на молекулы.

— Я должна немедленно быть на Олимпе, — сказала Артемида. — Я не смогу взять вас с собой, но пришлю помощь.

Потом богиня положила руку на плечо Аннабет.

— Ты отважна сверх всякой меры, девочка. Надеюсь, и поступать ты будешь правильно.

Затем она загадочно посмотрела на Талию, словно не могла решить, что делать с этой младшей дочерью Зевса. Талия с явной неохотой подняла глаза, но выдержала взгляд богини. Не уверен, что именно произошло между ними, но сочувствие смягчило взгляд Артемиды. Затем она обернулась ко мне.

— Ты хорошо справился, — проговорила она. — Для мужчины.

Я хотел было возразить, но только потом понял, что она впервые не назвала меня мальчиком.

Артемида взошла на свою ярко озарившуюся колесницу. Мы отвели взгляд. Последовала серебристая вспышка, и богиня исчезла.

— Что ж, — заключил доктор Чейз, — она выглядела впечатляюще, хотя должен сказать, что все равно предпочитаю Афины.

Аннабет повернулась к нему.

— Папа, я... мне так жаль, что...

— Тсс! — Он крепко обнял ее. — Делай что должна, дорогая. Я знаю, для тебя это нелегко.

Голос его слегка дрожал, но он мужественно улыбнулся Аннабет.

Затем я услышал шелест больших крыльев. Три пегаса спустились к нам сквозь туман — два белых и один черный как смоль.

— Пират! — окликнул я его.

«Хей, босс! — мысленно отозвался он. — Как это вам удалось

остаться живым и невредимым без меня?»

«Тяжеловато пришлось», — так же мыслью ответил я.

«Я привел с собой Гвидо и Толстяка».

«Как делишки?» — раздался в моем сознании голоса двух белых пегасов.

Пират заботливо оглядел меня, затем с интересом посмотрел на доктора Чейза, Талию и Аннабет.

«Надо разогнать этих олухов?»

— Не-а! — громко произнес я. — Это мои друзья. Нам нужно побыстрее попасть на Олимп.

«Без проблем, — ответил Пират. — Кроме вон того смертного. Надеюсь, он не полетит».

Я заверил его, что доктор Чейз никуда лететь не собирается. Профессор, разинув рот, уставился на пегасов.

— Поразительно, — сказал он. — Какая маневренность! Интересно, как размах крыла компенсирует вес лошадиного тела?

«Что-о-о?» — склонил голову набок Пират.

— Если бы у англичан были такие пегасы во время кавалерийских атак в Крымской войне, — пробормотал доктор Чейз, — то атака легкой бригады... могла бы...

— Папа! — прервала его Аннабет.

Доктор Чейз заморгал. Он посмотрел на дочь и через силу улыбнулся.

— Прости, дорогая. Я знаю, тебе пора.

Он в последний раз неловко, из самых лучших побуждений прижал ее к груди. Когда она повернулась, чтобы оседлать Гвидо, доктор Чейз произнес:

— Аннабет! Я знаю... знаю, что Сан-Франциско — опасное место для тебя. Но помни, пожалуйста, что у нас ты всегда найдешь крышу над головой. Мы тебя в обиду не дадим.

Аннабет ничего не ответила, но, когда она отворачивалась, глаза у нее были на мокром месте. Доктор Чейз начал было говорить что-то еще, но потом явно одумался. Он печально поднял руку в знак прощания и тяжело поплелся через темное поле.

Мы с Талией и Аннабет уселись на наших пегасов. Паря на приличной высоте, мы пролетели над бухтой, направляясь к восточным холмам. Скоро Сан-Франциско превратился в светящееся пятно за нами, и только на севере время от времени вспыхивали молнии.

Талия так вымоталась, что сон сморил ее прямо на спине Толстяка. Я понял, что она действительно устала, поскольку смогла отключиться в воздухе, несмотря на страх высоты, но волноваться было не о чем. Ее пегас летел легко и непринужденно, четко отслеживая положение седока, и Талии ничего не угрожало.

Мы с Аннабет летели бок о бок.

— Похоже, отец у тебя отличный, — сказал я.

Было слишком темно, чтобы разглядеть выражение ее лица. Аннабет оглянулась, хотя Калифорния давно уже осталась позади.

— Надеюсь, — ответила она. — Мы с ним столько лет ссорились...

— Да, ты говорила.

— Так ты думаешь, я про это врала? — Вопрос прозвучал вызывающе и одновременно несколько нерешительно, будто она сама себя спрашивала.

— Я не говорю, что ты врала. Просто он отличный мужик. И твоя мачеха тоже... ничего. Может, они, уф, немного успокоились с вашей последней встречи.

Аннабет помолчала.

— Но они живут в Сан-Франциско, Перси. А я не могу жить так далеко от лагеря.

Я не хотел задавать ей следующий вопрос. Боялся услышать ответ. Но все же я спросил:

— Так что же ты собираешься теперь делать?

Под нами проплывал городок — остров света среди тьмы. Он промелькнул так быстро, словно мы летели на самолете.

— Не знаю, — призналась Аннабет. — Но спасибо, что выручил меня.

— Да ну, пустяки. Мы же друзья.

— Ты не верил, что я умерла?

— Ни одной минуты.

— Вот и Лука, понимаешь? — сказала Аннабет после затянувшейся паузы. — Я хочу сказать... он жив.

Я удивленно уставился на нее. Что она имеет в виду? Может быть, ее так потрясло все пережитое?..

— Аннабет, но ты же сама видела, как он упал. После таких падений...

— Он жив, — упрямо повторила Аннабет. — Я это знаю. Так же как ты знал про меня.

Это сравнение не доставило мне особой радости.

Теперь городки мелькали все быстрее, острова света сливались в один, пока весь пейзаж внизу не превратился в сияющий ковер. Светало. Небо на востоке поблекло. И там, впереди, раскинулось огромное бело-желтое пятно света — огни Нью-Йорка.

«Как тебе скоростная доставка, босс? — хвастливо спросил Пират. — Получим прибавку сена к завтраку или как?»

«Ты крутой парень, — похвалил я его. — То есть я имел в виду — конь».

— Ты не веришь мне насчет Луки, — сказала Аннабет. — Но мы еще увидим его. Он в беде, Перси. Кронос заморозил его.

Я не был расположен спорить, хотя меня все это бесило. Как она могла до сих пор переживать из-за этого уroda? Как могла находить для него оправдания? Он заслужил свое падение. Он заслужил... ладно, я скажу. Он заслужил смерти! В отличие от Бьянки. В отличие от Зои. Лука не должен был остаться в живых. Это несправедливо.

— Вот оно, — услышал я голос Талии. Она проснулась, и теперь указывала на Манхэттен, который быстро, с гудением надвигался на нас. — Началось.

— Что началось? — спросил я.

Потом я взглянул в том направлении, куда указывала Талия, и все понял. Высоко над Эмпайр-стейт-билдингом отдельным островом света появился Олимп — парящая в воздухе гора, ярко сияющая огнями факелов и жаровен и ослепительно блистающая мраморными дворцами.

— Зимнее солнцестояние, — сказала Талия. — Совет богов.

Глава девятнадцатая

Боги выбирают для нас казнь

Сам по себе полет не очень приятное занятие для сына Посейдона, но лететь прямо во дворец Зевса, окутанный громами и молниями, было и того хуже.

Мы покружили над центром Манхэттена, описав полный круг возле горы Олимп. Я был там всего однажды, поднявшись на лифте на потайной 600-й этаж Эмпайр-стейт-билдинга. На этот раз, если такое вообще возможно, Олимп поразил меня еще сильнее.

Расположенные на склоне горы дворцы, озаренные факелами и жаровнями, светились в утренних сумерках двадцатью разными оттенками — от кроваво-красного до цвета индиго. На Олимпе явно никто не спал. Извилистые улочки кишели полубогами, духами природы и младшими божествами, последние ехали в колесницах или в паланкинах, которые несли циклопы. Зима, похоже, никогда не добиралась до этого места. Я уловил благоухание буйно цветущих садов — запахи жасмина, роз и чего-то еще более сладостного, чему я не знал названия. Музыка волнами накатывала из множества окон — приглушенные звуки лир и тростниковых дудочек.

Вершину горы венчал величайший дворец — сияющая белизной обитель богов.

Мы спешили в наружном дворике перед высокими серебряными воротами. Не успел я подумать о том, чтобы постучать, как ворота распахнулись сами собой.

«Удачи, босс», — сказал Пират.

«Спасибо».

Не знаю почему, но я чувствовал себя так, словно иду на расстрел. Я еще никогда не видел богов в полном сборе. Я знал, что любой из них может стереть меня в порошок, а некоторые и в самом деле очень не прочь это сделать.

«Эй, если не вернешься, можно, я займу твой домик под конюшню?»

Я посмотрел на пегаса.

«Мысли вслух, — сказал Пират. — Извини».

Пират и его друзья улетели. Мы Талией и Аннабет остались одни. С минуту мы стояли, озирая дворец, как стояли некогда — миллион лет тому назад — перед Уэстовер-холлом.

А затем плечо к плечу двинулись в тронный зал.

* * *

Двенадцать огромных тронов расположились вокруг главного очага в виде буквы «U», почти как домики в лагере. На потолке сияли созвездия, и даже самое новое из них было тут: Зоя-охотница, летящая по небу со своим луком.

Ни один трон не пустовал. Все боги обладали ростом футов пятнадцать, не меньше, и если уж говорить начистоту... когда дюжина огромных и всемогущих существ разом обращает на тебя взор... Тут даже встреча с чудовищем покажется увеселительной прогулкой.

— Добро пожаловать, герои, — сказала Артемида.

— Му-у-у-у!

И только тогда я заметил Бесси и Гроувера.

В центре зала рядом с очагом парила водяная сфера. В ней с наслаждением резвился Бесси, рассекая воду змеиным хвостом и вертя головой по сторонам. Он упивался новой возможностью — поплавать в волшебном пузыре. Коленопреклоненный Гроувер стоял перед тронном Зевса, словно отчитываясь перед ним, но, увидев нас, воскликнул:

— У вас получилось!

Он рванулся навстречу нам, но тут вспомнил, что повернулся спиной к Зевсу, и взглядом испросил дозволения.

— Беги, — кивнул Зевс.

Наверняка ему не было дела до Гроувера. Повелитель небес устремил внимательный взгляд на Талию.

Гроувер рысцой побежал к нам. Копыта сатира звучно цокали по мраморному полу. Плескался в водяном пузыре Бесси. В очаге потрескивали дрова. Боги молчали.

Я тревожно взглянул на своего отца, Посейдона. Он сидел на троне в тех же шортах, гавайской рубашке и сандалиях, в каких я видел его во время нашей последней встречи. То же обветренное, загорелое лицо, темная борода и глубокие зеленые глаза. Я не мог сказать точно, что он чувствует, но приветливые морщинки разбегались от уголков его глаз. Посейдон кивнул, словно хотел сказать: «Все в порядке».

Гроувер с распростертыми объятиями бросился к Аннабет и Талии и крепко прижал их к груди. Затем схватил меня за руки.

— Перси, у нас с Бесси получилось! Но ты должен убедить их! Они не

могут сделать это!

— Что сделать? — спросил я.

— Герои! — обратилась к нам Артемида.

Богиня соскользнула с трона и превратилась в девочку — девочку с рыжеватыми волосами, которая чувствовала себя как рыба в воде в окружении гигантов олимпийцев. Она двинулась навстречу нам, ее серебристые одежды мерцали. Лицо не выражало никаких чувств. Казалось, богиня ступает по дорожке из лунного света.

— Совету доложили о ваших деяниях, — сказала нам Артемида. — Теперь они знают, что на западе воздвигается гора Отрис. Они знают о попытке Атласа вырваться на свободу и о собирающемся войске Кроноса. Мы проголосовали за то, чтобы действовать.

Боги стали перешептываться, шаркая подошвами, так, словно не все одобряли подобный план, но никто не возразил.

— По повелению владыки Зевса, — продолжала Артемида, — мне с моим братом Аполлоном предстоит охотиться на самых могущественных чудовищ, чтобы убить их, прежде чем они присоединятся к титанам. Госпожа Афина лично проверит остальных титанов, дабы удостовериться, что все они пребывают в заточении. Владыке Посейдону было дано разрешение в полной мере излить свою ярость на круизное судно «Принцесса Андромеда», пустив его ко дну. Что касается вас, герои... — Она обернулась к бессмертным. — Эти полукровки сослужили Олимпу великую службу. Кто-нибудь здесь не согласен с этим?

Богиня охоты оглядела собравшихся богов, поочередно встречаясь глазами с каждым. Зевс, одетый в темный костюм в тонкую полоску, сохранял полную неподвижность, его черная борода была аккуратно подстрижена, глаза горели энергией. Рядом с ним сидела красавица с серебристой косой, переброшенной через плечо, в платье, переливавшемся всеми цветами радуги, подобно павлиньим перьям. Госпожа Гера.

По правую руку от Зевса восседал мой отец Посейдон. Рядом с ним разместился крупный мужчина — глыба мышц, голова неправильной формы и всклокоченная каштановая борода. Язычки пламени вспыхивали в его бакенбардах, ногу ниже колена охватывало нечто вроде стальной скобы. Владыка кузнецов Гефест.

Гермес подмигнул мне. Сегодня он надел деловой костюм, а в руках держал свой мобильник-кадуцей, все время принимая сообщения. Аполлон сидел на золотом троне, не снимая темных очков. На нем были наушники, и я вообще сомневался, слышит ли он, что происходит в зале, но, взглянув на меня, брат Артемиды поднял вверх оба больших пальца. У Диониса был

скучающий вид, в руках он вертел кисть винограда. Арес — тот сидел на хромированном троне, обитом кожей, сверкал на меня глазами и натачивал нож.

С женской стороны тронного зала богини располагались в следующем порядке. Ближе всего к Гере, темноволосая, в зеленых одеждах, на троне, увитом ветвями яблони, — Деметра, богиня плодородия. Рядом с ней сероглазая красавица в элегантном белом платье. Это могла быть только мать Аннабет, Афина. И затем Афродита, которая понимающе улыбнулась мне, отчего меня непроизвольно бросило в краску.

Все боги Олимпа собрались здесь. В зале скопилось столько энергии и мощи — казалось чудом, что весь дворец не разлетается на куски.

— Должен сказать, — нарушил тишину Аполлон, — эти ребята поработали на славу.

Прокашлявшись, он стал декламировать:

— Герои, снискавшие лавры...

— Хм, да, высший класс, — прервал его Гермес, словно при звуках поэзии Аполлона у него начинались судороги. — Все за то, чтобы оставить их в неприкосновенности?

Поднялись две робкие руки — Деметра, Афродита.

— Погодите минутку, — грозно проворчал Арес. — Эти двое опасны. — Он указал на нас с Талией. — Будет куда надежнее, если мы поддержим их здесь...

— Арес, — прервал его мой отец Посейдон, — это достойные герои. Мы не причиним вреда моему сыну.

— И моей дочери, — проворчал Зевс. — Она держалась молодцом.

Талия зарделась. Опустила глаза. Я понимал, что она чувствует. Я тоже почти не разговаривал с отцом и уж тем более не устаивался его похвал.

Богиня Афина откашлялась и выпрямилась на троне.

— Я тоже горжусь своей дочерью. Но двое других угрожают нашей безопасности.

— Мама! — воскликнула Аннабет. — Как ты можешь...

Афина остановила ее невозмутимым, но решительным взглядом.

— К несчастью, мой отец Зевс и дядя Посейдон предпочли нарушить данную клятву — не заводить больше детей. Только Аид, как это ни забавно, сдержал слово. Как мы знаем из Великого Пророчества, дети трех старших богов... такие как Талия и Перси... опасны. Каким бы тупоголовым ни был Арес, он зрит в корень.

— Верно! — поддержал Арес. — Эй, постой-ка. Кого ты назвала?..

Он стал подыматься с трона, но вокруг его пояса, словно пристяжной

ремень, обвилась виноградная лоза и заставила сесть обратно.

— Об одном прошу, Арес, — вздохнул Дионис. — Оставь драку на потом.

Арес выругался и сорвал обвившую его лозу.

— Так говори, не стесняйся, старый пьянчуга! Ты серьезно хочешь защитить этих придурков?

Дионис устало посмотрел на нас сверху вниз.

— У меня нет причин их любить. Афина, ты на самом деле думаешь, что безопаснее всего — уничтожить их?

— Я не хочу никого судить, — произнесла Афина. — Просто указываю на возможный риск. Как поступить — пусть решает Совет.

— Я не стала бы их карать, — сказала Артемида. — Напротив, я вознаградила бы их. Если мы будем уничтожать героев, которые оказывают нам великие услуги, то мы не лучше титанов. Если такова справедливость богов Олимпа, я не желаю иметь к ней никакого отношения.

— Успокойся, сестричка, — сказал Аполлон. — Ради всего святого, надо смотреть на вещи легче!

— Не смей называть меня сестричкой! Я наградила бы их!

— Хорошо, — проворчал Зевс. — Возможно. Но чудовище, по крайней мере, должно быть уничтожено. По этому поводу мы пришли к согласию.

Все дружно закивали.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, о чем они говорят. И сердце мое налилось свинцовой тяжестью.

— Бесси? Вы хотите уничтожить Бесси?

— Му-у-у-у-у! — протестующе замычал Бесси.

Мой отец нахмурился.

— Ты назвал Офиотавра Бесси?

— Отец, — сказал я, — это всего-навсего морское существо. Замечательное морское существо. Очень симпатичное. Вы не можете уничтожить его.

Посейдон приподнялся на троне.

— Перси, это могущественное чудовище. Если титаны похитят его или...

— Вы не можете так поступить, — настойчиво повторил я. Потом посмотрел на Зевса. Пожалуй, мне стоило бы испугаться, но я вызывающе уставился на него. — Пророчества никогда не удастся контролировать. Разве не так? Кроме того, Бесс... Офиотавр — сама невинность. Убивать таких — неправильно. Так же неправильно, как... как то, что Кронос пожирал своих детей только за то, что они могут сделать. Неправильно!

Зевс, казалось, задумался над моими словами. Потом перевел взор на Талию.

— А как же риск? Кроносу прекрасно известно, что, если один из вас принесет в жертву внутренности этой твари, он обретет власть, способную уничтожить нас. Неужели вы думаете, что мы смиримся с такой возможностью? Тебе, дочь моя, завтра исполнится шестнадцать, именно об этой дате говорится в пророчестве.

— Вы должны доверять им, — громко и отчетливо произнесла Аннабет. — Повелитель, вы должны доверять им.

— Доверять смертным? — нахмурился Зевс.

— Аннабет права, — вмешалась Артемида. — Именно поэтому я должна сначала вручить свою награду. Моя верная спутница, Зоя Ночная Тень, отошла к звездам. Я должна выбрать себе новую помощницу. И я намерена осуществить свой выбор сейчас. Но перед этим, Отец Зевс, мне нужно переговорить с вами частным образом.

Зевс знаком призвал к себе Артемиду. Наклонившись вперед, он выслушал то, что прошептала ему богиня охоты.

Меня охватила паника.

— Аннабет, — еле слышно вымолвил я, — не надо.

— О чем ты? — Она сдвинула брови.

— Послушай, я должен тебе кое-что сказать, — запинаясь, продолжал я. — Я не вынесу, если... я не хочу, чтобы ты...

— Перси, — сказала Аннабет, — у тебя такой вид, будто тебя сейчас стошнит.

Именно так я себя и чувствовал. Мне хотелось сказать больше, но язык предательски не подчинялся. Я не мог пошевелить им из-за страха, скопившегося у меня внутри. Тут Артемида повернулась к залу.

— У меня будет новая помощница, — провозгласила она. — Разумеется, если она согласится.

— Нет, — пробормотал я.

— Талия, дочь Зевса, — торжественно произнесла Артемида, — хочешь ли ты присоединиться к охоте?

В зале воцарилось ошеломленное молчание. Я воззрился на Талию, не веря своим ушам. Аннабет улыбалась так, словно ожидала этого. Она с силой сжала руку Талии и выпустила ее.

— Да, хочу, — твердо ответила Талия.

Зевс поднялся с трона, взгляд у него был озабоченный.

— Дочь моя, хорошенько взвесь все.

— Отец, — ответила Талия, — завтра мне не исполнится шестнадцать.

И не исполнится никогда. Я не хочу, чтобы в пророчестве говорилось обо мне. Я остаюсь со своей сестрой Артемидой. Кронос никогда больше не станет искушать меня.

Преклонив колена перед богиней охоты, она начала произносить слова, памятные мне по клятве, которую давала Бьянка.

— ...Торжественно клянусь своей богине Артемиде, что отныне отвращу свой взор от мужчин...

* * *

Впоследствии Талия сделала нечто, удивившее меня не меньше самой клятвы. Подойдя ко мне, она улыбнулась и на глазах у всех собравшихся крепко обняла меня.

Я покраснел.

Когда она оттолкнула меня и сжала мои плечи, я сказал:

— Хм, я полагал, что теперь тебе запрещено делать это. То есть обниматься с мальчиками.

— Я отдаю дань почести другу, — поправила меня Талия. — Я должна присоединиться к охоте, Перси. Душа моя не могла обрести покой после того, что случилось на Холме полукровок. Наконец у меня появилось чувство, что я дома. Но ты герой. И в пророчестве говорится о тебе.

— Здорово, — пробормотал я.

— Я горжусь тем, что я твой друг.

Она крепко прижала к груди Аннабет, с трудом сдерживавшую слезы. Потом она обняла и Гроувера, который едва не лишился чувств от радости, будто кто-то вручил ему пожизненный талон на бесплатные энчилады. Затем Талия встала рядом с Артемидой.

— А теперь — Офиотавр, — сказала Артемида.

— Этот парень опасен, — предупредил Дионис. — Офиотавр же — великое искушение властью. Даже если мы пощадим мальчишку...

— Нет. — Я оглядел всех богов. — Пожалуйста, не трогайте Офиотавра. Мой отец может спрятать его где-нибудь в морских глубинах, или держите его в аквариуме здесь, на Олимпе. Но вы должны защитить его.

— А почему мы должны верить тебе? — прогремел Гефест.

— Мне только четырнадцать, — сказал я. — Если пророчество обо мне, осталось еще два года.

— Два года для того, чтобы Кронос мог соблазнить тебя? — спросила

Афина. — За два года многое может измениться, мой юный герой.

— Мама! — с отчаянием сказала Аннабет.

— Это всего лишь правда, дитя. Надо быть плохим стратегом, чтобы сохранить жизнь животному. Или мальчику.

Тогда поднялся Посейдон.

— Я не позволю уничтожить морское существо, если могу помочь ему. А я могу.

Он вытянул руку, и в ней появился трезубец — двадцатифутовое бронзовое копье с тремя остриями, мерцавшее голубоватым подводным светом.

— Я ручаюсь за мальчика и безопасность Офиотавра.

— Ты не возьмешь его с собой в глубины моря, — внезапно поднявшись, сказал Зевс. — Я не собираюсь давать тебе такой козырь.

— Прошу тебя, брат, — вздохнул Посейдон.

Жезл громовержца появился в руке Зевса; исходившее от него электричество наполнило зал запахом озона, как при надвигающемся шторме.

— Ладно, — сказал Посейдон. — Я построю здесь аквариум для этого существа. Гефест мне поможет. Офиотавр будет в безопасности. Мы будем охранять его всеми доступными нам средствами. Мальчик не предаст нас. Клянусь честью.

Зевс задумался. Но потом спросил:

— Кто за?

К моему удивлению, поднялось множество рук. Дионис воздержался. Воздержались также Арес и Афина. Но все остальные...

— Принято большинством голосов, — объявил Зевс. — Итак, поскольку мы решили не уничтожать этих героев... Я думаю, следует оказать им почести. Начнем же торжество в честь триумфаторов!

* * *

Вечеринки бывают скромные, а бывают, напротив, с размахом. И еще бывают вечеринки на Олимпе. Если у вас есть выбор, отправляйтесь на Олимп.

Девять муз настроили инструменты, и я понял, что музыка может быть любой, какой ты сам пожелаешь. Боги могли слушать классику, а полубоги помоложе — хип-хоп, и все на одном саундтреке. Никаких споров. Никакой ругани по поводу выбранной радиостанции. Только просьбы, чтобы музыка

не останавливалась.

Дионис расхаживал по залу между столиками с закусками, выставившими как из-под земли, и какая-то прекрасная женщина шла с ним рука об руку. Это была его жена Ариадна. Впервые я видел мистера Д. счастливым. Нектар и амброзия струились из золотых фонтанов, блюда с закусками для смертных теснились на банкетных столах. Золотые кубки наполнялись любым напитком, какой только пожелаешь. Гроувер прогуливался по залу с полным блюдом жестянок и энчилады, а также кубком двойного эспresso латте, бормоча как заклинание: «Пан! Пан!»

Боги подходили один за другим, чтобы поздравить меня. К счастью, они уменьшились до обычных человеческих размеров, так что не могли случайно раздавить кого-нибудь из тех, кто явился на торжество. Гермес болтал со мной и находился в таком приподнятом настроении, что мне ужасно не хотелось говорить ему о случившемся с его любимым сыном Лукой, однако не успел я собраться с духом, как Гермесу позвонили по кадуцею и он ушел.

Аполлон сказал, что я могу воспользоваться солнечной колесницей в любое время, а если захочу брать уроки стрельбы из лука...

— Спасибо, — ответил я, — но, по правде сказать, в этом искусстве я не силен.

— Да ерунда! — ответил он. — Будем летать над Штатами в колеснице и упражняться в стрельбе по цели. Вот будет потеха!

Я извинился и стал протискиваться сквозь толпы гостей, танцевавших во внутренних двориках. Я искал Аннабет. В последний раз, когда я ее видел, она выплясывала с каким-то младшим божеством.

— Надеюсь, ты меня не подведешь, — произнес сзади чей-то мужской голос.

Обернувшись, я увидел улыбающегося Посейдона.

— Папа... привет!

— Добрый день, Перси. Ты хорошо справился.

От его похвалы мне стало не по себе. То есть, конечно, это было приятно, однако я знал, как много он поставил на кон, ручаясь за меня. Эх, было бы намного легче, если бы остальные решили покончить со мной.

— Не подведу, — пообещал я.

Посейдон кивнул. Трудно прочесть по лицу бога его эмоции, но мне показалось, что у него еще остались кое-какие сомнения.

— Твой друг Лука...

— Он мне не друг, — выпалил я. Потом спохватился, что прерывать бога невежливо: — Извини.

— Твой *прежний* друг Лука, — поправился Посейдон. — Однажды он уже обещал нечто подобное. Он был гордостью и радостью Гермеса. Просто помни об этом, Перси. Даже самых отважных может ожидать падение.

— Лука здорово грохнулся, — согласился я. — Он погиб.

— Нет, Перси, — покачал головой Посейдон. — Лука жив.

— Что?

— Я думал, Аннабет сказала тебе. Лука не умер. Я видел его. Его корабль отплыл из Сан-Франциско с останками Кроноса. Он отступит и перегруппируется, прежде чем напасть на вас снова. Я приложу все силы, чтобы наслать бури, которые разрушат его судно, но он заключает союзы с моими недругами — более древними духами морской стихии. Они будут сражаться, чтобы защитить его.

— Но как же он мог выжить? — спросил я. — Упасть с такой высоты — верная смерть!

— Не знаю, Перси, но берегись его. — Посейдон с мрачным видом покачал головой. — Он опасен более, чем когда-либо. И золотой саркофаг все еще у него, набирает силу.

— А этот Атлас? — спросил я. — Что помешает ему скрыться снова? Разве он не может заставить какого-нибудь великана поддержать небо за него?

Отец только презрительно фыркнул.

— Если бы это было так просто, он давно бы уже сбежал. Нет, сын. Проклятие небес может лечь только на титана — одного из сыновей Геи и Урана. Любой другой может выбрать это бремя только по своей воле. Такое может совершить лишь герой — человек, обладающий великой силой, добрым сердцем и недюжинной отвагой. Никто из войска Кроноса не осмелится взять на себя такую ношу даже под страхом смерти.

— Это сделал Лука, — сказал я. — Он освободил Атласа. Затем хитростью завлек Аннабет и использовал ее, чтобы заставить Артемиду принять тяжесть небес на себя.

— Да. — Посейдон задумался. — Этот Лука... интересный экземпляр.

Думаю, он хотел сказать еще что-то, но как раз в этот момент раздалось мычание Бесси. Несколько полубогов вздумали поиграть с его водяной сферой, весело перебрасывая ее над толпой.

— Пойду-ка я присмотрю за ними, — проворчал Посейдон. — Мы не можем позволить, чтобы в Офиотавра играли, как в пляжный волейбол. Всего тебе хорошего, сын. Думаю, в ближайшее время нам будет не до разговоров.

С этими словами он ушел.

Я уже собирался снова отправиться на поиски Аннабет, когда рядом раздался другой голос.

— Знаешь, твой отец очень рискует.

Обернувшись, я оказался лицом к лицу с сероглазой женщиной, настолько похожей на Аннабет, что я чуть было не назвал ее так.

— Афина. — Я постарался, чтобы в моем голосе не прозвучала обида, но, кажется, мне это плохо удалось.

— Не суди меня слишком строго, полукровка, — сухо улыбнулась богиня. — Мудрый совет не всегда популярен, но я говорила правду. Ты опасен.

— А вы никогда не рискуете?

— Очко в твою пользу, — кивнула она. — Возможно, ты еще можешь оказаться полезным. И все же... твоя роковая слабость может уничтожить всех нас, равно как и тебя самого.

Сердце мое неистово застучало. Год назад мы с Аннабет говорили о роковых слабостях. У каждого героя есть хоть один такой изъян. У нее, как сказала Аннабет, это гордыня. Она верила, что способна на что-нибудь такое... ну, скажем, поддержать мир на своих плечах. Или спасти Луку. А вот о своих слабых сторонах я не знал.

— Кронос знает о твоей слабости, даже если ты сам не знаешь о ней. Он умеет изучать своих противников. Подумай, Перси. — Афина поглядела на меня почти с жалостью. — Как он манипулировал тобой? Сначала отобрал мать. Затем твоего лучшего друга Гроувера. И вот теперь — мою дочь Аннабет... Каждый раз ты любил тех, кто невольно заманивал тебя в ловушки Кроноса. Твой роковой недостаток — это верность людям, Перси. Ты не умеешь смиряться с потерями. Чтобы спасти друга, ты готов пожертвовать целым миром. Для героя пророчества это очень-очень опасно.

Я сжал кулаки.

— Это не недостаток. Только потому, что я хочу помочь своим друзьям...

— Самые опасные слабости — те, которые легко использовать, — сказала Афина. — Зло побороть не так трудно. А вот недостаток мудрости... очень и очень непросто.

Я хотел возразить и не смог. Афина была чертовски умна.

— Надеюсь, мудрое решение Совета со временем окажет свое действие, — добавила она. — Но я буду наблюдать за тобой, Перси Джексон. Я не одобряю твоей дружбы с моей дочерью. Думаю, это не

слишком умно с обеих сторон. Если же устои твоей верности пошатнутся...

Она вперила в меня холодный серый взор, и я понял, каким страшным врагом может стать Афина — во сто крат хуже, чем Арес или Дионис, а может, даже и мой отец. Афина никогда не сдастся. Она никогда не поступит опрометчиво или глупо, даже если ненавидит тебя, а уж если наметит какой-нибудь план — он не даст сбой.

— Перси! — окликнула меня Аннабет, пробегая сквозь толпу. Но тут же остановилась, увидев, с кем я говорю. — Ах... мама.

— Оставляю вас, — произнесла Афина. — До поры до времени.

Богиня повернулась и широкими шагами пошла сквозь толпу, которая расступалась перед ней, словно она несла Эгиду.

* * *

— Тяжело тебе с ней пришлось? — спросила Аннабет.

— Да нет, — ответил я, — нормально.

Аннабет заботливо оглядела меня. Дотронулась до седых прядей в волосах, таких же, как и у нее, — мучительное воспоминание о грузе Атласа. Я так многое хотел сказать ей, но Афина лишила меня уверенности. Я болезненно ощущал ее слова, словно удар под дых.

«Я не одобряю твоей дружбы с моей дочерью».

— Ну так что же ты хотел мне сказать? — спросила Аннабет.

Играла музыка. Люди танцевали на улицах.

— В общем, я подумал... нас тогда прервали — в Уэстовер-холле. И... по-моему, я должен тебе танец.

Аннабет медленно улыбнулась.

— Хорошо, рыбы мозги.

Я взял ее за руку и не знаю, что слышали все остальные, но для меня звучат медленный танец — немного грустный, но в то же время таящий в себе надежду.

Глава двадцатая

К рождеству я наживаю себе нового врага

До того как покинуть Олимп, я решил сделать несколько звонков. Это было непросто, но наконец я нашел тихий фонтан в углу сада и через Ириду отправил сообщение моему брату Тайсону в морские глубины. Я рассказал ему о наших приключениях, а также о Бесси — он хотел все узнать о симпатичном юном змеебыке — и заверил, что Аннабет в безопасности. Потом объяснил, что щит, который он сделал для меня прошлым летом, был поврежден во время нападения мантикоры.

— Значит, хороший был щит! — обрадовался Тайсон. — Он спас тебе жизнь!

— Это конечно, — ответил я. — Но теперь от него не много осталось.

— Как это не много?! Вот погоди, следующим летом навещу тебя и все исправлю, — пообещал Тайсон.

Эта мысль моментально подняла мне настроение. Наверное, дело в том, что я вдруг понял, как мне не хватало Тайсона.

— Серьезно? — спросил я. — Они позволяют вам брать отпуска?

— Да! Я выковал две тысячи семьсот сорок один волшебный меч, — с гордостью произнес Тайсон, показывая мне свой последний клинок. — Босс сказал: «Отличная работа!» Готов отпустить меня хоть на целое лето. Так что заеду в лагерь!

Мы поговорили с ним о военных приготовлениях, о борьбе нашего отца с древними духами моря, а также обо всех замечательных проделках, которые предстоят нам будущим летом, но потом босс Тайсона заорал на него, и ему пришлось вернуться к работе.

Я откопал в кармане последнюю золотую драхму и еще раз обратился к Ириде.

— Салли Джексон, — попросил я. — Верхний Ист-Сайд, Манхэттен.

Туман превратился в мерцающую дымку, и сквозь нее я увидел, как мама сидит за кухонным столом, смеется и держит за руку своего друга мистера Блоуфиша.

Я настолько смутился, что уже собирался помахать рукой и прервать связь, но, прежде чем успел сделать это, мама заметила меня.

Глаза ее широко распахнулись. Она быстро выпустила руку мистера Блоуфиша.

— Ох, Пол! Знаешь что? Я оставила дневник в гостиной. Не мог бы ты

сделать мне одолжение и сходить за ним?

— Конечно, Салли. О чем разговор?

Как только он вышел из кухни, мама быстро наклонилась вперед и спросила:

— Перси! Ты в порядке?

— Да, в полном. Как занятия писательского семинара?

— Хорошо. — Она скривила губы. — Но это не важно. Расскажи, как у тебя дела!

Я изложил ей все так быстро, как мог. Услышав, что Аннабет в безопасности, мама облегченно вздохнула.

— Я знала, что тебе это удастся! — воскликнула она. — Я так тобой горжусь.

— Ну ладно, не буду тебя задерживать, возвращайся к своему домашнему заданию.

— Перси, я... мы с Полом...

— Ма, ты счастлива?

Казалось, мой вопрос застал ее врасплох. Она на минуту задумалась.

— Да, Перси, да. Быть рядом с ним — такое счастье!

— Тогда это здорово. Seriously. И не беспокойся обо мне.

Забавно, но, вспоминая о своих недавних приключениях, я подумал, что, пожалуй, это я должен был беспокоиться о маме. Я видел множество примеров того, как отвратительно одни люди могут поступать с другими, например отношение Геракла к Зое или Луки к Талии. Я лично встретился с богиней любви Афродитой, и ее могущество испугало меня больше, чем Арес. Но, видя, как мама смеется и улыбается после всех мучительных лет, проведенных с моим мерзким отчимом, Гейбом Ульяно, я не мог сдержать чувства радости за нее.

— Обещаешь не называть его мистером Блоуфишем? — спросила она.

— В любом случае обещаю не называть его так в лицо. — Я пожал плечами.

— Салли! — крикнул мистер Блофис из гостиной. — Тебе в зеленом переплете или в красном?

— Я, пожалуй, пойду, — сказала мама. — Увидимся на Рождество?

— Положишь синее пирожное в мой чулок?

— Если ты не слишком стар для этого, — улыбнулась она.

— Я никогда не буду слишком старым для пирожных.

— Тогда увидимся.

Она помахала рукой сквозь туман. Ее облик постепенно истаял, и я подумал, что Талия, тогда, давно, в Уэстовер-холле, была права: у меня

действительно совершенно замечательная мама.

* * *

По сравнению с Олимпом на Манхэттене царило затишье. Пятница перед Рождеством, но в этот ранний час на Пятой авеню еще не было ни машин, ни людей. Аргус, наш стоглазый шеф безопасности, подобрал Аннабет, Гроувера и меня возле Эмпайр-стейт-билдинга и доставил обратно в лагерь. Мела поземка. Автомобилей на шоссе Лонг-Айленда тоже почти не было.

Пока мы устало плелись по склону Холма полукровок к сосне, в ветвях которой блесело Золотое руно, я почти надеялся увидеть там поджидающую нас Талию. Но не увидел. Она давно отбыла с Артемидой и остальными охотницами в поисках новых приключений.

Хирон встретил нас в Большом доме, сразу предложив горячего шоколада и поджаренные тосты с сыром. Гроувер отправился к своим друзьям-сатирам рассказывать о нашей странной встрече с волшебством Пана. Через час сатиры возбужденно носились вокруг Большого дома, спрашивая у всех и каждого, где тут ближайший кофе-бар.

Аннабет и я сидели за столом с Хироном и несколькими старожилками лагеря — Бекендорфом, Силеной Боргард и братьями Стоулл. Присутствовала даже Кларисса из домика Ареса, вернувшаяся из своей тайной разведывательной поездки. Я понял, что поиски ее были нелегкими, потому что она даже не пыталась уничтожить меня взглядом. На подбородке у Клариссы появился новый шрам, а грязные светлые волосы были подстрижены коротко и свисали неровными патлами так, будто кто-то прошелся по ним садовыми ножницами.

— У меня новости, — тревожно пробормотала она. — Плохие.

— Я выслушаю тебя позже, — ответил Хирон, сохраняя на лице приветливое выражение. — Главное — это то, что вы одержали верх. И спасли Аннабет!

Аннабет благодарно улыбнулась мне, но я отвел взгляд.

По какой-то непонятной причине я вспомнил плотину Гувера и странную смертную девушку, с которой встретился там, — Рейчел Элизабет Дэр. Не знаю уж почему, но у меня в памяти всплыли ее слова: «Вы всегда убиваете людей, которые сморкаются?»

Я остался в живых исключительно потому, что многие помогали мне, даже эта случайно попавшаяся на моем пути смертная девушка. Я так и не

объяснил ей, кто я такой.

— Лука жив, — сказал я. — Аннабет была права.

— Откуда ты знаешь?! — Аннабет выпрямилась на стуле.

Я постарался, чтобы ее возбуждение не слишком задело меня. И повторил рассказ моего отца о «Принцессе Андромеде».

— Что ж, — она беспокойно заерзала на стуле, — если последняя битва разразится, когда Перси исполнится шестнадцать, у нас есть по крайней мере два года для того, чтобы что-нибудь придумать.

Мне показалось, что, говоря «что-нибудь придумать», она имела в виду «вернуть Луку на праведный путь», и от этого моя досада еще увеличилась.

У Хирона сделался угрюмый вид. Сидя у огня в своей инвалидной коляске, он действительно выглядел стариком. То есть... он ведь и был стариком, но только никогда не выглядел так.

— Два года могут показаться немалым сроком, — сказал кентавр. — На самом же деле не успеешь и моргнуть, как... Я все еще надеюсь, что не ты дитя из пророчества, Перси. Но если это так, вторая война с титанами уже близко. И Кронос нанесет первый удар здесь.

— Откуда вы знаете? — спросил я. — Зачем ему лагерь?

— Потому что боги всегда используют героев как инструмент, — без обиняков ответил Хирон. — Сломай инструменты, и ты лишишь богов их всемогущества. Войска Луки явятся сюда. Смертные, полубоги, монстры... Мы должны быть готовы. Новости, принесенные Клариссой, могут послужить нам ключом к тому, как они собираются атаковать нас, но...

Раздался стук, и на пороге гостиной возник Нико ди Анджело, щеки его разругались от холода.

Он улыбался, но тревожно оглядывался по сторонам.

— Привет! Где... где моя сестра?

Воцарилось мертвое молчание. Я уставился на Хирона. Не верилось, что никто ему до сих пор не сказал. И только потом я понял почему. Они ждали, пока появимся мы, чтобы лично сообщить обо всем Нико.

Мне этого хотелось менее всего на свете. Но я был в долгу перед Бьянкой.

— Привет, Нико. — Я встал со своего уютного кресла. — Пошли прогуляемся, ладно? Нам надо поговорить.

Он выслушал новость молча, что каким-то образом усугубило тяжесть, лежавшую на моей душе. Я продолжал рассказывать, как все вышло, как Бьянка пожертвовала собой во имя поиска. Но я чувствовал, что, говоря, только ухудшаю ситуацию.

— Она хотела, чтобы я передал тебе это. — Я достал фигурку бога, которую Бьянка подобрала на свалке.

Нико подержал ее на ладони, разглядывая.

Мы стояли в трапезной, как раз на том месте, где разговаривали в последний раз, прежде чем я отправился на поиск. Ветер был обжигающе холодный, даже несмотря на волшебную климатическую защиту лагеря. Снег мягко ложился на мраморные ступени. Я представлял, какая метель бушует сейчас за пределами лагеря.

— Ты обещал защищать ее, — сказал Нико.

С равным успехом он мог пырнуть меня ржавым кинжалом. Боль была бы не такой сильной, как напоминание о моем обещании.

— Нико... Я пытался. Но Бьянка пожертвовала собой, чтобы спасти остальных. Я отговаривал ее. Но...

— Ты обещал! — Он посмотрел на меня испепеляющим взглядом, вокруг глаз появился красный ободок. Нико сжал в кулаке статуэтку бога. — Не стоило доверять тебе. — Его голос надломился. — Ты лгал мне. В моих кошмарах все было правильно!

— Постой... В каких кошмарах?

Нико отшвырнул фигурку бога. Она, звеня, покатилась по обледеневшему мрамору.

— Ненавижу тебя!

— Может, она жива, — в отчаянии сказал я. — Трудно сказать наверняка...

— Она умерла. — Нико закрыл глаза. Тело его сотрясало от ярости. — Я должен был догадаться раньше! Вот сейчас она стоит на Полях Асфоделей, и ее судят. Я чувствую это!

— Что значит — ты чувствуешь это?

Прежде чем он успел ответить, я услышал позади какой-то новый звук. Клацающее шипение, которое было мне так хорошо знакомо.

Я выхватил меч, Нико тяжело дышал. Резко развернувшись, я лицом к лицу столкнулся с воинами-скелетами. Они усмехались лишенными плоти ртами и надвигались на нас, обнажив мечи. Не знаю, как им удалось проникнуть в лагерь, но это было не важно. Помощь не успеет прийти вовремя.

— Ты хочешь убить меня! — выкрикнул Нико. — Ты привел сюда

этих... этих страшилищ?

— Нет! То есть да, они пришли за мной! Беги, Нико. Их нельзя уничтожить.

— Я тебе не верю!

Первый зомби бросился на меня. Я отбил его удар, но трое других продолжали теснить меня. Я разрубил одного напополам, но половинки моментально принялись срастаться. Я снес голову еще одному, но он продолжал размахивать мечом.

— Беги, Нико! — заорал я. — Зови на помощь!

— Нет! — Он зажал уши руками.

Я не мог сражаться один против четверых, даже если бы их можно было убить. Я рубил с плеча, крутился волчком, блокировал удары, колол. Но они просто продолжали двигаться вперед. Ясно было, что еще пара минут — и зомби одолеют меня.

— Нет! — крикнул Нико. — УБИРАЙТЕСЬ!

Из-под земли донесся грохот. Скелеты застыли. Я успел отступить как раз тогда, когда перед четырьмя воинами появилась трещина. Земля разверзлась ощерившейся пастью. Языки пламени вырвались из расселины, и земля с громким чавканьем поглотила скелеты.

Настала тишина.

Там, где только что стояли скелеты, по мраморному полу трапезной тянулся двадцатифутовый шрам. От самих воинов-зомби не осталось и следа.

В благоговейном потрясении я уставился на Нико.

— Как ты?..

— Убирайся! — пронзительно завопил он. — Ненавижу тебя! Чтоб ты сдох!

Земля не поглотила меня, а Нико побежал вниз по ступеням в сторону леса. Я бросился за ним, но поскользнулся и упал на обледеневшие ступени. Встав, я увидел, на чем именно я поскользнулся.

Я поднял с земли фигурку бога, которую Бьянка подобрала на свалке для Нико. «Единственная фигурка, какой у него нет», — сказала она. Последний дар сестры.

Я смотрел на нее со страхом, потому что наконец понял, почему это лицо мне знакомо. Я уже видел его прежде.

Это было изображение Аида, повелителя мертвых.

Аннабет и Гроувер несколько часов помогали мне прочесывать лес, но никаких признаков Нико ди Анджели мы не обнаружили.

— Мы должны рассказать Хирону, — запыхавшись, сказала Аннабет.

— Нет, — ответил я.

Они с Гроувером переглянулись.

— Хм, — тревожно произнес Гроувер, — что ты хочешь сказать этим «нет»?

Я хотел было объяснить, но слова куда-то улетучились.

— Надо, чтобы никто не узнал. Думаю, никто не понимает, что Нико...

— ...сын Аида, — закончила Аннабет. — Ты хоть представляешь, насколько это серьезно, Перси? Даже если Аид нарушил клятву! Это ужасно!

— Не думаю. — Я помотал головой. — Не думаю, чтобы Аид нарушил клятву.

— Что?

— Он был отцом Бьянки и Нико, но их рождение не подпадает под уговор, они появились на свет еще до Второй мировой войны.

— Казино «Лотос»! — воскликнул Гроувер и рассказал Аннабет о разговоре, случившемся у нас с Бьянкой во время поиска. — Они с Нико застряли там на десятилетия. Они родились до заключения договора.

Я кивнул.

— Но как же они оттуда выбрались? — не сдавалась Аннабет.

— Не знаю, — признался я. — Бьянка сказала, что приехал какой-то адвокат, забрал их и отвез в Уэстовер-холл. Не знаю, кто это был и зачем он это сделал. Возможно, это часть Великого Сотрясения. Не думаю, чтобы Нико понимал, кто он. Но мы никому не должны рассказывать. Даже Хирону. Если боги Олимпа узнают...

— Они могут начать враждовать между собой снова, — вздохнула Аннабет. — Это нам совсем ни к чему.

— Но нельзя скрыть что-либо от богов. — На лице сатира была написана озабоченность. — На время — да. Но не навсегда.

— Навсегда и не надо, — сказал я. — Всего на два года. Пока мне не исполнится шестнадцать.

Аннабет побледнела.

— Но, Перси, это значит, что пророчество может быть и не о тебе. Оно может касаться Нико. Мы должны...

— Нет, — сказал я. — Я выбираю пророчество. Оно будет обо мне.

— Почему ты так говоришь? — воскликнула Аннабет. — Хочешь быть ответственным за весь мир?

Этого мне хотелось меньше всего, но я такого и не заявлял. Я понимал, что должен выдвинуть свой план.

— Я не допущу, чтобы Нико снова оказался в опасности, — сказал я. — Я слишком многим обязан его сестре. Я... больше их не подведу. Я больше не позволю бедному парнишке страдать.

— Бедному парнишке который ненавидит тебя и хочет, чтобы ты сдох, — напомнил Гроувер.

— Возможно мы сумеем найти его, — предположил я. — Сможем убедить его, что все в порядке, спрятать в каком-нибудь безопасном месте.

Аннабет вздрогнула.

— Если он попадет к Луке...

— Не попадет, — сказал я. — Не сомневайтесь — у Луки есть о ком беспокоиться. А именно — обо мне.

* * *

Я сомневался, что Хирон поверит в историю, которую рассказали ему мы с Аннабет. Думаю, он догадывался, что я скрываю что-то связанное с исчезновением Нико, но в конце концов он принял ее. К сожалению, Нико был не первым полукровкой, пропавшим без вести.

— Такой молодой, — вздохнул Хирон, опершись на перила крыльца. — Увы, надеюсь, что его сожрали чудовища. Все лучше, чем завербоваться в войско титанов.

От этой мысли мне стало не по себе. Я чуть было не рассказал старому кентавру всю правду.

— Вы действительно думаете, что первая атака придется по лагерю? — спросил я.

Хирон помолчал, глядя на снег, запорошивший холмы. Отсюда был виден дымок, испускаемый драконом, который охранял сосну, и поблескивавшее на солнце Руно.

— По крайней мере, это случится не раньше лета, — ответил Хирон. — Эта зима будет... пожалуй, самой суровой за множество столетий. Лучше, если ты вернешься домой, в город, Перси, и будешь думать о школе. И отдохнешь. Тебе нужен отдых.

— Ну а ты? — Я посмотрел на Аннабет.

— Все-таки собираюсь в Сан-Франциско. — Ее щеки зарумянились. — Буду не спускать глаз с горы Тамалпаис, чтобы удостовериться, что титаны не задумали чего-нибудь еще.

— Пришлешь сообщение через Ириду, если что?

Аннабет кивнула.

— Но думаю, Хирон прав. Раньше лета это не случится. Луке потребуется время, чтобы восстановить силы.

Идея выжидания мне не понравилась. Потом, опять-таки в следующем августе мне исполнится пятнадцать. А там, глядишь, и шестнадцать стукнет, но сейчас я не хотел думать об этом.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Только смотри береги себя. И никаких фокусов с бипланом.

— Договорились. — Она неуверенно улыбнулась. — И, Перси...

Тут ее прервал Гроувер, который кубарем влетел на веранду Большого дома, рассыпая из карманов жестянки. Лицо его осунулось и побледнело, словно он только что увидел привидение.

— Он заговорил! — крикнул Гроувер.

— Успокойся, мой юный сатир, — нахмурившись, произнес Хирон. — Что стряслось?

— Я... я играл на дудочках в гостиной, — запинаясь, произнес Гроувер, — и пил кофе. Много-много кофе! И вдруг в ушах у меня раздался его голос!

— Чей голос? — спросила Аннабет.

— Пана! — простонал Гроувер. — Самого бога дикой природы. Мне нужен... нужен чемодан.

— Ну-ну... — Я приподнял бровь. — И что же он сказал?

Гроувер в полном отчаянии посмотрел на меня.

— Всего три слова. Он сказал: «Я жду тебя».

Примечания

1

Got chalk (*англ.*) — съел(а) мел. — (*Здесь и далее примеч. ред.*)

Джесси Маккартни — молодой американский актер и звезда поп-музыки.

«Грин дэй» («Green Day») — популярная американская панк-группа.

Ground Zero (*англ.*) — нулевая отметка — место, где произошел взрыв бомбы. В частности, так журналисты называли место в центре Нью-Йорка, где до 11 сентября 2001 г. стояли две башни Всемирного торгового центра, разрушенные в результате атаки террористов.

Полуостров на Северо-Восточном побережье США

Суфле, изготавливаемое из кукурузного сиропа, сахара, пищевого крахмала и др. компонентов. Поджаривается на палочке на открытом огне.

Категория PG — «не рекомендуется смотреть детям» (присваивается в США и Великобритании фильмам, которые не рекомендуются для просмотра детям, но и не запрещаются категорически); категория PG-13 — «детям до 13 лет смотреть не рекомендуется».

8

Сорт винограда, из которого изготавливается красное вино.

Blow fish (*англ.*) — голубая рыба.

Ламантин — водное ластоногое млекопитающее, похожее на крупного тюленя.

Крайслер-билдинг — один из символов г. Нью-Йорка, небоскреб компании «Крайслер», построенный в стиле ар-деко архитектором У. Ван Алленом.

«Гавайский пунш» — товарный знак различных видов смешанных фруктовых соков производства компании «Доктор Пеппер».

Американская рок-группа. В состав ее входят всего два человека: Джек Уайт, гитарист, пианист и вокалист, и барабанщица Мэг Уайт.

AZ (англ.) — обозначение штата Аризона.

ФДР-драйв — скоростная магистраль, проходящая по берегу Манхэттена. Названа в честь Франклина Делано Рузвельта.

Здесь и далее игра слов. По-английски dam (плотина) и damn(черт) звучат одинаково.

Кукурузные лепешки с начинкой и острым соусом.

Имеется в виду Сьерра-Невада — горный хребет на востоке штата Калифорния.

Художественный музей в Сан-Франциско, известен великолепным собранием живописи и скульптуры.

Лонг-Айленд (*англ.*) — длинный остров.

Sopwith Camel — британский истребитель времен Первой мировой войны.

Национальный парк в Сан-Франциско.